ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

Чернов Лев Алексеевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМИИ В МАНЬЧЖУРИИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

На соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор

К.Е.Балдин

Иваново – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……...….3-41

Глава 1. **Внешние факторы повседневной жизни офицеров русской армии в Маньчжурии ……..……..…42-91**

1.1. Природно-климатические условия, транспортная система, население театра военных действий…….……....42-57

1.2. Деньги и цены в военное время……..…….58-70

1.3. Медицинское обеспечение ……..….71-89

Глава 2. **Бытовые аспекты повседневности офицеров…….....92-156**

2.1. Униформа, снаряжение, амуниция и вооружение офицеров……..…92-106

2.2. Личные вещи офицеров на войне…….…..107-116

2.3. Снабжение и питание ……..……..…....117-128

2.4. Жилищные условия в Маньчжурии…….……..……....129-140

2.5. Развлечения офицеров ……....141-153

Глава 3. **Нематериальные особенности повседневной жизни Маньчжурской армии ……..…157-189**

3.1. Социальный облик офицеров Маньчжурской армии…….157-166

3.2. Специфика комплектования офицерского состава и отношения между офицерами как отражение нематериальных аспектов повседневности ……..…...167-176

3.3. Патриотический подъем, отношение к войне и моральное состояние офицеров ….……..……...…..177-187

Заключение……190-195

Список источников и литературы……196-213

Приложения……..214-222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Конец XIX – начало XX века – это эпоха войн за передел сфер влияния в мире. С точки зрения международной политики на Дальнем Востоке завязался узел противоречий, который явился классическим примером стремлений ведущих держав к захвату территорий, рынков сбыта, сфер приложения капитала, приобретения зон влияния. В этом плане конфликт России с Японией был в известной мере похож на испано-американскую войну 1898 года, где также происходил передел земель. Разница заключалась в том, что Япония оказалась равным по силе соперником для России, в отличие от нищей полуфеодальной Испании, которая была явно слабее США. Внешне схожей с дальневосточным конфликтом 1904-1905 гг. представляется и вторая англо-бурская война 1899-1902 гг., где столкнулись интересы одной из крупнейших мировых держав – Великобритании, стремившейся заполучить богатые месторождения золота и алмазов Южной Африки, и бурских республик, боровшихся за сохранение независимости.

Русско-японская война 1904-1905 гг. – первая война XX века, которая определила облик будущих военных противостояний в мире. Масштабы битв по численности участвовавших в них войск предвосхитили размах сражений Первой мировой войны. Самая крупная битва в ходе этого противостояния состоялась под Мукденом. Она длилась несколько недель, фронт был растянут на 150 км, а совокупная численность обеих армий составила более полумиллиона человек[1]. Это было одно из самых значительных сражений в истории человечества до того момента.

То был первый крупный конфликт, в котором воевали армии, оснащенные оружием нового образца, в морских сражениях участвовали флоты, состоящие из броненосцев – мощных кораблей нового типа. В ходе русско-японской войны были применены и в больших масштабах освоены

[1]Русско-японская война 1904-1905 гг. / под ред. И.И.Ростунова. М., 1977. С.304.

новейшие достижения науки и техники: пулеметы и вновь сформированные пулеметные подразделения, телефонная и телеграфная связь на полях сражений, повсеместное применение защитного цвета и элементов маскировки в обмундировании и снаряжении, а также другие инновации своего времени[1].

Широкое внедрение технических новшеств изменило приемы ведения боя. Значительно возросшая огневая мощь в совокупности с увеличением точности огнестрельного оружия в масштабах больших военных соединений заставила пересмотреть тактические и стратегические схемы ведения войны. Увеличилась роль скрытного перемещения частей и подразделений по полю боя и вне его, изменились военные построения (сомкнутые колонны окончательно уступили место стрелковым цепям), значительно выросла роль полевых фортификационных сооружений, защищавших как от действия стрелкового оружия, так и от огня артиллерии. Увеличилась скорость обмена информацией и, соответственно, уменьшилось время, необходимое для передачи приказов войскам.

Маньчжурия находилась очень далеко от основных центров снабжения, расположенных в основном в Европейской России, поэтому тыловым службам приходилось решать сложные логистические задачи по доставке всего необходимого на театр военных действий. В условиях ограниченной пропускной способности Транссибирской магистрали интендантство пыталось наладить поставку прежде всего продовольствия, а также снаряжения через близкие к театру военных действий источники, в частности, Монголию и сам Китай.

Война 1904-1905 гг. оказала свое влияние на внутриполитическую обстановку в Российской империи, явившись катализатором революции и показателем слабости существующего политического строя. С одной стороны, как и любое военное противостояние, конфликт между Россией и

[1]Ivanov A, Jowlett P. The Russo-Japanese war 1904-1905. London, 2003. P.8.

Японией требовал огромных финансовых затрат, которые в значительной степени осложнили социально-экономическое положение страны. С другой стороны, политическую обстановку в Российской империи обострили постоянные поражения на суше и на море.

В настоящее время, рассматривая русско-японскую войну 1904-1905 гг. в ретроспективе исторического процесса, можно с уверенностью утверждать, что события, происходившие тогда на Дальнем Востоке, оказали серьезное влияние не только на дальнейшие события, происходившие в России, но и на мировую историю в целом.

Этот, в принципе локальный конфликт, который продолжался 18 месяцев, привлек к себе внимание исследователей из многих стран. Его начали изучать, когда еще велись боевые действия. Более чем за сто лет свет увидели тысячи работ, посвященных различным аспектам противостояния России и Японии.

В современной российской исторической науке происходит переосмысление всего исторического процесса, без оглядки на господствовавшую в советское время жесткую идеологию. Появилась возможность изучать события и исторические процессы вне системы марксизма-ленинизма, которая предполагала рассмотрение любой проблемы с позиций классовой борьбы. Концептуальное разнообразие не прошло мимо такого знакового события для отечественной истории как русско-японская война 1904-1905 гг. С этим связан значительный рост числа работ современных исследователей.

Наметилась тенденция к диверсификации изучаемых проблем. Исследователи обращаются к совершенно разным вопросам, связанным с тем неудачным для России конфликтом: военные действия на суше и на море, разведка и контрразведка, причины поражения и условия заключения мира. Все большую актуальность обретают различные аспекты русско-японской войны 1904-1905 гг., изучаемые в рамках методов, сформировавшихся во второй половине XX века под влиянием новых веяний в философии и

исторической науке. Речь идет прежде всего о так называемом историко-антропологическом повороте, зародившимся на Западе в 60-х годах XX века и получившим новый толчок к развитию в России в 90-е гг, когда прежняя идеология утратила свое влияние. Именно это позволило сместить акцент исследований с событийной составляющей русско-японской войны 1904-1905 гг. и переключиться на собственно антропологическую часть. Новые методы при решении новых проблем позволят рассмотреть данный конфликт со всех сторон. Прежде всего необходимо выделить такое направление в исторической науке как история повседневности.

Это течение в исторической науке изучает повседневную жизнь людей. Она позволяет с иной стороны взглянуть на развитие общества. Тем более что подробное рассмотрение повседневности во время боевых действий, когда сами люди находятся в стрессовой ситуации, а государство, обеспечивающее свою армию, - в режиме напряженной работы для достижения победы, позволяет гораздо лучше понять историческую реальность исследуемого периода и с точки зрения макроистории, и с позиций микроистории. Именно в этом ключе изучение повседневной жизни армии в годы войны 1904-1905 гг. является крайне важным звеном в понимании не только конфликта между Россией и Японией, но и в целом исторических процессов, происходивших в Российской империи в те годы.

К сожалению, до сегодняшнего дня ученые мало обращались именно к военной повседневности, в том числе к повседневной жизни воюющей армии. Исследование таких проблем, как быт или психология военных, находящихся в зоне боевых действий, имеет большую значимость не только с точки зрения антропологического подхода к истории, но и социально-экономической и политической составляющей исторического процесса.

Особую роль здесь играет изучение офицерского корпуса как менее зависимого от внешних факторов. Офицеры, в отличие от рядовых, не снабжались военным ведомством, а готовились к походу в Маньчжурию самостоятельно и имели в определенных границах свободу выбора одежды,

личных вещей и даже снаряжения. По этой же причине особый интерес рассматриваемой нами проблемы обусловлен, в отличии от нижних чинов, определенной вариативностью быта офицеров и, соответственно, способами их приспособления к меняющимся вокруг них обстоятельствам. Также вызывает любопытство морально-психологичекая составляющая жизни офицеров как профессиональных военных в условиях постоянных неудач в боях и уже начавшейся революции в России.

В связи с этим, мы можем сделать заключение о том, что в рамках развития современной исторической мысли данная тема требует отдельного рассмотрения.

Объектом исследования является офицерский корпус Маньчжурской армии в годы русско-японской войны 1904-1905 гг., т.е. как фронтовые офицеры, так и те, кто служил в тылу. В понятие «Маньчжурская армия» в данном исследовании входит русская действующая армия в Северо-Восточном Китае. С начала войны до октября 1904 г. она носила такое название, а затем была структурно разделена на 1-ю, 2-ю и 3-ю Маньчжурские армии. Это деление сохранялось до подписания Портсмутского мирного договора.

Предмет исследования - повседневная жизнь офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы войны и внешние факторы, определявшие ее. В понятие повседневная жизнь мы включаем как сферу быта, так и морально-психологическую составляющую жизни офицеров во время конфликта.

Хронологические рамки работы составляют 18 месяцев – с января 1904 г. до августа 1905 г.[1] Нижняя временная граница обусловлена объявлением войны, приведением сил в боевую готовность, проведением первых мероприятий по мобилизации. Верхний хронологический рубеж

[1]Все даты в настоящем исследовании указаны по юлианскому календарю, действовавшему в Российской империи в изучаемый период.

избран нами по причине подписания Портсмутского мирного договора, означавшего юридическое окончание войны и перевод армии в мирное положение.

Географические рамки нашей работы ограничены Маньчжурией, т.е. Северо-Восточным Китаем, где находилась действующая армия, за исключением Ляодунского полуострова, где располагался Квантунский укрепленный район с центром в Порт-Артуре. Это сделано в силу больших различий между жизнью в полевой армии и гарнизоном осажденной крепости: вскоре после начала войны с Ляодуна в Порт-Артур были стянуты все войска, превратившись, по сути, в его гарнизон.

Историография вопроса. Необходимо выделить три периода ее развития: дореволюционный, советский и современный, т.е. постсоветский.

Дореволюционный период. Данный этап характеризуется очень значительным числом изданных работ. Еще во время войны, а также практически сразу после ее окончания было выпущено большое число публикаций, посвященных ей. Первые работы о конфликте увидели свет, когда сражения еще продолжались. Вскоре после начала войны были выпущены книги Н.Ермилова, Е.Е.Радзишевского[1], а также сборник «Японская армия»[2]. Такой интерес к японской армии был вызван слабым знанием японской армии и стремлением сравнить противников. Это были издания во многом справочного характера, содержащие информацию о численности, обмундировании, вооружении японцев, а также о структурной организации их армии. В первую очередь подобные издания были призваны познакомить русское общество с противником, а также помочь офицерам, отправлявшимся на Дальний Восток или уже там находившимся, в военной службе, поскольку зачастую те слабо представляли, с кем и как придется

[1]Ермилов Н. Японская армия. Японский флот. СПб., 1904; Радзишевский Е.Е. Краткие сведения о японской армии. Холм, 1904.

[2] Японская армия. Ее формы, организация, распределение по родам оружия и численность. М., 1904.

сражаться. Данные, содержавшиеся в этих изданиях, не отличались большой точностью, но своей информационной цели в общем и целом достигали.

Еще одной интересной книгой, выпущенной вскоре после начала боевых действий, стала работа А.Н.Виноградского[1]. В ней автор приводит географическое описание Маньчжурии, дает характеристику логистических маршрутов снабжения и описывает транспортные средства, доступные на театре военных действий. Данное издание предназначалось прежде всего военным, мало знакомым с описываемой в книге территорией, поскольку географическая изученность района была довольно слабой. Это исследование предварило появление аналогичных по тематике работ уже после войны. С точки зрения информативности и достоверности оно уступает более поздним изданиям[2], когда театр военных действий был тщательно изучен, но это обстоятельство не умаляет его историографического значения.

Необходимо отметить, что данные издания на своих страницах в той или иной степени касались некоторых аспектов предмета исследования, прежде всего, внешних условий повседневности, хотя их авторы не преследовали цели описания повседневности армии.

Непосредственное изучение войны началось после ее окончания. Авторами работ в основном выступали люди из военных и околовоенных кругов. Лейтмотивом их исследовательской деятельности являлось выяснение причин поражения России, что сопровождалось подробным описанием боевых действий, а также оперативных, тактических и стратегических особенностей прошедшей войны. В рамках подобной проблематики свет увидело значительное количество работ.

---

[1] Виноградский А.Н. Японо-русская война. Причины войны, театр войны и средства сторон. СПб., 1904.

[2]См, например: Ухач-Огорович Н.А. Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904-1905. Киев, 1911.

Самой фундаментальной из них стал труд, изданный специальной военно-исторической комиссией при Генеральном штабе[1]. В состав комиссии вошло 11 старших офицеров генштаба, а также более 20 невоенных специалистов[2]. За время работы члены комиссии изучили значительное число документов, поступивших в их распоряжение после окончания войны. Для этих целей было создано Временное хранилище дел Маньчжурской армии, куда были направлены документы действующей армии. Всего было подготовлено 9 томов, один из которых под № 7 и названием «Тыл действующей армии» давал подробное описание организации и управления тыла, а также его деятельности по обеспечению войск всем необходимым. Также там нашла отражение логистическая составляющая интендантской деятельности.

В целом исследование посвящено причинам, приведшим к вооруженному конфликту, боевым действиям, поиску стратегических и тактических ошибок в управлении армией, а также выяснению причин поражения России. С подобной смысловой нагрузкой изложен материал и в затрагивающем предмет нашего исследования томе № 7. Издание выполнено на высоком уровне с использованием обширного числа источников разного рода. Оно охватывает все театры военных действий во время всего периода войны, а также повествует о предвоенных событиях на Дальнем Востоке. Акцентированного внимания на жизнь офицеров в работе не делается, однако, имеющиеся здесь сведения о войсковом тыле косвенно касаются изучаемой проблемы.

Непосредственно изучением истории самой войны занималось не так много исследователей. В частности, вышло многотомное издание,

---

[1] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, Т. 1—9, СПБ., 1910.

[2] Павлов Д.Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904-1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // Отечественная история. 2005. №3. С.144.

посвященное истории армии и флота в России[1], в котором большое место отводилось именно русско-японской войне. Также был выпущен ряд монографий, в частности В.А.Апушкина, А.Свечина, и уже упоминавшегося ранее А.Н.Виноградского[2], освещавших события недавнего конфликта. В данных работах превалирует нарративная часть. Авторы старались как можно полнее и точнее выстроить событийную канву войны, оставляя без внимания аналитические аспекты.

Еще одна группа исследователей, в основном состоявшая из офицеров, обратилась к изучению уроков русско-японской войны. Среди них для нас представляют особый интерес исследования Е.И.Мартынова и А.Незнамова[3]. Они посвящены анализу деятельности армии, ее организации, управлению, а также оружию, обмундированию, питанию, жилищным вопросам. Необходимо отметить, что эти авторы одними из первых обратились к вопросам повседневной жизни во время войны. В рамках анализа причин поражения, авторы обращаются к экипировке, снаряжению, питанию, жилищным условиям, акцентируя свое внимание на их достоинства и недостатки с точки зрения комплекса факторов, приведших к неудаче в войне. Подобные оценки представляют для нас особый интерес, поскольку позволяют использовать критику этих авторов для оценки быта офицеров.

После окончания войны современники сосредоточились на различных вопросах, призванных помочь в решении важнейшей военной, историографической и политической задачи, стоявшей перед российским

---

[1]Гришинский А.С., Никольский Н.С., Кладо Н.Л. История русской армии и флота: В 15 томах. Т.14. СПб., 1911-1913.

[2]Апушкин В.А. Русско-японская война 1904-1905гг. // Из истории русско-японской войны 1904-1905гг. СПб., 2005.; Виноградский А.Н. История русско-японской войны 1904-1905. СПб., 1908-1912; Свечин А. Русско-японская война 1904-1905 гг. по документам труда военно-исторической комиссии и другим источникам. СПб., 1910.

[3]Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1907; Незнамов А. Из опыта русско-японской войны. СПб., 1906.

военным обществом: выяснить причины поражения в войне. С этой целью авторы изучали разнообразные аспекты того конфликта. Предмет нашего исследования был затронут в ряде работ, написанных А.Баевым, Стрелецким [б.и.], П.И.Изместьевым[1]. В них офицеры касались повседневности русской армии в контексте поиска ошибок или недоработок в военной сфере: прежде всего они обращали внимание на транспортную систему и схему снабжения войск, а также на сам театр военных действий и его ресурсы, прежде всего, продовольственные. И хотя акцент в этих работах явно смещен в сторону анализа глобальной проблемы поиска причин поражения России, подобный ракурс исследования ценен для нас прежде всего тем, что мы имеем возможность узнать оценочные суждения участников войны о различных элементах предмета нашего исследования, в особенности внешних факторах повседневности.

Отдельным направлением в дореволюционной историографии можно считать военно-медицинские исследования, которые публиковались, в основном на страницах периодики. Боевые действия дали врачам большой объем материала для изучения, как по характерным заболеваниям и ранениям, так и в целом по организации медицинской службы и по ряду других специальных проблем. Среди всей совокупности работ по данной тематике нельзя не отметить статьи А.В.Грейгнера, И.И.Кияницына, П.И.Поспелова, М.Л.Хейсина[2]. В них с точки зрения медицины описывался

[1] Баев А. Продовольствие войск на войне по опыту русско-японской войны // Сборник сочинений Николаевской академии Генерального штаба. Кн.8. Спб., 1907; П.И.Изместьев. Хунхузы и опыт формирования из них конно-туземных сотен // Офицерская жизнь. 1906. №6; Стрелецкий [б.и.]. Как должен был быть подготовлен театр военных действий в Южной Маньчжурии по опыту войны// Сборник сочинений Николаевской академии Генерального штаба. Кн.7. Спб., 1906.

[2]Грейгнер А.В. Обзор снаряжения, одежды и питания русской армии за время кампании 1904-1905 гг. // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906. №1; Кияницын И.И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в русско-японскую войну // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906. №1; Поспелов П.И. Военно-походная жизнь в

быт войск или отдельные его составные части. Работы отличаются значительным количеством фактических данных, метких наблюдений и их интерпретацией сквозь призму профессиональной деятельности авторов. Ценность этих трудов заключается также в том, что в них открывается иная точка зрения на войну. Именно в них на перовое место впервые был выдвинут человек как объект исследования. Однако в данных работах, основанных, по большей части на личных наблюдениях, имеет место определенный субъективизм из-за того, что основная масса медицинских данных по этому конфликту не была еще доступна. Это обстоятельство несколько снижает их ценность для исследования нашей проблематики.

Отдельно необходимо сказать о работе генерала А.Н.Куропаткина[1]. С начала войны до марта 1905 года он являлся Главнокомандующим Маньчжурской армии. Через его руки проходило множество документов по всем аспектам, связанными с военными нуждами. В «Итогах войны» Куропаткин дает оценку деятельности армии, пытается выяснить причины поражения России и прогнозирует будущие реформы вооруженных сил страны. Работа содержит большое количество информации по повседневной жизни войск, прежде всего о снабжении, питании, боевом духе, отношении к войне. Между тем мотивы, побудившие бывшего командующего Маньчжурской армией написать исследование, посвященное войне, заставляют относиться к его суждениям очень осторожно. Очень многие его современники возлагали вину за поражение армии именно на Куропаткина. Поэтому «Итоги войны» явились своеобразным ответом недоброжелателям. В них генерал частично берет на себя ответственность за неудачи наших войск, однако большую часть вины он все же возлагает на Военное министерство, которое в годы войны не обеспечило вовремя и в нужном количестве подкрепления, снабжение снаряжением, оружием,

---

Маньчжурии и ее болезни // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906.№2; Хейсин М.Л. Бытовые стороны военной медицины в русско-японскую войну // Мир Божий. 1906. №6.

[1] Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905. Итоги войны. Berlin, 1911.

продовольствием и другими важнейшими предметами, необходимыми армии. В связи с этим использование любых количественных сведений или данных о сроках интендантских поставок, вызывают у нас сомнения из-за заведомой предвзятости его автора.

В подобной же модальности была написана целая серия различного рода исследований, обозначавших своей главной целью поиск персоналий, виновных в поражении. Одной из самых ярких нам представляется книга Ф.Купчинского[1], в которой он, не стесняясь в выражениях, обвиняет тыловые службы в бездействии, растратах и откровенном вредительстве, описывает пороки тыла и рассказывает о нарушениях и преступлениях, совершаемых вдали от передовых позиций. Массив фактологического материала, изложенного в книге, весьма значителен и открывает особенности военной кампании с новой, малоизвестной стороны. Однако ценность этого произведения невелика в силу излишне эмоционального авторского стиля, наличия фактов, которые, по всей видимости, были получены из вторых и третьих рук, а также из-за отсутствия попыток беспристрастного изучения проблемы.

Зарубежная историография дореволюционного периода представляет собой ряд специальных исследований, изданных военными агентами тех держав, которые направляли их в армии воюющих сторон. Наибольший интерес к этому конфликту проявили Германия, Франция и Англия[2]. Также необходимо отметить ряд японских работ, изданных на русском языке[3].

---

[1]Купчинский Ф. «Герои» тыла. СПб., 1908.

[2] Давелюи Р. Уроки русско-японской войны. Борьба за обладание морем. Разбор и критика. СПб., 1908; Русско-японская война / Сост. англ. генеральным штабом. Вып.1-3. СПб.,1908-1912; Тэттау Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны. Ч.1-2. СПб., 1913.

[3]Бу-сёо-сэй. Тактические поучения, извлеченные японцами из последней войны. СПб., 1912; Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мейдзи. Т.1-4. Спб., 1909-1910;

Основное внимание исследователей уделено военной составляющей кампании: ее оперативным, тактическим и стратегическим планам, их реализации, применявшейся технике, фортификации и др. Зарубежные авторы они хотели учесть опыт прошедшей войны и применить его в своих армиях.

Таким образом, основные вопросы, рассматриваемые исследователями в дореволюционный период, касались непосредственно боевых действий, поиска причин поражения и попыток учесть уроки прошедшей войны в дальнейшем. Иные темы затрагивались мало. Предмет нашего исследования нашел отражение в небольшой части работ дореволюционных авторов опосредованно, поскольку цель осветить повседневность офицеров они перед собой не ставили.

В советский период изучение истории войны проходило под влиянием господствовавшей в то время идеологии. Русско-японская война рассматривалась под углом пораженческой тактики большевиков. Как аксиома считалось, что эта война была абсолютно чужда народным интересам. Поражение в ней было объявлено благом, поскольку оно привело к ослаблению самодержавия и вызвало усиление революционного движения в стране[1].

В период после революции продолжилось изучение событийной канвы войны, но со значительным уклоном во внутриполитическую составляющую, вёлся поиск происхождения и особенностей конфликта, а также давалась оценка политики царского правительства на Дальнем Востоке. В русле этого

Сакурай Т. Живые ядра: очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром. СПб., 1909.

[1] Павлов Д.Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904-1905 гг.: основные периоды, идеи и направления. С.147.

направления работали В.Я.Аварин, П.Д.Быков, Н.А.Левицкий[1]. В своих исследованиях авторы опирались на опыт предыдущего поколения и предпринимали попытки анализа действий воюющих армий, комплексного поиска причин неудач. В отличие от дореволюционных работ, основные причины виделись этим авторам не только в тактических промахах и ошибках, но в целом комплексе причин, главными из которых считались политические: неготовность к войне из-за отсталости царской армии, промахи в дипломатической подготовке, прямое влияние сословного строя на качество подготовки офицеров. Важное место уделялось революционной пропаганде большевиков в войсках. Однако при сильной идеологической составляющей научная ценность этих работ представляется довольно значительной в силу серьезного анализа событий 1904-1905 гг. К столетию русско-японской войны монографии П.Д.Быкова и Н.А.Левицкого были переизданы под одной обложкой[2].

Отдельные эпизоды конфликта также становились объектами интереса советских исследователей. Б.Колчин, Е.Разин, В.Е.Егорьев, С.К.Добровольский, Н.Левин[3] рассматривали отдельные сражения и операции в контексте сложившейся в годы советской власти марксистской историографической традиции. Тем не менее, в их работах затрагиваются важные проблемы войны, не находившие отражения в предыдущий период. В частности, в этих исследованиях авторы часто обращаются к японской

[1]Аварин В.Я. Империализм в Маньчжурии. М., 1931; Быков П.Д. Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия на море. М., 1942; Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1938.

[2] Быков П.Д., Левицкий Н.А. Русско-японская война. М., 2003.

[3]Добровольский С.К. Русско-японская война 1904-1905 гг. Исследование операций на отдаленном своеобразном театре войны. М., 1930; Егорьев В.Е. Операции Владивостокского отряда крейсеров в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М., 1939; Левин Н. Атака Путиловской сопки. Эпизод из сражения на реке Шахэ в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М., 1939; Колчин Б., Разин Е. Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М., 1939.

армии, проводя сравнение с русской, что было нехарактерно для изданий предыдущего периода.

С конца 40-х годов появилось новое направление в историографии русско-японской войны – это изучение международных отношений на Дальнем Востоке накануне и в годы конфликта. По этой проблематике вышла целая серия исследований историков Г.Деборина, А.Л.Гальперина, В.И.Бовыкина, Б.А.Романова[1]. В них основное внимание уделено не только взаимоотношениям России и Японии, но также их отношениям с другими великими державами. Идеологический аспект в данных работах проявляется достаточно сильно, поскольку в рамках тезиса о русско-японской войне как империалистической, т.е. захватнической, авторы не могли по-иному интерпретировать события конца XIX – начала XX века. При этом они все же признавали на страницах своих исследований наличие национальных интересов России в международной политике.

В то же время продолжались разработки традиционной темы в историографии – изучение непосредственно боевых действий[2]. Отличительной особенностью работ этого периода стало то обстоятельство, что исследователи вновь обратились к событийной составляющей конфликта без акцента на политическую составляющую. В частности, авторы отказались от господствовавших в первой половине века взглядов о заведомо проигрышном положении России на Дальнем Востоке, о слабости командного состава из-за его сословного принципа, и сосредоточились

---

[1] Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России, конец XIX в.- 1917г. М., 1960; Гальперин А.Л. Англо-японский союз. М., 1947; Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М., 1955.

[2] Агеев А. Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1975. №8; Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. Борьба на море. М., 1990; Симоненко В. Об одной минной постановке в период обороны Порт-Артура // Военно-исторический журнал. 1984. №8; Фролов Б. Русско-японская война 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1974. №2.

непосредственно на изучении интересовавших их проблем. Идеология в этих исследованиях не так заметна, как это было ранее. При этом в сферу интересов советских историков аспекты повседневности практически не попадали.

Наиболее интересной для нас монографией этого периода явилась «История русско-японской войны»[1], изданная в 1977 году. Она, хотя и рассматривает конфликт в русле советской историографии, однако идеологическая составляющая здесь была представлена не столь рельефно. В ней нашли отражение основные вопросы, касающиеся готовности России к конфликту на Дальнем Востоке, проблемы, с которыми столкнулось военное ведомство перед и после начала войны, численность армии. Частично затрагиваются вопросы вооружения и снабжения армии. Иными словами, в данной работе впервые за долгое время частично упоминаются, пусть и косвенно, аспекты повседневной жизни армии.

Если обратиться к зарубежной историографии, то необходимо отметить, что она развивалась в целом в том же направлении, что и отечественная: концентрируя свое внимание в основном на военных событиях и их трактовке. Классическим примером может служить книга Д.Н.Вествуда о русско-японской войне[2]. В ней он описывает события конфликта, обращая особое внимание на его начало: нападение японцев на русские корабли в Порт-Артуре и Чемульпо. Еще одним представителем западной историографии, который представляет для нас интерес, является Кристофер Мартин[3]. Важное место в его книге, посвященной войне, занимают интересующие нас вопросы снабжения. Большое внимание автор уделяет доставке войск и припасов в Маньчжурию, отводя особое место пропускной способности Транссибирской магистрали. Эти данные дают нам возможность судить о скорости и объемах доставки грузов на Дальний

[1]Русско-японская война 1904-1905 гг. / под ред. И.И.Ростунова.М., 1977.

[2] Westwood J.N. The illustrated history of the Russo-Japanese war. London, 1973

[3] Martin Christopher. The Russo-Japanese war. New-York, 1967.

Восток. Все это в условиях отдаленности театра боевых действий от основных центров снабжения сильно влияло на повседневную жизнь армии.

Несмотря на жесткую идеологическую направленность работ, литература советского этапа внесла значительный вклад в изучение русско-японской войны, прежде всего путем накопления фактического материала об этом конфликте, а также смещением акцентов с собственно боевых действий на причинные процессы, приведшие к поражению русской армии. Еще одним достижением этого периода явилось тематическое разнообразие исследуемых аспектов того конфликта. К сожалению, проблематика нашего исследования нашла отражение в трудах советских историков лишь фрагментарно, что позволяет нам сделать вывод о том, что советская историография фактически обошла вниманием проблемы повседневной жизни армии и ее офицерского корпуса.

Одной из главных черт *постсоветского периода* является как тематическое, так и концептуальное разнообразие освещавшихся проблем русско-японской войны 1904-1905 гг. В современных работах наблюдается тенденция к изучению самых различных сторон этой войны, а не только боевых действий. Расширилась источниковая база исследований, в частности, стали доступны опубликованные за рубежом источники личного происхождения, рассекречены большие массивы архивных материалов.

Рассматривая постсоветский период, прежде всего необходимо отметить исследование В.К.Шацилло и Л.А.Шацилло[1], которое представляет современную точку зрения на войну: авторы отрицают, что Россия потерпела сокрушительное поражение, и приходят к выводу о том, что к августу 1905 года русские войска вполне могли изменить ситуацию и победить японцев на суше. В таком же русле высказываются многие другие современные авторы[2].

[1]Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904-1905. Факты. Документы. М., 2004.

[2] См., например: Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904-1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004; Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905

Эта версия не является новой, подобные мысли историки писали и раньше[1], но именно в постсоветский период подобная точка зрения получила новый импульс.

В современной историографии наблюдается отход от традиций советского периода, авторы отбрасывают тезис о полностью проигранной войне, по-иному расставляя приоритеты и приводя в качестве доказательств различные факты, о которых ранее умалчивали или не акцентировали на них внимания. Мы имеем возможность сравнивать эти две концепции при написании нашего исследования и формировать на их основе, в рамках изучаемой темы, свою точку зрения относительно готовности России к войне и организации снабжения войск в ходе всей кампании.

Большую ценность для нас представляет словарь-справочник по русско-японской войне[2], в котором собраны сведения о персоналиях, основных событиях, элементах формы и вооружения, а также основных исследователях, занимавшихся изучением истории этой войны. Он не является в полной мере монографическим исследованием, поскольку носит справочный характер, но эта книга имела для нас больше значение при проведении эвристического этапа работы.

Пристальное внимание вызывает монография И.Деревянко «Белые пятна» русско-японской войны 1904-1905 гг»[3]. Несмотря на такое название, работа посвящена всего двум основным проблемам: работе военно-административного аппарата России в годы войны, а также разведке и контрразведке во время дальневосточного конфликта. Большую ценность представляет первая часть названного труда. В ней раскрывается структура

гг. // Вопросы истории. 2007. №4; Уткин А.Н. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2004.

[1] См., например: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939. Т.2. С.300-303.

[2]Старшов Ю.В. Русско-японская война. Словарь-справочник. М., 2004.

[3] Деревянко И.В. «Белые пятна» русско-японской войны 1904-1905гг. М., 2006.

Военного министерства, система его работы, разграничение полномочий и, главное для нас - схема поставок обмундирования, вооружения, продовольствия, организация медицинской службы, вопросы проведения мобилизаций, тыловое обеспечение войск. Фактически автор описывает систему снабжения Маньчжурской армии всем необходимым, что, в рамках нашей темы, безусловно, представляет большой интерес.

Особенностью современного этапа историографии является значительный рост количества трудов в научных периодических изданиях[1]. В периодике за последние 20 лет были опубликованы фактически первые работы, прямо или косвенно затрагивавшие тему повседневности офицеров. Особенно важной в этом плане оказалась статья А.А.Будко и Е.Ф.Селиванова, посвященная медицинской службе в годы войны[2]. В ней содержатся ценные сведения об организации военно-медицинских учреждений на Дальнем Востоке, структуре госпиталей, об условиях, в которых содержались раненые и заболевшие солдаты и офицеры. Интересны сделанные авторами выводы об общей организации медицинской службы во время конфликта, которую они признают удовлетворительной на фоне других ведомств, в частности, интендантских.

---

[1] См., например: Авдеев В.А. Секреты русско-японской войны (организация изучения русско-японской войны 1904-1905 гг. Генеральным штабом России) // Военно-исторический журнал. 1993, №9; Воскобойников Г.Л. Казачество в русско-японской войне (1904-1905 гг.). Ростов-на-Дону, 1995; Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007, №2; Мелентьев В.Д. Тыловое обеспечение 2-й Тихоокеанской эскадры // Военно-исторический журнал. 2005, №4; Панин И.Г. Уроки трехсотлетней российской военной школы // Военно-исторический журнал. 1998, №6; Хаген фон М. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 гг. // Отечественная история. 2004, №5.

[2]Будко А.А. Селиванов Е.Ф. Военная медицина России в войне с Японией в 1904-1905гг. // Военно-исторический журнал. 2004. №6.

Статья исследователя Ю.В.Батющенко об офицерских экономических потребительских обществах в ходе двух войн начала XX века[1] содержит ценную информацию о ситуации с поставками обмундирования, вооружения и продовольствия офицерам непосредственно в Маньчжурию. Также здесь рассмотрена торговля, которая велась в зоне боевых действий, и основные товары, пользовавшиеся спросом на войне. Кооперативные общества, по мнению автора, сыграли значительную роль в обеспечении офицеров необходимыми вещами. Между тем И.В.Батющенко не счел нужным сравнить ассортимент товаров и количество торговых точек офицерских экономических обществ с коммерцией маркитантов и частных торговцев, что дает нам повод усомниться в правильности выводов автора об инфраструктуре торговли в Маньчжурии.

Вопросы транспортного обеспечения армии детально рассмотрены в статье М.И.Фролова и В.Д.Мелентьева[2]. В ней обобщен опыт поставок продовольствия, одежды и снаряжения на Дальний Восток, связаны воедино средства театра военных действий, нужды армии и логистика разнообразных грузов. Также здесь представлены и проанализированы статистические данные, связанные с работой транспорта.

В начале XXI века количество трудов, затрагивающих предмет нашего исследования, увеличилось. Вплотную к проблематике повседневной жизни офицеров подошли еще ряд исследователей: А.В.Аранович, И.В.Рубанова, Г.А.Сухачева, Н.В.Тонкий[3]. В своих исследованиях они коснулись отдельных

---

[1]Батющенко Ю.В. Офицерские экономические общества в годы русско-японской и Первой мировой войн // Военно-исторический журнал. 2004. №7.

[2]Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Транспортное обеспечение маньчжурских армий // Военно-исторический журнал. 2005, №2.

[3]Аранович А.В. Интендантство русской армии во второй половине XIX-начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006, №10; Рубанова И.В. «Благодарные» письма солдат из действующей армии на Дальнем Востоке (1905-1906 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории

сегментов понятия «повседневность армии». Получила развитие проблема развлечений офицеров на войне. В частности, ее разрабатывают исследователи О.В Гефнер и Л.В.Преснякова[1]. В отличие от авторов предыдущих периодов, они изучали данные вопросы как самостоятельный предмет исследования, а не с целью решения какой-либо другой историографической задачи, как это было в дореволюционный период и в советское время.

В последние несколько лет в отечественной историографии, в связи с ростом интереса к истории быта и нравов, появилось несколько работ уже непосредственно напрямую относящиеся к истории повседневности во время русско-японской войны. Необходимо отметить исследование Л.В.Жуковой[2], посвященное военнопленным в Японии, а также несколько диссертаций, сходных с нашей по тематике[3]. Особняком среди них стоит диссертация А.Н.Новичкова, посвященная быту частей и подразделений Маньчжурской армии в годы русско-японской войны[4]. В ней автор сосредотачивается

и практики. Тамбов, 2013, №4; Сухачева Г.А. Борьба с хунхузничеством в Маньчжурии в конце XIX-первой трети XXв. // Россия и АТР. 2008, №4; Тонкий Н.В. Тыловое обеспечение русской армии в начале XX века// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012, №5.

[1]Гефнер О.В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009, №3; Преснякова Л.В. Театральная жизнь в Маньчжурии в 1904-1905 гг. // Россия и АТР. 2005, №2.

[2] Жукова Л.В. Повседневность японского военного плена // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010, №1.

[3]Лысев А.В. Русский Порт-Артур в 1904 году, история военной повседневности: дисс… канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2002; Сорокина М.А. Моральное состояние флота Тихого океана в период русско-японской войны 1904-1905 годов: дисс… канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2006.

[4] Новичков А.В. Фронтовой быт частей и подразделений русской армии во время русско-японской войны 1904-1905 гг.: по материалам личного происхождения: дисс… канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009.

исключительно на бытовой составляющей повседневности армии, не затрагивая нематериальных аспектов повседневности,. При этом в исследовании основной упор сделан в основном на изучении быта рядового состава, а элементам быта офицерского корпуса уделено мало внимания, из-за чего многие вопросы освещены не были. Кроме этого, А.Н.Новичков совсем не затрагивает проблем внешних факторов повседневной жизни армии.

Зарубежная историография этого периода продолжала развиваться в том же направлении, что и в предыдущие годы. Основное внимание уделяется событийной составляющей конфликта[1]. После 1991 года зарубежным историкам стали гораздо более доступными материалы, хранящиеся в России. В связи с этим исследования стали более полными, детальными и интересными. В частности, в США вышел специальный словарь о русско-японской войне[2], содержащий помимо терминов, относящихся к войне, еще и ряд документов о том конфликте. Профессор Токийского университета Харуки Вада[3] и профессор канадского университета Брок Д.Схиммельпеннинг ванн дер Ойе[4] написали свои исследования, основываясь именно на отечественных источниках, при этом сопоставляя данные, содержащиеся в них, с фактами, описанными в иностранной литературе. К сожалению, все свое внимание авторы уделяют особенностям внешней политики России и Японии, мало освещая сами события конфликта.

Стоит отметить, что предмет нашего исследования в зарубежной историографии представлен крайне слабо. Особняком в этом плане стоит

---

[1] См., например: Ivanov A, Jowlett P. The Russo-Japanese war 1904-1905. London, 2003.

[2] Kowner Rotem. Historical dictionary of the Russo-Japanese war. Maryland, 2006.

[3] Вада Х. Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией // Вопросы истории. 2012. №3. С.97-109.

[4] Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

иллюстрированное издание «The Russo-Japanese war 1904-1905»[1], вышедшее в рамках серии «Men-at-arms», посвященной армейской униформе, оружию и тактике в отдельно взятых конфликтах. В книге подробно описывается униформа и вооружение русской и японской армии, что непосредственно относится к нашему предмету исследования и является для нас ценной информацией.

В целом, постсоветский период мы можем охарактеризовать как наиболее плодотворный с точки зрения предмета нашего исследования: падение «железного занавеса», приток зарубежных и публикация бывших ранее запретными источников, концептуальное разнообразие научных подходов привели к диверсификации изучаемых проблем русско-японской войны. Применение современных методов научного исследования вместе с разработкой новых, ранее неизученных вопросов, позволили исследователям взглянуть на тот давний конфликт по-новому. Формированию этого подхода способствовало в том числе постепенное изучение истории повседневности русской армии.

Подводя итоги историографического обзора, в целом мы можем констатировать тот факт, что, несмотря на частичное упоминание в литературе различных аспектов повседневной жизни, в историографии пока нет работ, специально посвященных повседневности офицерского корпуса русской армии в годы русско-японской войны. Дореволюционная и советская историография решали совсем другие задачи, в связи с этим предмет нашего исследования крайне слабо нашел отражение в трудах историков тех периодов. В современной исторической науке проблемы повседневности занимают все больше внимания исследователей, в связи с этим наблюдается рост интереса к теме повседневности русских войск во время русско-японской войны 1904-1905 гг. В то же время до сих пор нет специальных

[1] Ivanov A., Karachtchouk A. The Russo-Japanese war 1904-1905 (Men-at-Arms). Oxford, 2004.

работ, которые были бы посвящены только офицерам Маньчжурской армии. Отдельные элементы этой проблематики, разумеется, попадают в поле зрения исследователей. В частности, исследователи затрагивали вопросы обеспечения армии и жизни в тылу, несколько облегчая нашу задачу в выстраивании общей картины повседневности офицеров. Поэтому, заканчивая рассмотрение историографии вопроса, мы можем сделать вывод, что предмет нашего исследования пока практически не изучен.

Целью нашей работы является всестороннее изучение повседневной жизни офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904-1905 гг.

Исходя из поставленной цели, мы будем решать следующие исследовательские **задачи**:

- проанализировать внешние факторы, влиявшие на повседневную жизнь офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии;
- исследовать бытовую повседневность офицеров;
- изучить нематериальные аспекты повседневной жизни офицеров русской Маньчжурской армии в годы войны;
- сравнить условия жизни в тылу и на позициях;
- сопоставить особенности повседневности офицеров русской и японской армиях.

Теоретико-методологическая база исследования. В современной исторической науке происходит активное выделение новых направлений в изучении прошлого. Одно из них – история повседневной жизни или история повседневности, которое образовалось в рамках так называемого антропологического поворота в исторической науке, наметившегося в 60-е годы XX века, и развития «микроистории». Ученым, работающим в этих направлении, еще не удалось выработать универсальную научную парадигму, которая позволила бы использовать определенный набор методов исторического исследования для изучения данной тематики. В настоящее время существует несколько подходов к изучению истории повседневности:

внутренний (изучение духовной жизни человека), внешний (изучение быта) и смешанный (синтез внутреннего и внешнего подходов). Все они по-разному определяют предметную область этой отрасли исторического знания.

В данной работе используется так называемый «смешанный подход», который был так определен Н.Л.Пушкаревой: история повседневности – это отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности, реальность. Изучение этого подхода предполагает комплексное исследование реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события[1]. Применение подобного определения с позиций изучения военной повседневной жизни имеет свои особенности.

Нужно учитывать, что война - это организованная вооруженная борьба между государствами или социальными слоями внутри одного государства по поводу каких-либо интересов, прав и притязаний. С точки зрения современной науки такое классическое определение, принятое как парадигма учеными XX века, в контексте нашего исследования не может считаться полным. Вооруженная борьба не ведется круглосуточно. На войне сражаются офицеры и солдаты, которые должны что-то есть, где-то спать, менять изношенную форму, приспосабливаться к новым для себя условиям. В сферу данной дефиниции попадает мирное население, непосредственного участия в боевых действиях не принимающее, но являющееся неотъемлемой частью театра военных действий любой кампании. Иными словами *война есть совокупность боевых операций и самой жизни людей в ее условиях.* Исходя из этого определения, мы можем выделить ту часть сформулированного понятия, которая относится к предмету исследования.

Итак, в сферу повседневной жизни офицерского корпуса русской армии в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. в данной диссертации

---

[1]Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. №5. С.3.

мы будем относить всю область человеческой реальности (обыденности), непосредственно не связанной с боевыми действиями. Иными словами, наша работа представляет собой исследование не только бытовой составляющей жизни офицеров, но и их эмоционального состояния, настроений и переживаний в годы войны, т.е нематериальных аспектов повседневности.

Методологическую основу диссертации составляют основные принципы исторического познания: историзма, научной объективности и детерминизма. Принцип историзма позволил изучать предмет исследования в контексте конкретной исторической эпохи, с ее реалиями, особенностями на конкретной стадии развития общества, менталитетом и спецификой мышления современников изучаемого объекта. Использование принципа научной объективности способствовало беспристрастному, всестороннему и комплексному рассмотрению повседневности с помощью определенного набора методов научного исследования. Принцип детерминизма позволил изучить процессы и явления во взаимосвязи друг с другом и логически выстроить всю работу.

В ходе исследования был применен комплекс методов, имеющих как общенаучный, так и специальный характер. К общенаучным можно отнести анализ, синтез, индукцию, дедукцию, обобщение, системный подход. Их применение позволило проводить полноценную исследовательскую деятельность на всех этапах работы: от постановки задач и эвристики до написания текста диссертации.

Использование методов синтеза и анализа обеспечило создание конечной структуры исследуемого объекта, всестороннее изучение составляющих ее компонентов и итоговую смысловую целостность исследования. Дедуктивный и индуктивный методы позволили рассматривать отдельные элементы повседневной жизни офицеров в масштабах всей армии, а также изучить влияние меняющихся условий войны на быт и моральное состояние офицеров.

Метод обобщения позволил генерализировать данные источников в единую тематическую структуру в контексте отдельных и зачастую обособленных вопросов, рассматриваемых в работе. Необходимо отметить, что проблематика выбранной темы имеет свою специфику. Понятие о повседневной жизни складывается из сведений о конкретных людях, находившихся в разных условиях. В силу вполне понятных обстоятельств, главным из которых является полное отсутствие информации о значительной части офицерского корпуса, изучить повседневную жизнь каждого офицера Маньчжурской армии не представляется возможным. В этих условиях использование метода обобщения позволило заполнить лакуны в сведениях, имеющихся в источниках.

На основе общенаучных методов применение комплекса конкретно-исторических методов позволило создать самостоятельное и законченное историческое исследование.

Историко-системный метод выступил в роли инструмента, с помощью которого отдельные элементы быта и морального состояния были взаимно связаны и выстроены в целостную картину повседневной жизни офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904-1905 гг.

В ходе работы был использован *историко-сравнительный* метод, позволивший сопоставить особенности повседневности офицеров в годы войны не только с повседневностью японского офицерского корпуса, но и с определенными элементами жизни Европейской части России того же периода, в частности, ценами на питание.

Историко-генетический метод позволил рассматривать компоненты повседневности в развитии, прослеживая изменения в том или ином аспекте изучаемой проблемы, а также факторы, влияющие на эти изменения. Это, например, помогло изучить вопрос, связанный с униформой и снаряжением офицеров, а также отношению к войне, поскольку данные, содержащиеся в источниках, относились к различным периодам конфликта.

Применение *историко-типологического* метода обусловлено необходимостью разделить предмет исследования на отдельные проблемы, требующие самостоятельного рассмотрения для последующего встраивания в общую структуру диссертационной работы. При использовании синхронного анализа удалось получить важные сведения об отличии бытовой составляющей повседневной жизни на передовой и в глубине театра военных действий, что повлекло за собой необходимость типологизировать их для составления общей картины острых противоречий между офицерами на фронте и в тылу.

Проблемно-хронологический метод предоставил возможность исследовать отдельные проблемы повседневной жизни с учетом хронологической последовательности происходивших на театре боевых действий событий, оказывавших самое серьезное влияние на предмет нашего исследования, в том числе на логистические изменения в каналах поставок необходимых армии вещей, а также значительные перемены морального состояния офицеров в зависимости от того или иного периода войны.

Математические методы позволили провести анализ и интерпретировать статистические материалы, а также другие количественные данные, встречающиеся в источниках. Прежде всего речь идет о медицинской статистике, численности офицеров и связанных с предметом нашего исследования иных количественных данных.

Источниковая база исследования. При написании диссертации были использованы следующие типы письменных источников: нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические данные, периодическая печать и источники личного происхождения.

Нормативные акты, использованные при написании работы, явились важными источниками прежде всего по вопросам, регулировавшим внешнюю сторону повседневной жизни, т.е. бытовую составляющую повседневности. Среди них следует отдельно выделить приказы по Военному

ведомству, которые ежегодно издавались специальными сборниками[1], а также изданные дополнения к ним[2], а также Циркуляры Главного штаба[3], в которых содержится ценная информация по обмундированию, вооружению и снаряжению офицеров, а также денежному довольствию и ряду других важных для исследования данных. Несмотря на высокую степень достоверности, присущей этой группе источников, в контексте данной проблематики им присущи специфические черты. Почти все они относятся к нормам, которые практически невозможно было полностью соблюдать на войне, а это значит, что положения, описанные в приказах, либо фактически действовали только непродолжительное время, пока офицеры не вступали в активные боевые действия, либо соблюдались не полностью, а по мере возможности, что чаще всего и происходило. Поэтому информацию, извлеченную из данного типа источников, необходимо дополнять и проверять с помощью других данных. Однако фактологический материал, почерпнутый нами из нормативных актов, крайне ценен и является

---

[1] Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1883 год. СПб., 1883; Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1892 год. СПб., 1892; Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1895 год. СПб., 1895; Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1901 год. СПб., 1901; Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1904 год. СПб., 1904; Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1905 год. СПб., 1905.

[2] Положение о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск: Приказ по воен. вед. 1871 г. за № 256, дополненный всеми изменениями, объявленными за последние двадцать три года в приказах по воен.вед. и циркулярах Главного штаба. СПб., 1894; Правила о форме одежды: Приказ по военному ведомству 1883 г. № 66, дополненный соответствующими изменениями. СПб., 1894; Сборник раскладок на продовольствие войск в военное время. Харьков, 1900;

[3] Циркуляры Главного штаба 1866-1917. Год 1904. СПб., 1904; Циркуляры Главного штаба 1866-1917. Год 1905. СПб., 1905.

ключевым при исследовании некоторых отдельным проблем повседневной жизни офицеров.

Делопроизводственные источники, собранные в ходе эвристического этапа работы, можно условно разделить на две группы.

К первой относятся документы, созданные внешнеполитическим ведомством России, Департаментом полиции, а также различными учреждениями тыла Маньчжурской армии в ходе военных действий. К ним мы относим ведомости, доклады, отчеты, переписку, прошения и ряд других типов документации, появившиеся в результате деятельности тыловых и в первую очередь интендантских ведомств в ходе конфликта. Иными словами, эта группа документов состоит из текущей документации различных ведомств. Часть из них была введена в научный оборот впервые.

Автором использовались фонды ряда центральных архивов. Часть необходимых в исследовании фондов хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) [1] и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ)[2]. Однако большая их часть все же находится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)[3].

Из числа хранящихся в ГАРФе материалов были использованы дела Департамента полиции, в которых содержатся факты об охране железнодорожного сообщения между театром военных действий и центром России, они имели определенное отношение к предмету исследования. АВПРИ, хранящий документы дипломатических ведомств России, позволил использовать для нашей работы данные, касающиеся взаимоотношений с китайскими властями и местным населением. Они оказывали непосредственное влияние на жизнь офицеров.

---

[1] ГАРФ. Ф. 102.

[2] АВПРИ. Ф. 143.

[3]РГВИА. Ф. 1, 400, 499, 831, 13061, 13072, 14376, 14389, 14390, 14394, 14513, 14930,14959, 16337, ВУА.

Документы РГВИА, использованные в диссертационном исследовании, по своему происхождению относились к различным управлениям тылового штаба Маньчжурской армии. Были использованы фонды управлений интендантов и полевых управлений Маньчжурских армий, полевых казначейств, штабов армий и ряда других учреждений. Обращение к указанным источникам позволило нам исследовать факты, во многом формировавшие отдельные элементы повседневности (питание, развлечения, медицинское обеспечение и проч.), а также оказывавшие самое непосредственно влиявшие на жизнь офицеров как на позициях, так и в тылу.

Эта группа делопроизводственных документов отличается высокой степенью информационной полноты и достоверности, однако сведения, содержащиеся в них, необходимо сопоставлять с другими данными, поскольку тыловые службы отличались казуистичностью, что находило отражение в их делопроизводстве и, соответственно, затрудняло интерпретацию того или иного документа. Стремление к обобщению итогов работы того или иного управления было слишком формализировано. Иными словами, сложность интерпретации архивных материалов по нашей теме состоит в том, что сам язык, которым написано большинство источников, сложен для трактовки значения той или иной фразы, что может привести к разночтениям в понимании заложенного в тексте смысла.

Вторая группа делопроизводственных материалов включает в себя отчеты интендантских служб, составленных в конце или после окончания войны и затем опубликованных[1]. Иными словами, в эту группу, в отличие от первой, содержавшей текущую делопроизводственную документацию, мы отнесем итоговые отчеты ведомств, действовавших на театре военных действий. В них нашли отражение итоги деятельности тех или иных

[1] Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905гг. Харбин, 1905; Отчет о деятельности полевого контроля в русско-японскую войну. СПб., 1909; Отчет о деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904г по 1 сентября 1905г. М., 1906.

управлений, достижения и неудачи в выполнении возложенных на учреждения функций, а также оценка использованных в ходе работы средств и методов.

Несмотря на значительную концентрацию полезной информации, данная группа источников является менее достоверной, чем предыдущая, по двум причинам. Во-первых, подобные отчеты создавались с учетом негативного мнения, сложившегося об интендантской службе в годы войны, что вызывало сознательное или подсознательное желание составителей обелить себя и приукрасить свою деятельность. Во-вторых, подобные отчеты были призваны обобщить деятельность того или иного учреждения, что приводило к значительной потере первичных фактических данных.

Тем не менее, необходимо отметить, что большинство исследованных нами делопроизводственных документов отличаются высокой репрезентативностью и степенью достоверности, что, при условии использования их в совокупности с другими видами источников, позволило значительно дополнить картину повседневной жизни офицеров в годы войны.

Еще одним видом источников, использованных в работе, являются данные *статистики*[1]. Они позволяют узнать о потерях армии, количестве раненых и заболевших офицеров, выявить самые распространенные заболевания и определить общее санитарное состояние войск в годы войны. Но эти источники имеют свои особенности: строгий учет раненых, заболевших и убитых начал вестись только с конца 1904 года, когда было создано санитарно-статистическое бюро при управлении главного начальника санитарной части. Следовательно, до этого времени поступавшие данные не отличались точностью, своевременностью и полнотой. Часто статистика велась только в госпиталях и никуда не передавалась. Все это

[1] Автократов П. Призрение, лечение и эвакуация душевнобольных во время русско-японской войны. СПб., 1906, Козловский Н.Статистические данные о потерях русской армии от болезней и ранений в войну с Японией 1904-1905гг. СПб., 1911.

приводило к тому, что абсолютные цифры потерь, количественные показатели тех или иных заболеваний, приводившиеся в статистических материалах, не являются точными.

Тем не менее, комплекс фактов, содержащихся в статистических материалах, дал возможность дополнить сведения из других типов источников и выявить общую картину медицинского состояния офицерского корпуса. Кроме того, при использовании данных медицинской статистики вкупе с другими типами источников, удалось выяснить некоторые факты, ранее не известные исследователям, в частности, прояснить ситуацию с распространенным на театре военных действий заболеванием, которое современники называли «маньчжуркой».

В качестве источника нами использовались *справочные* издания, и, в частности, книжка для офицеров[1]. В ней содержится большое количество информации о структуре русской армии, обязанностях офицера, его жаловании. При этом необходимо учитывать то, что она состояла из двух частей: выдержек из официальных документов (в частности, табелей о жаловании) и собственно рекомендаций составителей. По этой причине такая справочная книжка не могла быть обязательной для прочтения среди офицеров, а это означает, что в исследовании следует использовать только официальные данные, приводимые составителями, т.е. ее первую часть. Данный источник вторичен по отношению к делопроизводственным документам и носит «синтетический» характер из-за разнообразия видов иных источников, содержащихся в нем. В связи с этим могли иметь место неточности со стороны авторов при составлении выдержек из военного законодательства, регулировавшего жизнь офицера в начале XX века.

Важной частью источниковой базы стали материалы *периодической печати*. Речь прежде всего идет об издававшейся непосредственно на театре военных действий газете «Вестник Маньчжурских армий», находившейся

[1]Малинко В. Голосов В. Справочная книжка для офицеров: В 2 ч. Ч.1, М., 1902.

под прямым контролем штаба армии, а также об иных региональных («Дальний Восток», «Харбинский Вестник») и центральных изданиях («Разведчик», «Иллюстрированная летопись русско-японской войны», «Русский инвалид»)[1], имевших своих корреспондентов на фронте и печатавших не только официальные сводки с фронта, но и иную, затрагивавшую предмет нашего исследования, информацию. Газеты и журналы, освещавшие войну интересны еще тем, что на своих страницах публиковали письма, заметки и статьи непосредственных участников боевых действий.

Несмотря на то, что периодическая печать считается не самым достоверным историческим источником, в рамках нашего исследования фактологический материал, обнаруженный на страницах журналов и газет, позволил заполнить некоторые лакуны в источниках. В газетах и журналах содержится ценная информация по личным вещам и досугу. При этом необходимо отметить, что данные по бытовой составляющей повседневной жизни и ее нематериальным аспектам в рамках работы необходимо критически анализировать. Это вызвано в первую очередь тем, что к традиционным для периодической печати недостаткам, в годы войны добавилась военная цензура, что усложнило эвристические процессы и снизило репрезентативность и достоверность периодики.

Источники личного происхождения в рамках исследования будут являться для нас одними из основных по своему объему. Мемуары, оставленные участниками войны, содержат очень большое количество фактов о быте офицеров, а также об их моральном состоянии, отношении к войне и других аспектах повседневной жизни. Эти источники мы разделим на две группы: отечественные и иностранные.

---

[1]Вестник Маньчжурских армий. 1904-1905; Дальний Восток. Владивосток, 1904; Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904-1905; Разведчик. СПб., 1904-1912;Русский инвалид. СПб., 1904-1905; Русско-японская война и ее герои. Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1904; Харбинский Вестник. Харбин, 1904.

Что касается отечественных источников личного происхождения, то во время и после окончания войны был создан впечатляющий по объему ряд воспоминаний ее участников. В основном их авторами стали офицеры, военные врачи и чиновники[1], находившиеся в Маньчжурской армии и непосредственно принимавшие участие в боях, или же военные корреспонденты, в частности, сотрудник «Петербургской газеты», автор очень популярных исторических романов Н.Э.Гейнце[2]. Удалось обнаружить только одни воспоминания, написанные рядовым[3], но он был приписан к штабу, поэтому большую часть времени проводил с офицерами и повествовал об их жизни.

В мемуарах в разной степени отражены реалии повседневной жизни армии, их авторами высказываются суждения о снабжении, медицинском обслуживании, подготовке к войне. Но им присущи недостатки, свойственные всем мемуарам: эгоцентризм автора, т.е. желание скрыть свои промахи, нежелание описывать события и людей, напрямую не относящихся к мемуаристу, стремление «предугадать» развитие событий, т.е автор, уже пережив события и зная, как они сложатся, стремится в воспоминаниях предугадать их развитие, приписывая себе некие пророческие функции. Поэтому использовать сведения, полученные из этих источников, следует очень осторожно, сверяя их либо с другими данными, либо друг с другом. При этом необходимо отметить, что интересующие нас сведения о

[1]Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904-1905 (из писем к жене). СПб., 1908; Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. М., 1986; Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908; Квитка А. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904-1905. СПб., 1908; Оболенский В.В. Записки о войне офицера запаса. М., 1912.

[2]Гейнце Н.Э. В действующей армии. Письма военного корреспондента. СПб., 1904.

[3] Яковлев П.А. Воспоминания нижнего чина 85 пехотного Выборгского Его Императорского Величества императора Германского короля Прусского Вильгельма II полка о русско-японской войне. Ч.2. СПб., 1911.

повседневной жизни были в меньшей степени подвержены недостаткам, свойственным всем источникам личного происхождения, поскольку авторы мемуаров и писем как правило не были заинтересованы в каком-либо искажении информации о различных аспектах повседневности, поскольку это не касалось напрямую личностных качеств автора.

События в Маньчжурии в 1904-1905 гг. вызвали огромный интерес со стороны других государств, направивших туда свои офицеров в качестве прикомандированных военных наблюдателей при противоборствующих армиях. На театр военных действий отправились военные корреспонденты различных зарубежных газет и журналов, а также другие иностранцы, так или иначе интересовавшиеся событиями, происходившими на Дальнем Востоке. Почти все они в ходе пребывания в зоне конфликта составляли донесения, писали статьи, вели дневники и т.д. Уже после войны многие из этих весьма ценных источников были переведены на русский язык офицерами Генерального штаба и изданы. Наиболее ценные из них, по мнению генштабистов, были объединены в серию из тридцати двух (!) выпусков, получившую название «Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев»[1], под общей редакцией генерал-майора М.М.Адариди, участника войны[2]. Наиболее интересными применительно к нашему предмету исследования были воспоминания немецкого офицера Э. фон Теттау[3] и французского офицера Менье[4]. Кроме того, использовался ряд других работ, не вошедших в этот сборник, например, записки военных

[1]Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.1-32. СПб., 1906-1914.

[2]Старшов Ю.В. Указ.соч. С.203.

[3] Теттау фон Э. От Мукдена до Портсмута: поучения и выводы из русско-японской войны // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.32.СПБ., 1914.

[4] Менье Р. Извлечения из сочинения капитана Р.Менье о русско-японской войне // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.8. СПб., 1907.

корреспондентов Л.Нодо[1] и И.Табурно[2], содержащие ценные сведения об униформе, снаряжении и питании войск во время войны.

Полномочия иностранцев, находившихся как при русской армии, так и при японской, регулировались специальными правилами и положениями, предусматривавшими порядок нахождения в зоне боевых действий и получения любой информации, связанной с войной. Следует отметить, что в целях обеспечения секретности доступ ко многим источникам информации для иностранцев был закрыт, очень часто сведения они получали случайно или намеренно искаженными через третьих лиц, действовали ограничения на их передвижение и пользование телеграфом, что приводило к неточностям при описании событий войны. Это все нужно обязательно учитывать при работе с «записками иностранцев».

Как правило, они стремились как можно точнее описать происходившее на полях сражений, поэтому повседневности они уделяли не очень много внимания. Кроме этого все иностранцы были прикомандированы к какой-либо части и жили вместе с офицерами, что приводило к тому, что военные агенты и корреспонденты мало обращали внимания на жизнь русских офицеров, т.к. им это было знакомо, привычно и, по их мнению, не заслуживало большого внимания. В силу всех этих причин, а также недостатков, присущих всем запискам иностранцев как источникам личного происхождения, следует соотносить данные, взятые у иностранцев, с другими сведениями из иных типов источников. Однако стоит заметить, что довольно ограниченные факты, содержащиеся в них, имеют для нас большую ценность в силу того, что иностранцы были более или менее беспристрастными наблюдателями происходящих событий и старались оценивать состояние русской армии в общем и русского офицерского корпуса в частности, по возможности объективно.

---

[1]Нодо Л. Они не знали. Письма военного корреспондента газеты “Le Journal” о русской армии в кампанию 1904 года. М., 1905; Нодо Л. Письма о войне с Японией. СПб., 1906.

[2]Табурно И. Правда о войне. СПб., 1905.

Резюмируя имеющиеся в нашем распоряжении источники разных типов, необходимо отметить, что все они требуют к себе критического отношения при анализе, а также взаимодополнения в процессе изучения того или иного аспекта предмета исследования. Описав и проанализировав имеющийся в нашем распоряжении корпус источников, мы можем сделать вывод, что он не только необходим, но и достаточен для освещения темы.

Научная новизна работы заключается в том, что она является не только первым специальным исследованием о повседневной жизни офицерского корпуса действующей армии в годы русско-японской войны 1904-1905 гг., но и сама затронутая тематика повседневной жизни русских офицеров конца XIX- начала XX века является новой и ранее практически не исследованной самостоятельной проблемой. В рамках работы данная проблематика находит комплексное и всестороннее освещение без ориентации на какую-либо идеологию, с применением разнообразных методов и методик. Элемент новизны данной работы заключается также в том, что часть источников, использованных при ее написании, до сих пор не вводилась в научный оборот.

В диссертации использован новый прием в изучении настоящей темы: введено и выделено в отдельную структурную единицу работы понятие внешних факторов военной повседневности. Подобное нововведение может быть использовано другими авторами в дальнейшем при изучении тем, сходных с настоящим исследованием. Выделение внешних факторов позволит выстраивать логику исследования с опорой на внешние обстоятельства, формировавшие жизнь людей в конкретных условиях, а также логичнее структурировать саму работу и успешнее выявлять причинно-следственные связи между различными фактами и явлениями, присущими тематике изучаемой проблемы.

Практическая значимость исследования обусловлена слабой изученностью в отечественной и зарубежной историографии проблем, связанных с историей повседневности армии на театре военных действий в

целом и офицерского корпуса в условиях войны в частности. Работа позволит заполнить эту лакуну.

Разработка данной темы поможет в изучении истории русско-японской войны 1904-1905 гг. в целом, поскольку сведения, почерпнутые из нее, могут дополнить картину сражений на сухопутном фронте. Важную информацию несет данное исследование и в плане изучения истории русской армии, поскольку изменения, происходившие с войсками в годы конфликта, напрямую повлияли на развитие отечественной военной мысли и вооруженных сил.

Значимость работы также заключается в том, что изучению подвергается экстремальная повседневность, т.е. жизнь в условиях войны. В современных условиях, когда основное внимание исследователей повседневности обращено на мирную составляющую жизни людей, наша работа может помочь другим авторам при определении методологии изучения схожих тем.

Сведения, содержащиеся в диссертации, могут служить материалом для создания тематических лекционных курсов по военной истории России конца XIX - начала XX века. Материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов, учебных и учебно-методических пособий по истории повседневности.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, основной части, структурно разделенной на три главы, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

В первой главе анализируются факторы, влиявшие на повседневную жизнь в Маньчжурии, медицинскому обеспечению, а также деньгам и ценам на войне. Вторая глава посвящена вопросам униформы, снаряжения, амуниции и оружия. Кроме того, изучены проблемы питания и жилищных условий офицеров, а также личные вещи офицеров, развлечения на фронте и в тылу. В третьей главе рассматриваются нематериальные аспекты повседневной жизни офицерского корпуса в Маньчжурии в годы войны.

Глава 1. ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ В МАНЬЧЖУРИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

§ 1. Природно-климатические условия, транспортная система, население театра военных действий

Изучая историю повседневной жизни людей на войне, невозможно рассматривать ее изолированно от внешних условий, в которых они находятся: географических особенностей театра боевых действий, в том числе климата, удаленности полей сражений от родины, системы снабжения армии, связи с тылом и др. Именно эти факторы в значительной степени формируют тот мир, в котором живет каждый отдельный офицер или солдат. Это характерно для любой войны, будь то крестовые походы или современные нам конфликты на Ближнем Востоке. Между внешними явлениями и частной жизнью отдельного человека, в нашем случае – боевого офицера, существует прямая связь: от погодных условий зависит обмундирование и снаряжение, от качества путей сообщения и их протяженности – сроки доставки в армию необходимых вещей и продовольствия. В формате данного исследования невозможно рассказать обо всех внешних влияниях, поэтому мы предполагаем исследовать только наиболее значимых из них.

Прежде всего необходимо остановиться на географических, и в том числе климатических условиях, в которых приходилось воевать русской армии. В административном отношении Манчжурия делилась на 3 провинции, две из которых - Гиринская и Мукденская[1] - от войны пострадали сильнее. Боевые действия происходили в районе Восточно-Маньчжурского горного массива (бои на реке Ялу), низкогорного ландшафта, преимущественно степного, в том числе Ляодунского полуострова (осада Порт-Артура, бои у Вафангоу) и земледельческой долины бассейна реки Ляохэ, являющейся

[1] Левицкий Н.А. Указ.соч. С.64.

южной частью Маньчжурской равнины (сражения у Ляояна, у реки Шахэ, под Мукденом)[1].

Географически этот регион представляет собой равнину, охваченную двумя крупными горными системами: Ляодунским нагорьем и нагорьем Ляоси[2]. Обе эти горные системы связываются гористыми долинами реки Сунгари и одного из ее притоков Нонни.

Восточно-Маньчжурский горный массив – обширная разветвлённая горная система между границей с Кореей и равнинами рек Ляохэ и Сунгари. Это невысокие горы, в среднем не превышающие 2 000 м, не имеющие ледников и вечных снегов. Эти горы плавно перетекают в долину реки Ляохэ, образуя холмистые возвышеннсти. Именно эту местность современники называли знаменитыми сопками Маньчжурии, в честь которых назван популярный в начале XX в. вальс.

Равнина реки Ляохэ, как и вся Маньчжурская равнина, с трёх сторон окружённая горами, образована речными отложениями – аллювием. Ландшафты этой долины и Ляодунского полуострова испытали на себе значительное воздействие в результате земледельческой деятельности человека.

Ляодунские горы к западу постепенно понижаются. Нагорье Ляоси, соединяя Южную Манчжурию с провинцией Печили, тянется от Великой китайской стены до пересечения реки Ляохэ с монгольской границей[3] и представляла собой холмистую поверхность, не затруднявшую передвижения по ней войск и обозов, в отличие от горных частей Северо-Восточного Китая.

Леса в Мукденской провинции были в основном хвойными, занимали значительную площадь, но были распределены неравномерно, сосредоточиваясь в основном вдоль восточной границы, оставляя без леса

---

[1] Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай. Физико-географическое описание. М., 1955. С.118.

[2] Стрелецкий [б.и.]. Указ.соч. С.94.

[3] Левицкий Н.А. Указ.соч. С.66.

остальную часть провинции. В центре и на западе встречается лишь мелкий кустарник и отдельные деревья[1]. Испытывая недостаток в древесине, прежде всего, из-за нехватки дров, войска были вынуждены жечь гаолян и снимать крыши, ставни и двери в китайских домах.

Западная часть Южноманчжурского военного театра, приближаясь по характеру поверхности к низменным областям Европейской России, была более привычна для русского солдата, восточная же часть театра — гористая и бездорожная — представляла большие трудности для действий войск и жизни в полевых условиях[2].

Маньчжурский климат формировался взаимодействием погодных особенностей материка и океана в этом регионе, которое выражается в зимних и летних муссонных ветрах. Поскольку горные кряжи прикрывают эту территорию с востока, юга и запада, то с мая по сентябрь здесь господствует юго-западный муссон, а в остальное время года – северный и северо-западный. Этим объясняются главные характерные особенности климата: жаркое и богатое атмосферными осадками лето и холодная малоснежная зима[3]. В зимнее время сильно влияние восточносибирского или центрально-азиатского антициклонов, что приводит к преобладанию солнечной и холодной, но сухой погоды. В районе Мукдена минимальная зимняя температура составляет -33С^{o}, средняя температура января -13 С^{o}. Земля при этом глубоко промерзает. Толщина снежного покрова крайне мала, мелкий крупчатый снег быстро сдувается сухим, резким зимним муссоном. Такой суровый, а главное – непривычный для русских, климат оказывал самое серьезное влияние на формирование быта офицеров.

При резко континентальном климате Маньчжурия была богата дождями, в результате выпадения которых образуется множество ручьев, часто глубоких

---

[1] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.7. С.113.

[2] Сказания иностранцев о русской армии. СПб., 1912. С.141.

[3] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.7. С.114.

и бурных[1]. Температура доходила в районе Мукдена до +40С°, а среднемесячная +25С°[2]. Летом стояла «жара нестерпимая»[3] и выпадало максимум осадков, в июле-августе проходило значительное число ливней, в это время резко повышался уровень воды в реках и скорость их течения[4]. Вот как описывали маньчжурское лето современники: «С 31 июля и до 5 августа дождь лил не переставая; у нас все промокло, отсырело; палатки, погребцы, белье, сапоги, кровати – все [из-за плесени – Л.Ч.] зеленое… озера и реки разлились и затопили дороги…»[5]. Тогда же из-за повышения влажности появлялось множество мошкары[6].

Осень довольно непродолжительна (сентябрь и октябрь), но отличается мягкой и приятной погодой, которую портили частые и сильные ветры. Они поднимали целые тучи песка и пыли, что являлись причиной возникновения глазных болезней[7]. Лучшее время года в Маньчжурии, по мнению современников[8], — осень, когда спадает жара и прекращаются дожди.

Как видно из вышесказанного, погодные условия здесь сильно отличались от континентального климата, к которому привыкли русские: зимой сильные ветра при малом снежном покрове, а летом – обильные осадки и палящее солнце. Многие офицеры и солдаты оказались не готовы к таким условиям.

---

[1] Левицкий Н.А. Указ.соч. С.65.

[2] Мурзаев Э.М. Указ.соч. С.109.

[3] Яковлев П.А. Указ.соч. С.93.

[4] Соловьев Л.З. Указания опыта текущей войны на действия пехоты. Впечатления ротного командира. СПб., 1907. С.28; Рэкули Р. Десять месяцев на русско-японской войне. СПб., 1908. С.217.

[5] Серебрянский Митрофан О. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С.64-65.

[6] Виноградский А.Н. Японо-русская война. Причины войны, театр войны и средства сторон. С.28.

[7] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.7. С.114.

[8] Левицкий Н.А. Указ.соч. С.69.

Отдельного внимания заслуживают водные ресурсы Маньчжурского театра боевых действий. Характерной чертой этой местности было обилие водных потоков. Большинство рек носили горный характер, т.е. обладали быстрым течением и текли по твердому, часто загроможденному камнями дну, что делало неудобными переправы войск через них. Уровень воды был также неустойчив. Большинство рек к концу лета высыхали, а весной и в начале лета после таяния снегов в горах и весенних дождей они становились полноводными и разливались. В Южной Маньчжурии вследствие отсутствия лесов колебания уровня воды очень значительны. Иногда они могли разливаться из-за одного, но сильного дождя или наоборот, довольно быстро высыхать[1]. Особенно страдали войска в конце лета 1904 г при отступлении к Мукдену: «…вода очень редко попадается на пути. Ни одной речонки встретить сегодня не пришлось… стоит лишь подойти к какой-нибудь небольшой луже, как она сразу иссякнет, оставляя после себя только мокрое истоптанное дно»[2]. В Северной Маньчжурии уровень воды в реках был устойчивее.

Зимой реки замерзали и становились важными дорогами, особенно в горах. Кроме небольших горных рек по территории Маньчжурии текли несколько водных артерий, крупных и значимых для воюющих сторон: Сунгари и Ляохэ. Они были судоходными и служили коммуникационными линиями, частично снимая нагрузку с железной дороги. Главная водная артерия всей Мукденской провинции - река Ляохэ. Мутная и грязная вода в реке для питья была не пригодна[3]. Сунгари - правый приток Амура, в

---

[1] Виноградский А.Н.. Русско-японская война. Причины войны, средства войны и силы сторон. С.16.

[2] П.А.Яковлев. Указ.соч. С.93.

[3] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.7. С.108.

основном использовался как транспортный путь от Харбина на север на территорию Российской империи[1].

Еще одним крайне важным фактором, влиявшим на повседневную жизнь офицерского корпуса, стала сухопутная транспортная система. Театр боевых действий находился на расстоянии в несколько тысяч километров от основных источников снабжения, что, безусловно, наложило свой отпечаток на жизнь армии. Русские войска, расположенные за тысячи километров от основных экономических центров страны, связывала с ними лишь одна, недостроенная окончательно, железнодорожная магистраль. В этой связи чрезвычайно важное значение приобретало не только наличие транспортных средств, но и организация движения[2]. Единственная железная дорога, связывающая центр государства с театром военных действий — Транс-Сибирская (в начале XX века ее называли Великий Сибирский Путь) была выстроена по облегченным техническим условиям, дорога вокруг Байкала еще не функционировала, а шедшая далее Забайкальская железная дорога отличалась крутыми уклонами и малыми радиусами на поворотах, что затрудняло движение поездов[3].

Особый статус получила Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), соединявшая Читу с Владивостоком, и особенно одна из ее веток – Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), проложенная между Харбином и Порт-Артуром[4]. Одноколейная, построенная всего за год до начала войны, КВЖД оказалась неподготовленной к крупномасштабным воинским перевозкам.

---

[1] Виноградский А.Н.. Русско-японская война. Причины войны, средства войны и силы сторон. С.17.

[2] Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Указ.соч. С.60.

[3] Железнодорожные войска России. Кн.1. На службе Российской империи: 1851-1917. М., 2001. С.133.

[4] История железнодорожного транспорта России. Т.1: 1836-1917. СПб., 1994. С.157-158.

К началу войны одноколейная Транссибирская магистраль уже была введена в эксплуатацию, но из-за некоторых недоработок пропускная способность ее составляла лишь 3—4 пары поездов в сутки[1], хотя военный министр утверждал, что уже с начала войны можно было ежедневно отправлять 12 пар поездов[2]. Однако после ряда изменений в работе и введения дополнительных мер, таких как создание дополнительных разъездов и увеличение числа путей на станциях, пропускная способность Сибирской железнодорожной магистрали к 1 апреля 1904 года достигла 9 пар поездов, к 1 июня — 12 и к 15 сентября — 17 пар поездов в сутки[3].

Крупным недостатком являлся разрыв дороги у озера Байкал, вынудивший в качестве паромов использовать ледоколы «Байкал» и «Ангара», а также все подходившие для этих целей паромы и баржи[4], но этого было недостаточно, возникали очереди из составов, поэтому зимой, со 2 по 17 февраля 1904 г., железнодорожными войсками через озеро по льду была построена временная железная дорога[5].

Пропускная способность остальных участков была в 2—3 раза выше. Все это влекло за собой низкую скорость переброски военных грузов и войск на Дальний Восток. Например, транспортировка одного армейского корпуса (около 30 тысяч человек) занимала около месяца[6]. Тем не менее, уже к июлю 1904 года удалось наладить бесперебойное движение по Транссибирской магистрали.

В ходе войны появились новые причины, по которым нарушались железнодорожные перевозки. Во-первых, Китайско-Восточная железная

---

[1] Пара поездов в сутки – единица пропускной способности, обозначающее возможность проезда по одному поезду в ту и в другую сторону.

[2] Батющенко Ю.В. Указ.соч. С.105.

[3] Железнодорожные войска России. Кн.1. С.134.

[4] Железнодорожные войска России. Кн.1. С.135.

[5] Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Указ.соч. С.60.

[6] Martin Christopher. Указ.соч. P.27.

дорога (КВЖД) не возвратила Забайкальской 1000 вагонов, из-за чего последняя не смогла принять все транзитные грузы с Сибирской железной дороги. Во-вторых, японские разведывательные группы организовали ряд диверсий. В частности, широкую огласку получило нападение на железнодорожный мост у станции Фанзятунь в январе 1905 года[1]. Это было сделано несмотря на стремления властей обезопасить дорогу, в частности ограничения для проживания и жесткий полицейский надзор за всеми подозрительными лицами, в том числе японскими подданными, не только вблизи железнодорожных путей, но и в целом в забайкальском регионе[2]. В-третьих, среди железнодорожного начальства процветали взятки и подкуп. Вместо военных грузов к составам прицеплялось множество вагонов, товары в которых предназначались для спекуляции. Теневым дельцам удавалось провозить свои грузы даже в санитарных поездах, следовавших на фронт. Например, генерал Хлыновский, ведавший санитарной частью тыла, занимался продажей мяса, муки и других продуктов[3]. В итоге крайне необходимые грузы доставлялись на Дальний Восток с большим опозданием или вообще не доходили до войск[4]. К тому же большое количество груженых вагонов «терялось» в пути.

Одна из подобных мошеннических схем заключалась в следующем: на какой-либо станции в составе военного поезда находили несколько неисправных вагонов. Вагоны часто специально портили на предыдущих перегонах, например, в буксы подсыпали песок, из-за чего они перегорали. Их отцепляли и заменяли несколькими другими, уже стоявшими на станции[5]. Такая процедура могла повторяться несколько раз за весь путь, поэтому до Харбина поезд мог доходить с наполовину замененным подвижным составом.

---

[1] АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.64. Л.75.

[2] ГАРФ. Ф.102. Оп.316. Д.17. Л.1.

[3] Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Указ.соч. С.61.

[4] РГВИА. Ф.499. Оп.1. Д.1837. Л.5.

[5] Мартынов Е.И. Указ.соч. С.145.

Таким путем на фронт вместе с военными грузами, которые заказывало интендантство и сами войска, попадал «ходовой» товар (например, алкоголь), насыщавший внутренний рынок маньчжурских армий. Можно с уверенностью предположить, что с помощью подобных мошеннических схем на позиции проникали также товары бытового назначения, удовлетворявшие потребности офицеров.

Недостаточная протяженность железнодорожной сети на театре военных действий, отсутствие времени для ее развития, неблагоприятные климатические и почвенные условия Маньчжурии, делавшие непроезжими большинство грунтовых дорог в Маньчжурии, вынудили командование русской армии прибегнуть к строительству значительного количества узкоколейных дорог с конной тягой, призванным восполнить недостаток транспорта. Вопреки ожиданиям, узкоколейные железные дороги с паровой тягой применения не нашли — значительный вес материальной части, почти в два раза превышающий аналогичные показатели парка конных железных дорог, большая трудоемкость строительства и сложность эксплуатации сделали их использование нецелесообразным[1].

В приведенной ниже таблице показан объем перевозок грузов по железной дороге на театр военных действий.

Таблица 1.

Общий объем перевозок по железным дорогам
на Дальний Восток за весь период войны[2].

Наименование перевозимого груза	Поступило в Харбин из России		Убыло из Харбина по КВЖД на фронт		Примечания
	Кол-во поездов	% от общего	Кол-во поездов	% от общего	

[1] Железнодорожные войска России. Кн.1. С.145.

[2] История Тыла Вооруженных Сил (XVII – XXвв.). СПб. 2000. Кн.1. С.313.

		числа поездов		числа поездов	
Люди	2158 (1294 556 человек)	41,8	2125	33,0	Остальные поезда направлены во Владивосток
Лошади	1151 (230 269 голов)	22,3	1392	21,6	
Скот			817	12,7	Местные заготовки
Грузы	1856	34,9	2102	32,7	Увеличение количества поездов из Харбина за счет местных заготовок

Более 60% всех прибывших в Харбин поездов были воинскими эшелонами, чуть более 30% - с грузами для армии. Ситуация диаметрально менялась, когда составы уходили из Харбина на театр боевых действий: более 60% - грузы, более 30% - люди. Такое изменение груза железной дороги было связано с тем, что основную массу фуража и продовольствия интендантство привозило не из европейской России. Например, скот пригоняли из Монголии[1], а фураж заготавливался войсками на месте. При этом практически повсеместно отмечался недостаток продовольствия и фуража, что вызывало повышение и даже завышение цен на них[2].

[1] РГВИА. Ф. 14930. Оп.1. Д. 32. Л.1; РГВИА. Ф14930. Оп.1. д.45. Л.1.

[2] Отчет о деятельности полевого контроля в русско-японскую войну. С.92-93.

Свою роль в ходе войны сыграли водные пути, проходившие в основном по рекам Амур, Сунгари, Уссури и Ляохэ. Грузы перевозили около 400 барж и кораблей с общей грузоподъемностью более 46 тысяч тонн[1]. Примечательно, что большая часть из них были частными судами.

Грунтовые дороги Маньчжурии представляли собой углубленный накат, окруженный по сторонам полями гаоляна. Он был выше человеческого роста и серьезно препятствовал ориентированию. В сухое время дороги были очень пыльными, а во время дождей покрывались липкой, медленно высыхавшей грязью, по которой иногда невозможно было движение транспорта, особенно одноконных и парных двуколок[2], и людей. Постепенное понижение уровня полотна дороги вынуждало прокладывать новые пути[3]. Зимой же при малом снежном покрове, когда почва промерзала, такие дороги были очень удобны для перевозок[4].

С первых дней войны потребовалось большое количество транспортных средств для перевозки по грунту различных грузов, а также эвакуации больных и раненых. В связи с этим в дополнение к полковым обозам были созданы корпусные и дивизионные[5]. Однако при невозможности быстро обеспечить театр войны необходимым количеством гужевого транспорта, число таких обозов было незначительным. В результате военная администрация была вынуждена покупать или нанимать местные повозки с лошадьми. Были сформированы арбяные транспорты, т.е. обозы «туземного [китайского - Л.Ч.] образца»[6]. Такая необходимость была вызвана не только нехваткой армейских обозов, но и условиями почвы и климата.

---

[1] История Тыла Вооруженных Сил (XVII – XX вв.). Кн.1. С.314.

[2] Незнамов. А. Указ.соч. С. 101.

[3] Левицкий Н.А. Указ.соч. С.68.

[4] Отчет о деятельности управления Начальника Военных Сообщений 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904-1905 годов. СПб., 1907. С.82.

[5] Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Указ.соч. С.62.

[6] Огиевский М. Вьючные транспорты // Разведчик. 1906. №768. С.556.

В использовании гужевого транспорта имелись существенные недостатки. Из-за частых отступлений войск и неразберихи, поступали требования на экстренный подвоз материальных средств армейскими транспортами. В большинстве случаев такие требования выполнялись, а в это время дивизионные и корпусные транспортные средства бездействовали. Подвоз затруднялся из-за преждевременного отвода в тыл полковых обозов, которые возили запасы, являвшиеся в значительной мере собственностью полков, а также вещи офицеров. Это происходило из-за стратегии командования, отдававшего приказы отступать, когда исход того или иного сражения еще не был ясен.

Имели место и частые нарушения, связанные с тем, что дивизионный транспорт использовался лишь для содержания на колесах самовольно созданных командирами частей запасов нужных войскам вещей. Таким образом он выпадал из нормальной системы подвоза войсковых грузов[1].

Коротко охарактеризуем для сравнения систему снабжения другой воюющей стороны. Господство на море и осада Порт-Артура на суше позволяли японцам организовать тыл для снабжения своих армий, двигавшихся с востока и юга в направлении расположения главных русских сил. Длительность морского перехода судов с Японских островов на материк занимала всего 1-2 дня в зависимости от погодных условий[2].

Японские армии опирались на три основные коммуникации: одна — для 1-й армии Куроки — от устья Ялу в направлении Ляояна и Мукдена через Саходзы и Фынхуанчен; другая — для 4-й армии Нодзу, наступавшей со стороны Кореи, — от Дагушаня в направлении Сюянь — Ляоян. Снабжение по этому пути не получило большого развития, и по мере приближения 4-й армии к линии ЮМЖД она начала базироваться на Инкоу, совместно со 2-й армией. Третью коммуникацию составляла ЮМЖД, которая обслуживала в

[1] Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Указ.соч. С.62.

[2] Свечин А. Указ.соч. С.19.

основном 2-ю армию[1], двигавшейся по этой железнодорожной линии от Ляодуна на север.

Японцы испытывали значительные трудности из-за недостатка гужевого транспорта, что оказало решающее влияние на медлительность развития операций. Например, армии Куроки понадобилось 4 месяца для того, чтобы пройти свой путь от р.Ялу до Ляояна, хотя это расстояние составляло всего около 250 км. Строительство полевых железных дорог в дальнейшем ослабило кризис снабжения. Что касается организации войскового тыла, то каждая дивизия имела свои средства снабжения. В дивизионном транспорте находился четырехдневный запас продовольствия. Полковой обоз был вьючным и имел продовольствие для трехдневного перехода[2].

Таким образом, и русские, и японские войска испытывали сложности со снабжением, но они имели различный характер. Если главной проблемой русских войск была удаленность основных баз от театра войны и низкая пропускная способность железнодорожной сети, то для японских главным были поиски необходимого количества наземного транспорта для перевозки военных грузов и войск.

Также необходимо остановиться на том населении, которое жило на театре боевых действий. Оно состояло в основном из китайцев, небольшого числа маньчжур и корейцев. К 1904 г. население Маньчжурии составляло более 9 миллионов. Наиболее густо были заселены долина реки Ляохэ и побережье Ляодунского залива, где люди занимались почти исключительно земледелием[3], выращивая кукурузу, чумизу (это один из сортов просо, называемый «черный рис»), бобы, гаолян (китайское сорго) и пр. Недостающие здесь пшеница и рис ввозились преимущественно для

---

[1] Левицкий Н.А. Указ.соч. С.54.

[2] Там же. С.56.

[3] Виноградский А.Н. Японо-русская война. Причины войны, театр войны и средства сторон. С.20.

зажиточных слоев населения[1] из центральных районов страны и Кореи. Скотоводство было развито слабо[2], поэтому интендантство вынуждено было закупать крупный рогатый скот не на месте, а в Монголии.

Обилие возделываемых полей в равнинных районах помогло армии, поскольку большую часть продуктов питания и фуража брали у китайцев. С другой стороны, большие нарекания вызывало то, что значительные территории были засеяны гаоляном[3]: с этой культурой с очень длинными стеблями выше человеческого роста русские войска были незнакомы. Русские не знали, как гаолян можно использовать в пищу. Кроме того, такие высокие заросли часто служили хорошим прикрытием для японских засад.

Отношение местного населения было нейтральное. В источниках не зафиксировано массовых волнений ни против русских, ни против японских войск. При этом многие из местных жителей были вынуждены покидать свои жилища, т.к. проходящие войска занимали их дома, забирали продукты и фураж. Для этих целей интендантством выделялись значительные суммы[4], однако на практике фуражные команды нередко забирали всё без платы. Зачастую без денежного вознаграждения местное население оставляли не только фуражиры, но и обычные солдаты. Такое положение дел не нравилось многим. Об этом можно судить по письмам и телеграммам как от китайцев, так и от других свидетелей происшествий, направленным в штаб Главнокомандующего. В них говорится о конкретных случаях грабежа местного населения, а также содержатся просьбы усилить охрану мирных жителей[5]. При этом такое отношение было не всегда, зачастую интенданты

---

[1] Левицкий Н.А. Указ.соч. С.69

[2] Виноградский А.Н. Русско-японская война. Причины войны, средства войны и силы сторон. С.21.

[3] Сказания иностранцев о русской армии. С.141.

[4] Грулев М.В. Указ.соч. С. 343.

[5] РГВИА. Ф.14926.Оп.2.Д.118. Л.79-80.

честно расплачивались за полученные от местного населения припасы и не допускали мародерства[1].

Китайцев выселяли из домов, где как предполагалось, будут размещены войска, также по гигиеническим соображениям. Считалось, что риск заражения какой-либо из болезней значительно вырастет при непосредственном контакте с местным населением[2]. Зачастую, выселив хозяев, дома очищали от мебели по тем же соображениям.

Немало вреда русским войскам причиняли местные жители, завербованные японской разведкой. Их использовали в прифронтовой полосе в основном для наводки вражеской артиллерии: они подавали сигналы с возвышенностей с помощью зеркал или ярких тряпок[3], наводя и корректируя огонь батарей на русские позиции. Однако русская разведка также использовала местных жителей как поставщиков информации[4], оплачивая их услуги, а также как переводчиков для ведения переговоров с местным населением. Некоторые агенты русской разведки из числа китайцев, а также бывшие на службе переводчики, были перевербованы японской разведкой[5]. Часть из них удавалось вычислить и схватить[6]. Несмотря на большие риски, связанные с утечкой информации через местных жителей, войска были вынуждены использовать их из-за нехватки собственных кадров.

Опасность для небольших отрядов и одиночек, отставших от части или посланных куда-либо с поручением, представляли китайские разбойники –

---

[1] РГВИА. Ф.14390. Оп.1. Д.12. Л.23, 27.

[2] Приказ №125 от 6 апреля 1905 года // Приказания войскам 3-й Маньчжурской армии. [б.м, б.и.], 1905. Без страницы.

[3] Гусев С.Я. Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911. С.64.

[4] Литвиц Ф. Атаки японцев во время войны в Восточной Азии // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.4. СПб., 1906. С. 37.

[5] РГВИА. Ф.ВУА. Оп.1. Д.29070. Л.65.

[6] РГВИА. Ф.14959.Оп.1.Д.103. Л.2.

хунхузы[1]. О хунхузах в источниках[2] упоминается очень часто. Они появлялись как на коммуникациях войск, так и вблизи линии фронта. В тылу армии действовали организованные отряды, нанятые и зачастую возглавляемые японскими кадровыми офицерами-разведчиками. Одним из таких соединений или шаек командовал будущий известный китайский военный и политический деятель – соперник Чан Кайши в борьбе за власть – Чжан Цзолинь[3].

[1] Яковлев П.А. Указ.соч. С.80.; Изместьев П.И. Указ.соч. С. 69.

[2] Немирович-Данченко В.И. На войну. От Петербурга до Порт-Артура. М., 1904. С.74, 76, 81; Ухач-Огорович Н.А. Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904-1905гг. С.73.

[3] Воронович Н.В. Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952. С. 35.

§ 2. Деньги и цены в военное время

Рассмотрим жалованье офицерских чинов и порядок его получения, а также отношение к деньгам на войне и уровень цен на театре военных действий.

Во время войны офицерский состав получал жалованье с надбавкой за участие в боях или нахождение в зонах боевых действиях, это называлось усиленным содержанием. Помимо него офицерам полагались «порционные» и ряд других добавочных денежных отпусков (дровяных, свечных, фуражных, прогонных, пособий военного времени и др.) [1]. Все эти выплаты определялись рядом документов: Сводом военных постановлений и его продолжениями и дополнениями, приказами по Военному ведомству и рядом других положений и циркуляров, изданных до войны и непосредственно в ходе конфликта. Наличие такого большого объема документов вносило путаницу в делопроизводство и приводило к противоречиям в самих документах, а также в разъяснениях, которые давали ответственные учреждения по вопросам выплаты жалованья.

Подобная путаница приводила к тому, что размер жалованья и дополнительных выплат у офицеров различных частей сильно отличался. Например, офицеры, прибывавшие из Европейской части России получали кроме основного усиленного содержания специальные полевые порционы. Прибывшие из Приамурского военного округа сохраняли сверх этого приамурские суточные выплаты, а офицерам, состоявшим в частях, расквартированных в Маньчжурии и на Квантунском полуострове, оставили еще несколько надбавок, положенных частям, находящимся за пределами империи[2].

---

[1] Положение о пособиях в военное время // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1895 год. СПб., 1895. С.649-662.

[2] Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905гг. С. 104-105.

Оценим в количественном отношении денежное довольствие, которое полагалось офицерам, проходившим службу на театре военных действий. В военное время к основному жалованию (см.табл.1) им полагалась определенная «усиленная» надбавка к окладу. Соотношение основного и усиленного жалованья приведено в таблице 2.

Таблица 2.

Годовое жалованье офицеров в мирное и военное время[1].

ЧИНЫ	Жалованье	
	Основное	Усиленное
Полный генерал	2100	2940
Генерал-лейтенант	1800	2472
Генерал-майор	1500	2004
Полковник	1200	1536
Подполковник	1080	1344
Капитан	900	1080
Штабс-капитан	780	948
Поручик	720	876
Подпоручик	660	804
Прапорщик	600	732

Усиленное жалованье было выше основного на 20-40 %. Чем выше было у офицера звание, тем больше был надбавочный процент. Такое различие в основном было связано с тем, что офицеры, имевшие высокие чины, занимали более значимые должности, связанные и с большими расходами на свое содержание. Для чиновников, служивших в тыловых учреждениях армии, процент надбавки был фиксированным и составлял 25%[2]. Жалованье должно было выдаваться двадцатого числа каждого месяца[3]. Однако зачастую в силу различных причин военного и логистического характера случались задержки, причем в некоторых случаях значительные.

[1] Малинко В. Голосов В. Указ.соч. С. 90.

[2] РГВИА. Ф. 16337. Оп.1. д.6. Л.14.

[3] Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.281.

Сверх основного содержания в военное время, когда офицеры получали усиленное жалованье, им полагалось два вида выплат: единовременные пособия и постоянные добавочные оклады[1]. К единовременным пособиям относились военно-подъемные деньги на покупку обмундирования и снаряжения: генералам — 260 рублей, штаб-офицерам — 160 рублей, обер-офицерам — 100 рублей[2].

Кроме этого единовременно выделялись средства на приобретение верховой лошади, но только офицерам, которым по штату мирного времени их не положено было иметь. Размер пособия определялся текущими ценами в конкретной местности. Например, на территории Европейской России оно составляло 200 рублей[3]. Также выдавалось пособие на приобретение перевозочных средств. Оно полагалось только высшим командным кадрам, начиная с подполковника, т.е. генералам и штаб-офицерам. Лицам генеральских чинов выдавались деньги на покупку двух верховых и двух упряжных лошадей с экипажем, штаб-офицерам – на две верховых лошади, а обер-офицерам – на одну[4]. Также единомоментно выделялись средства в размере 75 рублей на покупку седел и вьюков для тех, кому в мирное время не полагалось ездить верхом[5].

К постоянным добавочным окладам относились порционы: походные и полевые. Порцион - добавочные деньги на продовольствие на театре военных действий. Походные порционные деньги выдавались со дня посадки для отправления в район боевых действий и до прибытия в расположение части. Соответственно, полевые порционы офицеры начинали получать со дня прибытия к месту службы в Маньчжурии[6].

---

[1] Малинко В. Голосов В. Указ.соч. С. 94.

[2] Разведчик. 1905. №747. С.138.

[3] РГВИА. Ф.1. Оп.1. Т.36. Д.65428. Л.25.

[4] Разведчик. 1904. №696. С.176.

[5] Малинко В. Голосов В. Указ.соч. С. 94.

[6] Разведчик. 1904. №696. С.176.

Таблица 3.

Размер суточных походных и полевых порционов.

ЧИНЫ	Размер выплат (в рублях)	
	Походные порционы	Полевые порционы
Генералы	4	4
Штаб-офицеры	3	3
Обер-офицеры	2	1,5

Походные и полевые порционы практически не отличались, за исключением младших офицеров. Возможно, это связано с тем, что в расположении части питание для офицеров было централизованным (офицерские кухни, столовые), а значит, более дешевым. В данную таблицу не включены генералы, занимавшие высшие командные должности – от командующего отдельным корпусом до Главнокомандующего. Их порционы составляли от 10 до 20 рублей в сутки[1].

Кроме этого офицерам полагалось фуражное довольствие, которое получали либо натурой - 13 фунтов овса, 15 фунтов сена в месяц, либо деньгами на покупку корма лошадям по ценам в конкретной местности[2]. Еще одним видом постоянных добавочных окладов были квартирные деньги. Это пособие, которое выдавалось офицеру ежемесячно для оплаты жилья по месту службы по местным ценам. Однако большинство семейных офицеров предпочитало пользоваться возможностью оставлять квартирные деньги дома, т.е. не получать по месту службы, а переводить в Россию, превращая их в пособие своим семьям. Оно выражалась в оплате для них квартиры и прислуги[3].

Для больных и раненых офицеров устанавливались дополнительные выплаты на время поездок в тыл для лечения и возвращения к месту службы

[1] Малинко В. Голосов В. Указ.соч. С. 95.

[2] Там же. С. 95.

[3] Н.З. Пособия семействам офицеров в военное время // Разведчик. 1904. №702. С.344.

в добавление к основным, которые им полагались по званию[1]. Также для них были предоставлены другие льготные условия: бесплатный провоз багажа и лучшие условиями проживания, нежели для других офицеров при следовании железнодорожным транспортом. Помимо походных денег, положенных на общем основании, раненым и больным выдавались по числу дней проезда суточные деньги в размере: генералам – 5 рублей, штаб-офицерам – 3 рубля, обер-офицерам – 2 рубля[2]. При отправлении на лечение или восстановление за рубеж каждому офицеру выдавалось единовременно 300 рублей для «приобретения статского платья»[3].

Сравним жалованье офицеров воюющих армий. В приведенной ниже таблице приведены данные по годовому жалованью офицеров японской армии, переведенные в рубли[4], и русской.

Таблица 4.

Годовое жалованье офицеров японской и русской армий в рублях

Японская армия		Русская армия	
Чины	Жалованье	Жалованье	Чины
Маршал	6500	2100	Полный генерал
Генерал-лейтенант	4400	1800	Генерал-лейтенант
Генерал-майор	3400	1500	Генерал-майор
Полковник пехотный/др.родов войск	2500/2600	1200	Полковник
Подполковник пехотный/др.родов войск	1800/2000	1080	Подполковник
Майор пехотный/др.родов войск	1200/1300	900	Капитан
Капитан I класса	800	780	Штабс-капитан

[1] РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.66389. Л.1.

[2] РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.66082. Л.1, 2, 6.

[3] РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.67339. Л.3.

[4] Ермилов Н. Указ.соч. С.27.

Капитан II класса	700	720	Поручик
Поручик	600	660	Подпоручик
Подпоручик	550	600	Прапорщик

Разница в денежном довольствии старших и младших офицеров здесь была весьма значительна. Жалованье японского маршала было больше жалованья подпрапорщика в 12 раз, тогда как в русской армии подобная разница (между полным генералом и прапорщиком) была всего 3,5 раза. В целом японские офицеры получали больше русских, особенно это касается высшего командного состава. Младшие офицеры русской армии получали немногим больше японских. Больший размер выплат военным страны Восходящего Солнца объясняется тем, что они практически не получали других пособий и содержали себя и свои семьи только на свое жалованье[1].

Выдача жалованья в русской армии производилась по спискам для всей части[2]. Этот список формировал казначей, который служил в полковой канцелярии. По правилам казначей ежемесячно должен был заполнять ведомость на получение денег и отправлять ее в интендантское управление[3]. Последнее, в свою очередь, проверив данные, высылало деньги[4]. Однако такой порядок практически никогда не соблюдался. Офицеры получали деньги с большим опозданием. Вот как описывал ситуацию с получением жалованья А.Квитка: «…хотя жалованье я требовал за истекшее время, но на это смотрелось в нашем полку чуть ли не как посягательство на чужую собственность[5]». По этой фразе мы можем предположить, что задержки происходили регулярно, и долги перед офицерами были обычным делом.

Офицеры сами писали требования на выдачу денег в конторе у полкового казначея (жалованье, столовые, и т.д.). Им выдавали деньги и

[1] Разведчик. 1905. №766. С.524.

[2] РГВИА. Ф.13072. Оп.1. Д.42. Л.149.

[3] РГВИА. Ф.13061. Оп.1. Д.22. Л.14.

[4] Малинко В. Голосов В. Указ.соч. С. 92.

[5] Квитка А. Указ.соч. С.264.

вместе с ним аттестат установленного образца. Требования и аттестаты писались от руки или на специальных бланках. Вот пример такого рода документа: «Аттестат сей выдан [ФИО офицера – Л.Ч.] в том, что он квартирными деньгами из оклада в месяц по 25р.70к удовольствован 1905 года июня по 1 число. В чем подписью и положением казенной печати свидетельствуется»[1].

Подобный порядок доставлял значительное число неудобств тем, офицерам, которые находились вдалеке от своей части, прежде всего раненым и находившимся на излечении офицерам, а также командированным из своих частей по различным нуждам. Из-за бумажной волокиты в канцеляриях штабов многие из них не имели на руках необходимых бумаг для получения денежного довольствия, из-за чего не могли получить средства от госпиталей, этапных комендантов и воинских начальников[2].

Большие сложности с получением причитавшегося жалованья испытывали и офицеры, находившиеся в расположении части и имевшие возможность обратиться к казначею. Это связано прежде всего с запутанной системой выдачи денежных средств по различным видам пособий и окладов, о которой уже было сказано выше. На каждый вид надбавок полагалось писать отдельное требование, а если учесть, что выплаты отдельных порционов, надбавок и окладов происходили в разные дни, то сложность расчетов и вычислений сильно возрастала. Об этом очень эмоционально сказано в воспоминаниях Г.А.Данилова: «Люди прямо гибнут, составляя эти требовательные ведомости и контрольную отчетность, не спят ночами и получают чахотку»[3].

---

[1] РГВИА. Ф.13072. Оп.1. Д.42. Л.184.

[2] Бибер А. Расчетные листы для офицеров // Вестник Маньчжурских армий. 1905. №189. С.2.

[3] Данилов Г.А. Сибирская казачья дивизия в походе против Японии в 1904 и 1905 годах. Ташкент, 1913. С.181.

К этому добавлялась проблема правильности расчета той или иной выплаты. В силу сложности законодательства по вопросам денежного довольствия[1], а также желания некоторых офицеров и военных чиновников получать больше денег, нежели им было положено, многие ведомости были запутаны и содержали заведомо неверные данные[2]. Это приводило к ошибкам, многочисленным проверкам, что еще более усложняло своевременное получения жалования и надбавок.

По этой причине в начале 1905 года были введены так называемые расчетные листы. Они выдавались офицерам, которые всегда их носили с собой. После получения выплат за месяц такой листок обменивался на новый, а «погашенный» старый сдавался в канцелярию того учреждения, где офицер получил деньги. Единого образца подобных листов не существовало, но были рекомендации по их составлению. Ниже приведен образец расчетного документа, разработанный в штабе тыла Маньчжурских армий[3].

Расчетный листок офицера

<table>
<tr><td>Наружная сторона листа</td><td colspan="8">Внутренняя сторона листа</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Чин, ФИО владельца-офицера листа

Какой части войск

Должность по службе</td><td rowspan="3">Какими видами довольствия удовлетворяется офицер</td><td colspan="4">Из какого оклада в месяц или в сутки</td><td colspan="2" rowspan="2">Сколько выдано</td><td rowspan="2">По какое число или на какое время деньги выданы</td><td rowspan="2">Отметки казначея о времени выдачи</td></tr>
<tr><td colspan="2">В месяц</td><td colspan="2">В сутки</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td>К.</td><td>Р.</td><td>К.</td><td>Р.</td><td>К.</td><td></td><td></td></tr>
</table>

[1] РГВИА. Ф.13061. Оп.1. Д.71. Л.51.

[2] РГВИА. Ф.13061. Оп.1.Д.55.Л.29-31.

[3] Бибер А. Указ.соч. С.2.

На «____» месяц 1905 г. Офицеру надлежит расчетный лист иметь всегда при себе и предъявлять его при каждой выдаче денег, для отметок в нем выдаваемых сумм	Полев.порц. Жалованье Столовые Прогоны в командировку За дрова на варку пищи								
	М.П. (место печати) Заведующий хозяйством:____ Казначей:_____								

С введением расчетных листов изменились две важные вещи, которые до этого способствовали бумажной волоките. Во-первых, отпадала необходимость писать требования на выдачу каждого вида выплат, во-вторых, офицеру не нужно было получать аттестат, по которому ему выдавали деньги в других местах. К сожалению, не найдено свидетельств самих офицеров об этом нововведении. Более того, наряду с новыми правилами выплат по расчетным листкам продолжала сохраняться старая система выдачи жалованья[1].

Денежные суммы, получаемые офицерами на войне в исследуемый период, в целом рассматривались современниками как достаточные. Они жаловались на задержки при их выплатах, а не на нехватку денежных средств. Скорее наоборот, в воспоминаниях встречается удивление большим

[1] РГВИА. Ф.13072. Оп.1. Д.42. Л.184.

суммам, которые получали на театре военных действий офицеры. В частности, признавались завышенными суммы единовременных пособий. М.В.Грулев в своих воспоминаниях даже назвал эти пособия «бешкешом за требуемую службу государству»[1]. Еще одной особенностью выдачи некоторых дополнительных выплат, например, походных порционов, являлось то, что их начинали начислять со дня объявления мобилизации[2]. Это означало, что определенное время до непосредственного выступления на фронт офицеры получали деньги, по сути в них остро не нуждаясь и находясь дома или в расположении тыловой части.

При нехватке финансовых средств офицеры могли получать дополнительные деньги из России, например, от родственников. Многие, особенно молодые офицеры в невысоких званиях и, соответственно, с небольшими жалованьями, зачастую обеспечивались своими родителями. В Маньчжурии действовало несколько отделений Русско-Китайского банка. Они располагались в крупных городах: Харбине, Мукдене и Ляояне. После оставления русскими войсками Мукдена и Ляояна банковские конторы были переведены на север. Они осуществляли операции по отправлению денежных средств с помощью телеграфных переводов, а также по обмену русских рублей на китайскую валюту[3].

В то же время следует подчеркнуть, что китайские деньги мало использовались офицерами ввиду того, что, во-первых, китайцы охотно принимали русскую валюту, а во-вторых, их в обороте было недостаточно[4]. Тем не менее, они имели хождение среди офицеров, и расплачиваться ими

---

[1] Грулев М.В. Указ.соч. С.118.

[2] Нефортунатов Н.И. На войне и о войне. Мысли и впечатления (из дневника участника русско-японской войны 1904-1905 гг). СПб., 1913. С.58.

[3] Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.280-281.

[4] Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905 гг. С.20.

было выгоднее из-за особенностей местного курса валют[1]. Разменной монетой являлся тун-цян или чох – плоский металлический кружок с квадратным отверстием посередине. 100 чохов составляли китайскую серебряную цину. Лан или таэль – основную монету, ходившую среди торговцев – составлял 10 цин или 1000 чохов[2]. Для крупных денежных операций или дорогостоящих покупок использовались небольшие серебряные слитки – ямбы[3]. Русские же деньги – золотые и серебряные рубли – пользовались большим спросом, но из-за «пресыщения рынка» их цена падала, вызывая рост цен. Наравне с монетами из благородных металлов в обороте находились и русские бумажные деньги. Несмотря на их малую собственную ценность, в отличие от, например, полновесного царского золотого червонца, китайцы принимали их с охотой. Одной из причин было то, что хунхузы, грабя местное население и забирая деньги, оставляли ассигнации, которые в их глазах никакой цены не имели[4].

Современниками отмечалась крайняя дороговизна товаров непосредственно на театре боевых действий, вызванная как большим спросом на них, так и значительными финансовыми средствами, вложенными в эту войну, включая выплаты офицерам и суммы, ассигнованные на закупку продовольствия, одежды и снаряжения в самой Маньчжурии. При этом наблюдался постепенный рост цен практически на все виды товаров[5].

Приведем для сравнения несколько цифр. В Ляояне и Мукдене проезд на рикше стоил 1 рубль, тогда как в Европейской части России извозчик в среднем брал около 20 копеек за поездку. Бутылку кваса в Ляояне можно

---

[1] Энпе [б.и.]. От Гунжулина до позиций // Офицерская жизнь. Варшава, 1906. №18. С.272.

[2] Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.282

[3] Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905 гг. С.20.

[4] Немирович-Данченко В.И. Указ.соч. С.75.

[5] Гусев С.Я. Указ.соч. С.46-47.

было купить за 80 копеек, в России – за 10 копеек. Коробка сливочного масла стоила 3-4 рубля. Цыпленок считался роскошью и стоил 2 рубля. В Москве на те же деньги можно было сходить в ресторан. Однако самым дорогим было шампанское – за бутылку в Ляояне просили 15 рублей, тогда как в России оно стоило около двух рублей[1]. Стоимость местного коньяка «мукденской фабрикации» составляла от 7 до 10 рублей[2], что в среднем в три раза дороже, чем стоили дешевые марки этого же напитка в России.

Сами рестораны были очень дорогими. Приведем выдержку из воспоминаний В.В.Оболенского, в которых он рассказывает о ценах в харбинском ресторане: «…у меня до сих пор хранится счет. Пришли мы вечером человек 5 поужинать… за водку без закуски 6 рублей; за закуску отдельно 10 рублей (весьма скромную); вместо дикой козы дали по кусочку вареного мяса с картофелиной и взяли по 2 рубля; порция мороженого – 1,5 рубля; вино по семи рублей бутылка, итого: с чаями мы заплатили 70 рублей; правда, недурная иллюстрация к харбинскому грабежу?»[3]. Для сравнения, обед в фешенебельном ресторане Петербурга стоил меньше 10 рублей[4] (с учетом алкоголя). Судя по описанию, которое приводит В.В.Оболенский, меню описанного им мукденского ресторана скорее соответствовало петербургской столовой, нежели ресторану. Цена обеда в столовой была 15-20 копеек[5] без алкоголя. С одной стороны, мы не можем не отметить такую огромную разницу в ценах на фронте в Маньчжурии и в столичных ресторанах, с другой – несмотря на многочисленные свидетельства дороговизны различных предприятий питания на театре военных действий, мы можем предположить, что в некоторой степени такая цена была

[1]Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.280.

[2]Грулев М.В. Указ.соч. С.339.

[3]Гусев С.Я Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911. С.68.

[4]Засосов Д.А. Указ.соч. С.146.

[5]Там же. С.149.

оправдана: нужно учесть сложности с доставкой продуктов. Организация работы заведения в прифронтовом районе также требовала значительных финансовых вложений.

§ 3. Медицинское обеспечение

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса, связанного с медицинской составляющей военной повседневности. Любой вооруженный конфликт предполагает, что истребление противника - это один из главных способов достичь победы. Чем больше будет потерь у врага, тем легче будет достичь победы. Это аксиома любого вооруженного конфликта. В изучаемый период прогресс инструментов убийства человека опережал концепцию ведения боевых действий и модели поведения людей на войне. Иными словами, и русская, и японская тактика не были готовы к тому, что, например, стрелковое оружие стреляет точнее и дальше, чем раньше, артиллерия накрывает значительные площади гораздо более мощными снарядами и т.д. В ходе войны обе стороны приспосабливались к текущим условиям, старались уменьшить потери, но тем не менее они были весьма значительны. Особенно велика была убыль в командном составе: в первую очередь стрелки старались выбить из строя командиров противника. Именно этим объясняются те очень значительные потери, который понес офицерский состав в годы войны.

Кроме боевых потерь непосредственно в ходе столкновений необходимо выделить небоевые потери: травмы, болезни и т.д[1]. Для нашего исследования значительный интерес представляют именно такой вид «убыли» войск, поскольку именно они происходят вне сражений между воюющими сторонами и дают представления о качестве медицинского обслуживания, эпидемиологического состояния, качества воды и пищи и бытовых условий в целом. Но прежде чем рассматривать этот вопрос подробнее, необходимо остановиться на структуре военно-медицинских учреждений и этапах прохождения по ней больных и раненых офицеров.

[1]Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С.16.

В начале войны Военное министерство выделило санитарную часть в самостоятельный отдел полевого управления армии[1], во главе которого поставило строевого генерал-лейтенанта Ф.Ф.Трепова. В его составе находилось три отделения (части): медицинская, госпитальная, и эвакуационная[2]. В непосредственном подчинении начальника санитарной части армии находились: полевой военно-медицинский инспектор, полевой инспектор госпиталей (который был военным, а не врачом) и главноуполномоченный российского общества Красного Креста, каждый со своим управлением[3]. Сам же начальник санитарной части подчинялся непосредственно командующему армией. В ходе войны, когда существующая система управления военно-медицинскими учреждениями показала свою неэффективность из-за очень скромного штата работников, то военно-медицинский аппарат пришлось расширить: создать главную эвакуационную комиссию и санитарно-статистическое бюро, а также учредить дополнительные должности в уже существующих отделах санитарной части[4].

Подчинение врачей военным чиновникам не устраивало многих служащих госпиталей. Например, известный хирург Е.В.Павлов так писал об этом: «Управление санитарной частью…производит такое впечатление, что лица собственно врачебного персонала находятся все в подчинении у военачальников и не пользуются никакими правами»[5]. О том же пишет в своем труде И.Табурно: «Более других заслуживает упрёка военно-медицинская организация, главным образом, её распорядительная часть. В

---

[1] Приказ по военному ведомству №794 // Иллюстрированная летопись Русско-японской войны 1904-1905гг. Вып.2. С.10.

[2] Будко А.А. Селиванов Е.Ф. Указ.соч. С.57.

[3] Приказ по военному ведомству №794 // Иллюстрированная летопись Русско-японской войны 1904-1905гг. Вып.2. С.11.

[4] Будко А.А. Селиванов Е.Ф. Указ.соч. С.57.

[5] Павлов Е.В. На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. СПб, 1907. С.131.

Мукдене, Телине, Харбине и других станциях – всюду можно было встретить много докторов, томящихся без дела. Они хотели работать, но никак не могли получить назначения. Бывали, например, такие случаи: медицинское начальство направляло большую партию врачей из Харбина в Мукден; в Мукдене местные медицинские власти не принимают их и отправляют обратно в Харбин[1]». Врачам редко удавалось находить общий язык с начальством, состоящим из кадровых офицеров, которые не могли знать, что необходимо раненым. В качестве примера можно привезти такой эпизод эвакуации раненых: «…то и дело в бараки приходили телеграммы от военно-медицинского начальства: немедленно эвакуировать четыреста человек, немедленно эвакуировать семьсот человек. Охваченное каким-то непонятным, безумным бредом, начальство думало только об одном: поскорее забросить раненых как можно дальше от позиций. Бой на Шахе не кончился отступлением армий, — все равно! … и вот тяжко раненных, которым нужнее всего был покой, целыми днями нагружали, выгружали, таскали с места на место, трясли и перетряхивали в двуколках и теплушках»[2].Тем не менее, такое подчинение санитарной части командованию армии было во многом оправдано – оно облегчало как принятие решений, касающихся различных сторон медико-санитарного дела, так и оперативное взаимодействие санитарной части и штаба.

В целях улучшения санитарной обстановки в районе военных действий были учреждены санитарные и дезинфекционные отряды[3]. На первых лежала обязанность санитарного исследования районов расположения армии, вторые же являлись исполнительными органами в тех случаях, когда надо было обеззараживать жилища и вещи инфекционных больных. Эти отряды были снабжены большими запасами дезинфекционных средств, такими как

---

[1] Табурно И. Правда о войне. СПб., 1905. С.117.

[2]Вересаев В. В. Указ.соч. С. 356.

[3] Ухач-Огорович Н.А. Отчет по хозяйственной части управления транспортов Штаба Главнокомандующего. Т.2. СПб., 1906. С. 17.

перекись марганца, карболовая кислота, хлорная известь, формалин, сулема[1], и специальными устройствами, например, дезинфекционными камерами – «аппаратами Рапчевского»[2].

На позициях, а также в тылу армии были созданы специальные походные химико-бактериологические лаборатории. В их компетенции находились вопросы, связанные с гигиеной на позициях, выяснение этиологии, т.е. причин и условий возникновения болезней, принятие мер против возникновения эпидемий, надзор над военными частями в случаях появления инфекционных заболеваний[3].

В начале марта 1904 г. при Главном штабе был создан Особый отдел, на который возлагалась обязанность сбора сведений об убитых, раненых и пропавших без вести[4]. Сведения об офицерах и генералах публиковались в газетах и журналах, причем не только центральных, но и местных.

Нельзя не упомянуть о том факте, что в марте 1904 г. был учрежден ветеринарный отдел в составе полевого военно-медицинского управления маньчжурской армии[5]. Это было сделано в связи с невозможностью своевременно восполнять потери в конском составе, каждая лошадь становилась особенно ценной. Медицинская помощь конскому составу за время войны сыграла значительную роль в сохранении мобильности кавалерийских частей, обоза и чинов армии, которым по штату было положено иметь лошадь.

Теперь обратимся к системе госпиталей, непосредственно принимавших раненых и больных офицеров. Согласно действующим тогда положениям, сеть медицинских учреждений в действующей армии состояла из нескольких сегментов. С поля боя раненые сначала доставлялись на передовой или

---

[1] Гигиенические отряды на театре военных действий. Харьков, 1904. С.8, 16.

[2] Кияницын И.И. Указ.соч. С.76.

[3] Там же. С.77.

[4] РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.65343. Ч.1. Л. (без номера)

[5] Приказ по Военному ведомству №141 за 1904 год // Разведчик. 1904. №704. С.386.

полковой перевязочный пункт, располагавшийся, в зависимости от обстановки, в 0,5-1,5 версты от линии огня. Для выноса раненых каждый пехотный полк располагал 128 носильщиками и 32 носилками[1]. Этих сил и средств всегда не хватало. Кроме того, вынос раненых официально считался возможным только во время боевых пауз, а также при наступлении темноты и в тумане. Эта установка не всегда соблюдалась, в результате носильщики зачастую работали под огнем и несли большие потери[2]. Строевые нижние чины также выносили раненых на себе, помогая носильщикам, но эти действия имели и другую сторону: многие солдаты, отнеся раненого на перевязочный пункт, не возвращались в строй, предпочитая оставаться в тылу до окончания боя. В связи с этим по армии был выпущено распоряжение: «Вынос раненых разрешается производить исключительно только 128 санитарам на полк. Кроме этих санитаров отлучаться из строя под предлогом выноса раненых безусловно никому не разрешается под ответственностью начальствующих лиц»[3]. На перевязочном пункте медицинский персонал (как правило это были полковые фельдшеры) оказывал раненому первую помощь и отравлял дальше от места сражения.

На расстоянии 4-6 вёрст от линии огня устраивались главные перевязочные пункты, роль которых во время больших боёв исполняли дивизионные лазареты. Отсюда раненные направлялись уже в полевые подвижные госпитали, а чаще – непосредственно в санитарные поезда для дальнейшего следования в тыл армии. Объём медицинской помощи на передовых перевязочных пунктах был достаточно ограничен: раненому делали перевязку, накладывали транспортные шины и производили неотложные, но несложные операции. Кроме того, раненые здесь регистрировались и получали кратковременный отдых и питание. Нередко этот краткий перечень медицинских услуг полностью не выполнялся. Не всегда даже удавалось

[1] Мартынов Е.И. Указ.соч. С.133.

[2] Будко А.А., Селиванов Е.Ф. Указ.соч. С.59.

[3] Мартынов Е.И. Указ.соч. С.134.

установить личность тяжелораненого, находившегося в бессознательном состоянии[1]. Что касается сложных операций, то выполнение их осуществлялось лишь на главных перевязочных пунктах, которые, как правило, располагались вне сферы артиллерийского огня и имели транспортные средства, позволявшие доставлять раненных с передовых перевязочных пунктов.

Объём медицинской помощи на главном перевязочном пункте также был невелик. Основная нагрузка по стационарному лечению и обслуживанию раненых и больных ложилась на персонал различных тыловых госпиталей, значительное число которых располагалось, как правило, по линиям железных и грунтовых дорог, позволявших осуществлять эвакуацию. Временное переполнение полевых подвижных госпиталей наблюдалось лишь после крупных сражений. Следует подчеркнуть, что оснащение и содержание госпиталей в общем вполне отвечали санитарным требованиям, что было заслугой не только их главных врачей, но и командования. Например, был известен характерный приказ генерал-лейтенанта И.П.Надарова: «Прошу генерал-лейтенанта Куколя к врачебным заведениям предъявлять следующие мои два основных требования: 1) чтобы помещения госпиталей содержались чище, чем моя квартира; 2) чтобы госпитальное бельё стиралось и содержалось чище того белья, которое у меня»[2].

На передовые перевязочные пункты доставляли всех раненых, без различия в их званиях. По прибытии на главный перевязочный пункт, офицеров помещали отдельно. Такая же схема была и в тыловых медицинских учреждениях: существовали офицерские корпуса, куда был запрещен доступ рядовым, и даже отдельные больницы[3].

В ходе войны была осуществлена профильная специализация госпиталей. В Харбине возникли самостоятельные сводные госпитали для

---

[1] Будко А.А. Селиванов Е.Ф. Указ.соч. С.59.

[2] Там же. С.60.

[3]Гейнце. Н.Э. Указ.соч. С.228.

офтальмологических, отоларингологических и венерических больных. Создавались специальные госпитали для инфекционных больных в Мукдене, Гунжунлине, Харбине и Фуляэрди[1]. В декабре 1904 г. был открыт психиатрический госпиталь в Харбине и 2 эвакуационных лазарета в самом глубоком тылу - в Чите и Иркутске[2]. Интересно описание офицерских бараков Харбинских госпиталей, данное военным корреспондентом Н.Э.Гейнце: «Каждый барак – длинное каменное или деревянное здание, разделенное на две палаты, по 50 кроватей в каждом, в середине помещается перевязочная и операционная комната и комната для сестер милосердия…. В каждом бараке есть маленькая библиотека… Офицерский барак… помещается в бывших офицерских квартирах, что придает ему более семейную и уютную обстановку»[3]. Офицерские отделения при каждом госпитале были невелики, первоначально всего 10 офицерских мест на 200 рядовых, но из-за большого количества больных и раненых командных чинов отделения были постепенно увеличены[4].

Ассортимент медицинского имущества, которое заготовлялось и высылалось в действующую армию, был чрезвычайно широк. Сюда входили лекарства, сыворотки, перевязочные и дезинфекционные средства, приспособления для очистки питьевой воды, хирургические инструменты, ледоделательные машины и т.д. Следует отметить, что снабжение войск и лечебных учреждений выполнялось в должный срок, и лишь в некоторых случаях имелись задержки при доставке. Все это происходило несмотря на большие партии медицинского имущества, отправляемого на Дальний Восток и на определенные трудности в работе завода военно-врачебных заготовлений в Петербурге и аптек, возникшие в результате забастовок рабочих и железнодорожников. Не возникало больших проблем и при заготовке

[1] Кияницын И.И. Указ.соч. С.77.

[2]Разведчик. 1904. №719. С.805.

[3] Гейнце Н.Э. Указ.соч. С. 224, 228.

[4]Павлов Е.В. Указ.соч. С.86.

медицинского имущества для войск Дальнего Востока, хотя доставка его к месту назначения отнимала много времени[1]. Однако доктора жаловались на нехватку некоторых видов сложного оборудования, например, рентгеновских аппаратов. К середине лета 1904 г. в Харбине был только один рентгеноскоп[2]. Также, по мнению врачей, ассортимент лекарств, доставлявшихся в госпитали, был недостаточен[3].

Военно-медицинское управление снабжало своих врачей специальной военно-полевой сумкой, которая должна была носиться через плечо. В нее укладывался ряд медикаментов и инструментов для осуществления первой помощи и даже несложных операций. В сумке врач обязан был носить антисептические перевязочные пакеты, необходимые хирургические инструменты, стеклянные склянки для различных нужд, шприц, набор лекарств для подкожных инъекций, а также резиновый эластичный бинт и письменные принадлежности[4]. Практически сразу после начала войны Военным ведомством был выпущен приказ, по которому все офицеры армии и строевые нижние чины должны были носить с собой индивидуальные перевязочные пакеты[5]. В данном приказе речь идет об антисептических перевязочных пакетах для остановки кровотечения путем наложения давящей повязки.

На театре военных действий находились учреждения Российского Общества Красного Креста (РОКК), летучие отряды которого выполняли задачи первой помощи раненым. Эти учреждения в основном организовывались и финансировались частными лицами, а не государством.

---

[1] Деревянко И.В. Указ.соч. С.151.

[2] Гейнце Н.Э. Указ.соч. С. 227.

[3] Хейсин М.Л. Бытовые стороны военной медицины в русско-японскую войну // Мир Божий. 1906. №6. С.2-3.

[4] Разведчик. 1904. №694. С.133.

[5] Приказ по Военному ведомству №76. 1904 // Алфавитный указатель приказов по Военному Ведомству и Циркуляров Главного Штаба за 1904г. СПб. 1904. С.75.

Вскоре после начала конфликта на Дальний Восток был отправлен первый отряд братьев милосердия во имя Христа, инициатором которого выступила княгиня М.А.Лобанова-Ростовская. Во главе отряда были поставлены профессор А.Н.Соловьев и доктор П.Я.Макаровский, в его состав вошли 2 иеромонаха, 30 братьев милосердия из числа добровольцев, получивших специальную подготовку, и 10 санитаров. В распоряжении отряда находились походные церкви, походные кухни, носилки, комплекты перевязочных средств[1]. Похожим образом был укомплектован и лазарет Иваново-Вознесенского местного комитета российского общества Красного Креста[2]. Из описания оборудования, которым были обеспечены такие отряды, ясно, что они были рассчитаны только на оказание первой медицинской помощи. По поводу летучих отрядов следует отметить тот факт, что во время боёв им приходилось самим выбирать места деятельности и располагаться там, где, по их мнению, больше будет нужна помощь[3]. Военно-медицинское управление армии не регулировало эти вопросы.

Кроме летучих отрядов Красного Креста, на фронте действовало несколько отрядов дворянских обществ и земств, но к ним, как и к тыловым госпиталям Красного Креста, были претензии по поводу того, что они в погоне за «статистическим успехом[4]» недостаточно хорошо оказывали медицинскую помощь. С другой стороны, по свидетельству самих врачей вследствие хорошего финансирования частные госпитали были лучше оснащены и располагались в лучших зданиях. Медико-санитарный персонал Красного Креста оплачивался лучше, чем в военных госпиталях, что и привлекало туда людей[5]. Большое количество мобильных медицинских

---

[1] Разведчик. 1905. №749. С.176.

[2] Подвижной лазарет на 50 кроватей Иваново-Вознесенского местного комитета Красного Креста, отправленный на Дальний Восток 31.03.1904. Иваново-Вознесенск, 1904. С.1-2.

[3] Мартынов Е.И. Указ.соч. С.120.

[4] Гейнце Н.Э. Указ.соч. С. 229.

[5] Павлов Е.В. Указ.соч. С.132.

отрядов и тыловых госпиталей РОКК обеспечило дополнительную поддержку врачам сводных военных госпиталей и армейских перевязочных пунктов в деле помощи больным и раненым.

Как уже было сказано выше, больные и раненые офицеры перевозились в тыл на гужевом транспорте. Количество специально подготовленных повозок для транспортировки тяжелораненых больных было крайне мало. В итоге обязанность по перемещению офицеров была возложена на арбяные и двуколочные транспорты интендантства, совсем для этого не приспособленные[1]. В итоге тем, кому требовалась помощь, зачастую предпочитали проходить довольно большие расстояния пешком, нежели трястись в «зубодробилках», как называли медицинские двуколки и лазаретные линейки в войсках[2]. У них не было ни рессор, ни специальных подвесных систем для перевозки раненых[3]. Барон Э. фон Теттау был свидетелем того, как в Мукден после сражения у Сандепу пришел транспорт с ранеными офицерами: «…в том числе 5 офицеров были помещены в лифляндском госпитале. Состояние ран этих несчастных было ужасное; ведь этих раненых пришлось тащить целую неделю с первой перевязкой при морозе в двуколках, безо всякого ухода»[4].

После того, как раненые и больные доставлялись к железной дороге в мобильные госпитали, происходила сортировка их по степени тяжести болезни или ранения. Легких, которые могли выздороветь в один-два дня, оставляли, а остальных эвакуировали на санитарные поезда со специальными билетиками, на котором писали имя, звание больного, диагноз. Правда, один из врачей писал по поводу подобной «сортировки»: «Начальство терпеть не может, когда врачи ставят диагноз «легкомысленно». Имейте в виду, что

---

[1]Виолин А.Я. Эвакуация больных и раненых с передовых позиций // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906. №2. С.305.

[2] Гусев С.Я. Указ.соч. С.73.

[3] Незнамов А. Указ.соч. С. 102.

[4] Сказания иностранцев о русской армии. С.182.

«санитарное состояние армии великолепно», что дизентерии у нас совсем нет, а есть «энтероколит», брюшной тиф возможен, как исключение, а вообще всё - «инфлуэнца». Вначале совестно было перед врачами санитарных поездов; ну, потом мы им объяснили, чтобы они всерьез наших диагнозов не принимали…»[1].

Во всех санитарных поездах при сортировке раненых по степени тяжести ранения или заболевания и даже по их видам, офицеры всегда помещались в отдельный вагон. Он был оборудован специально для них и, как правило, имел 18 офицерских мест при общей вместимости поезда в 300 человек[2].

К середине 1904 года на Дальнем Востоке действовало 17 специально оборудованных военно-санитарных поездов. К концу войны их число было увеличено до 34[3]. Часть из них была оборудована на средства частных лиц и учреждений. К таким «частникам», например, относились 2 поезда Государыни Императрицы, а также составы Наследника Цесаревича, Великой Княгини Марии Павловны, Ее Императорского Высочества Принцессы Ольденбургской, княгини Юсуповой[4]. Специально оборудованные поезда иногда даже имели операционные, где проводились достаточно сложные операции по ампутации конечностей и извлечение пуль из жизненно-важных органов.

Кроме них в районе боевых действий курсировали временные «теплушечные» поезда двух типов: обыкновенные и оборудованные. В отличие от обыкновенных, в специально оборудованных был устроен прямой проход через вагоны во время движения поезда. С этой целью были проделаны двери на соприкасающихся концах товарных вагонов. Больные и

---

[1]Вересаев В. В. Указ.соч. С. 323.

[2]Павлов Е.В. Указ.соч. С.54.

[3]Потираловский П.П. Эвакуация в современную войну // Военно-медицинский журнал. 1908. №4. С.704.

[4] Павлов Е.В. Указ.соч. С.46.

раненные в таких проходных вагонах размещались на нарах и на специальных койках в два яруса по боковым стенам вагона[1]. Главное неудобство этого поезда – присущая этим товарным вагонам из-за отсутствия рессор тряска, которая причиняла значительные страдания тяжелораненым. Из-за этого перевозка в товарных (теплушечных) вагонах предполагалась лишь на более или менее короткое расстояние. Для сопровождающего поезд персонала прибавлялись обыкновенно классные вагоны. Перевязочные также устраивались в отдельных вагонах. Обыкновенные же теплушечные поезда состояли из товарных вагонов без прямого сообщения между ними. Они были снабжены бельём, отдельной кухней, перевязочной, отчасти имелись и места для людей с тяжёлыми случаями ранений и болезней[2].

Число таких поездов было непостоянным и зависело от интенсивности боевых действий. Они отличались от специальных военно-санитарных поездов[3]по медицинскому оснащению и организации обслуживания в худшую сторону[4], поскольку создавались без надлежащей подготовки и наскоро. Военное ведомство было вынуждено прибегать к подобным мерам из-за неготовности к перевозке большого количества больных и раненых.

По этому поводу в своих воспоминаниях В.В.Вересаев оставил такую запись: «Подходил поезд, сверкавший царским великолепием. Длинные белые вагоны, зеркальные стекла; внутри весело, чисто и уютно; раненые, в белоснежном белье, лежат на мягких пружинных матрацах; везде сестры, врачи; в отдельных вагонах — операционная, кухня, прачечная... Отходил этот поезд, бесшумно качаясь на мягких рессорах, — и ему на смену с неуклюжим грохотом становился другой, сплошь состоявший из простых товарных

---

[1] Подвязкин И.Х. Как я ездил в Маньчжурию: записки санитара Воронежского отряда Красного Креста. Воронеж, 1912. С.27.

[2]Павлов Е.В. Указ.соч. С.47.

[3] Писанецкий А.И. На войне. Очерки, письма и заметки военного корреспондента. Полтава, 1909. С.169.

[4] Будко А.А. Селиванов Е.Ф. Указ.соч. С.61.

вагонов. Откатывались двери, раненых с трудом втаскивали в высокие, без всяких лестничек, вагоны и клали на пол, только что очищенный от навоза. Не было печей, не было отхожих мест; в вагонах стояли холод и вонь. Тяжелые больные ходили под себя; те, кто мог, вылезал из вагона и ковылял к отхожему месту станции»[1].

При этом ни сами офицеры, ни врачи, ни управление санитарной части не высказывали претензий по поводу задержек или перебоев с перевозками, такое явление наблюдалось лишь в начале войны. Необходимый транспорт был почти всегда, пусть мало приспособленный и неудобный, но тыловые службы совместно с санитарным управлением армии сделали все возможное, чтобы госпитализировать раненых и больных вовремя.

Многие офицеры через систему военно-медицинских учреждений пользовались возможностью оставить линию фронта на какое-то время, а то и вовсе покинуть театр боевых действий. Чтобы сдержать поток офицеров, стремящихся в тыл, командующие войсками издавали приказы и распоряжения, разъясняющие порядок эвакуации офицеров с фронта[2]. Офицерские чины подлежали дальнейшей эвакуации в Россию лишь в случае серьезного заболевания и ранений преимущественно на санитарных поездах[3]. Если офицер нуждался в продолжительном отдыхе для восстановления сил, он должен был просить на общем основании об отпуске по болезни, который было крайне сложно получить во время войны. Необходимо было подать рапорт на имя главного врача того госпиталя, где находился раненый или больной. Далее главврач переправлял собранные рапорты в штаб тыла Маньчжурских армий с просьбой о назначении комиссии для освидетельствования состояния здоровья офицеров, написавших прошения. На основании решения комиссии офицеры оставались на долечивание на театре военных действий или отправлялись в Россию. Иногда, как например в

[1]Вересаев В. В. Указ.соч. С.351.

[2] Разведчик, 1905. №754. С.277.

[3] Разведчик, 1905. №741. С.11.

случае с полковником Генерального штаба С.П.Ванновским[1], сыном бывшего военного министра П.С.Ванновского, рапорт подавался напрямую в штаб тыла армии, минуя главврача госпиталя. Мы можем предположить, что подобная практика была возможна лишь для высоких чинов армии, поскольку, судя по обнаруженным нами документам, содержащим такие прошения, напрямую в Штаб обращались лишь чины, начиная с подполковника.

Среди офицеров были и симулянты. А.Квитка описывал случай, когда к санитарному поезду прибыл молодой офицер с обвязанной тряпкой головой и не позволял сестре милосердия делать ему перевязку до отхода поезда. Позже он снял повязку сам, под которой «не было даже царапины»[2].Или другой случай: «При отступлении в свободный вагон-теплушку набились раненые офицеры… Вдруг многие из «раненых» скинули с себя повязки, вылезли из вагона и спокойно разошлись в разные стороны. Повязки были наложены на здоровое тело!.. Один подполковник, с густо забинтованным глазом, сообщил доктору, что он ранен снарядом в роговую оболочку. Доктор снял повязку, ожидая увидеть огромную рану. Глаз совсем здоровый.

— Куда же вы ранены?

— Я не ранен, а этого... Как это называется? Близко, знаете, пролетел снаряд… Контузия... Я контужен в роговую оболочку»[3].

В армии сложили песенку про «героев мирного времени», как симулянтов называли в войсках:

«Пришел приказ идти вперед,
В госпиталя валит народ, —
Вот так кампания!
Вот так кампания!..
Шимоза мимо пролетела,
Меня нисколько не задела,

[1]РГВИА. Ф.14389. Оп.1.Д.13.Л.39.

[2] Квитка А. Указ.соч. С.27.

[3] Вересаев В. В. Указ.соч. С. 490.

Но я контужен!

Но я контужен!

Свидетельство я получу

И вмиг на север укачу.

Ведь юг так вреден!

Ведь юг так вреден!..»[1].

Для сравнения остановимся на системе полевых медицинских учреждений японских войск. Из боя раненых выносили специальные носильщики, которые доставляли их на перевязочные пункты, расположенные очень близко к линии фронта – в пределах дальности ружейного огня[2]. Там им оказывали первичную помощь и отправляли через носильщиков на полковой или дивизионный перевязочный пункт, также расположенный недалеко от места боя, как правило, вместе с обозом или резервами[3]. Дальнейшая доставка в лечебные заведения или на станцию железной дороги возлагалась на наемных китайских кули, т.е. носильщиков. Такое распределение обязанностей давало возможность носильщикам-японцам быстро возвращаться на поле боя для дальнейшей помощи раненым[4]. На железнодорожной станции раненых грузили в вагоны и увозили в тыл.

Системы военно-полевых медицинских учреждений воюющих сторон оказались во многом похожи: первую помощь раненым оказывали

---

[1] Вересаев В. В. Указ.соч. М., 1986. С. 412.

[2] Габерман Г.Э. 5-я японская дивизия под Мукденом. Из дневника австрийского военного агента ротмистра Эрвина Франца // Война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.22. Ч.2. СПб., 1909. С.32.

[3]Романовский Ю. Японская армия. Справочник современного устройства японских вооруженных сил. СПб., 1910. С.43.

[4] Шеллендорф фон Б. Из записок очевидца Мукденских боёв майора германской службы // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.5. СПб., 1906. С.13.

непосредственно рядом с полем боя, а затем переправляли в тыл к железнодорожной станции. Подобная модель была обусловлена самим театром войны, на котором армии оказались сильно зависимы от железной дороги. Различие было в доставке раненых на перевязочные пункты вдали от места боестолкновений: русские использовали гужевой транспорт, я японцы – наемных китайских носильщиков.

Поля сражений очень быстро очищались от раненых и убитых как русскими, так и японцами. При этом существовала негласная договоренность, чтобы не мешать командам, отряженным на уборку трупов, например, в битве на р.Шахэ. Иногда такая договоренность все же нарушалась. Русские убитых хоронили, хотя во время отступления, когда не хватало времени, рядом с мертвыми солдатами и офицерами ставили кресты с написанными на них именами[1].Японцы сжигали своих убитых и умерших на больших кострах, по 20-30 человек[2]. Благодаря этому солдаты обеих армий избежали эпидемий, связанных с распространением трупных инфекций[3].

В нашем исследовании мы будем основываться на статистических данных потерь, приведенных Н.Козловским на основании данных особого отдела при Главном Штабе[4]. Всего количество офицеров, находившихся на Дальнем Востоке в период боевых действий достигало 23 тысяч человек[5].

Таблица 5.

Потери офицерского корпуса русской армии в войне 1904-1905гг[6]

---

[1] Барцини А. Японцы под Мукденом // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.10. СПб., 1908. С.74-75.

[2] Габерман Г.Э. Указ.соч. С.39.

[3]Иммануэль Ф. Поучения, извлеченные из опыта русско-японской войны майором германской службы Иммануэлем // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.1. СПб., 1906. С.121.

[4]См.: Козловский Н. Указ.соч.

[5]Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. Т.3. М.,1994. С.103.

[6] Сост. по: Козловский Н. Указ.соч. С.3-4, 15-18.

	Количество
Убито	841
Ранено и контужено	4445
Вернулось в строй после ран и контузий	2817
Заболело (стационарные больные)	11788
Умерло от болезней (в т.ч. стационарные больные и эвакуированные)	292[1]
Вернулось в строй после болезни	8174

Из таблицы видно, что убитых и умерших от ран и болезней всего около 5% от общего числа офицеров, однако более 70% от общего контингента были ранены или были госпитализированы с различными заболеваниями. Данная таблица свидетельствует о том, что, как и в предыдущих войнах, процент небоевых потерь превалирует над боевыми.

Что касается боевых ранений, то они распределяются в следующем порядке[2]: ранения в конечности (около 58%), ранения в голову и шею (около 23%), ранения в тело (около 19%). Огнестрельные ранения превалируют почти вдвое над повреждениями холодным оружием и от огня артиллерии[3]. Этот факт объясняется тем, что при ранении холодным оружием офицеры как правило оставались на поле боя, т.к. носильщики не имели возможности пробираться непосредственно в гущу боя, и, если оно оставалось за неприятелем, раненые регистрировались как пропавшие без вести[4]. К тому же результативность огня из современных видов оружия против устаревших приемов маневрирования в ходе боестолкновений, например, передвижение в сомкнутых колоннах в радиусе действия вражеской артиллерии, была крайне велика.

[1]Включая 49 самоубийств.

[2]Козловский Н. Указ.соч.. С. 18.

[3]Барцини Л. Указ.соч. С.76.

[4] Козловский Н. Указ.соч. С.18.

Самый высокий процент смертности наблюдался в различного рода нестроевых командах, что было связано с их более слабым здоровьем, а также с отсутствием врачебно-санитарного надзора, по сравнению с другими частями армии[1]. По группам болезней относительная заболеваемость и смертность офицеров распределяется в следующем порядке: инфекционные болезни (в порядке убывания: грипп, тиф, дизентерия, сибирская язва, оспа[2]), наружные болезни (фурункулез и др.), венерические болезни, в основном, сифилис, острые заболевания органов дыхания (туберкулез и пневмония), несчастные случаи, глазные болезни, гипотермия, т.е. переохлаждение[3].

Отдельно стоит отметить такое распространенное заболевание как «маньчжурка». Многие чины армии страдали от нее в различных частях театра боевых действий на различных этапах войны, в армии считали, что это какая-то болезнь, присущая только этой местности, отсюда и такое название. Врачи же на основе наблюдений пришли к выводу, что это не какое-то определенное заболевание, а уже известные болезни с необычными для них симптомами, вызванными своеобразием театра войны и сопровождающиеся лихорадкой[4].

Также необходимо коснуться психических заболеваний. Офицеры подвергались постоянному стрессу, что безусловно сказывалось на их психике. В годы русско-японской войны действовал специальный психиатрический госпиталь, расположенный в Харбине, который принимал душевнобольных. Врачи этого госпиталя за время его работы зарегистрировали 26 различных заболеваний, среди которых преобладали психозы[5], которые условно можно разделить на две большие группы: связанные с большим нервным напряжением (неврастенические,

---

[1] Менье Р. Указ.соч. С. 72.

[2] Козловский Н. Указ.соч. С.10.

[3] Менье Р. Указ.соч. С. 75.

[4]Крейндель И.С. Преобладающие амбулаторные болезни в Маньчжурской армии во время русско-японской войны 1904-1905гг. // Военно-медицинский журнал. 1906. №2. С.333.

[5] Автократов П. Указ.соч. С.18.

истерические, дегенеративные) и с интоксикацией, а также общим ослаблением организма (помешательства, психозы алкогольные и после отравления).

Воюющим сторонам удалось избегнуть повальных болезней и связанных с ними смертей. Соотношение убитых и умерших в результате болезней было следующим: в русско-турецкую войну 1877-1878 годов – 1 к 3,9, а в русско-японскую – 1 к 0,75 (у японцев это соотношение было выше – 1 к 1,2) – что говорит об успехах в деле сохранения войск. Это стало возможно благодаря лучшей, по сравнению с войной 1877-1878 гг., организации снабжения одеждой и продовольствием, удовлетворительному расквартированию войск, профилактике эпидемий с помощью таких мероприятий как дезинфекция жилых помещений, питьевых источников, профилактика эпидемиологических заболеваний, оперативное реагирование на все вспышки инфекций на позициях, быстрая уборка трупов с полей сражений[1].

[1]Менье. Р. Указ.соч. С.116.

* * *

Повседневная жизнь офицерского корпуса формировалась прежде всего внешними факторами, основным из которых был географический, оказывавшими непосредственное влияние на быт войск. Прежде всего речь идет об удаленности театра боевых действий от основных экономических центров страны, откуда в армию направлялось практически все необходимое. На это обстоятельство накладывались транспортные проблемы, состоявшие в недостаточной для снабжения и усиления Маньчжурской армии пропускной способностью Транссибирской магистрали. Все это приводило к значительным задержкам доставки в Северо-Восточный Китай не только необходимых армии снаряжения и боеприпасов, но и различных товаров для офицеров, что значительно осложняло их жизнь на позициях.

Важным фактором быта войск стал климат театра боевых действий. Он сильно отличался от погоды, температурного режима, смены времен года в России. Офицеры попадали в непривычные климатические условия и были вынуждены приспосабливаться к ним. Важно отметить тот факт, что слабая осведомленность о Маньчжурии, прежде всего о ее климате, помноженная на фактор сложности доставки недостающих предметов обихода, создавали значительные проблемы при обустройстве быта офицера, зачастую не имевшего возможности быстро исправить ситуацию, докупив необходимые ему предметы.

Цены в прифронтовой полосе и в тылу были значительно выше тех, которые офицеры привыкли видеть в России, в связи с чем многими высказывалось недовольство этим обстоятельством. За ходовые товары, например, любые алкогольные напитки, торговцы просили в несколько раз больше, чем цена этого же товара в России.

При этом каждому офицеру, отправлявшемуся на войну, полагался усиленный оклад, который отличался от жалованья мирного времени на 20-40%, плюс несколько дополнительных, как единовременных, так и постоянных, выплат. В итоге офицеры получали значительно больше, чем

это было в мирное время. Подобный рост жалованья, с одной стороны, стимулировал увеличение цен в районе расположения армии, с другой – позволял покупать себе необходимые вещи даже по таким высоким ценам. Кроме того, получалось так, что увеличение материальных выплат компенсировалось их регулярными задержками.

Сложность и запутанность выдачи финансовых средств вынудила командование изменить порядок делопроизводства полевых казначейств, упростив и упорядочив выплату жалованья командным чинам, что значительно облегчило получение денег офицерами, особенно теми, кто по различным обстоятельствам оказывался на длительное время вдали от своей части.

В ходе войны удалось избежать эпидемий, а процент заболевших или умерших от ран, по сравнению с предыдущими войнами, был меньше. Косвенные потери, т.е. не в ходе боевых действий, русской армии были гораздо ниже, чем в японской. Это соотношение зависело от организации медицинской службы в прифронтовой полосе, позволявшей быстро эвакуировать раненых и заболевших в госпитали, а также не допускавшей возникновений очагов эпидемических заболеваний и распространения инфекции в войсках.

В целом, медицинская служба во время войны была организована на должном уровне, действовала она весьма эффективно, несмотря на некоторые сложности: недостаточное оборудование санитарной части и назначение руководителями медицинских учреждений военных, а не врачей. В целом смертность была гораздо ниже, чем в предыдущих войнах. Все это свидетельствует о том, что для офицеров были созданы благоприятные условия для выздоровления и возвращения в строй.

Глава 2. БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОФИЦЕРОВ

§ 1. Униформа, снаряжение, амуниция и вооружение офицеров

Прежде чем рассматривать вопросы, связанные с униформой и снаряжением офицерского корпуса Маньчжурской армии, разграничим термины униформы, снаряжения и амуниции. В понятие военной униформы входит военная одежда, одинаковая по стилю, покрою и использованным материалам для создания единообразного облика людей, связанных с армией. Понятия снаряжения и амуниции являются синонимами для обозначения совокупности вещей, находящихся на обмундировании и предназначенных для ношения предметов вооружения и иных вещей, входящих в довольствие солдата. До революции 1917 года в основном использовали термин амуниция, а в советский период и наше время – снаряжение. При этом необходимо отметить, что в последнее время эти термины немного изменили свое значение под влиянием западной военной традиции. Сейчас под термином амуниция часто подразумевают только ту часть снаряжения, которое служит для крепления и переноски предметов вооружения и боеприпасов, а совокупность униформы, амуниции и снаряжения – экипировкой.

Обратимся к тенденциям развития военной формы на рубеже XIX-XX веков. К концу XIX столетия в корне изменился характер войны: появились новые виды вооружений, значительно увеличилась их огневая мощь, произошла унификация огнестрельного оружия и боеприпасов, изменились принципы ведения боевых действий: линии фронта стали очень растянутыми, сражения более массовыми, многократно возросла роль своевременного снабжения армии. Все это привело к тому, что деление родов войск на многочисленные виды оружия со своей особой униформой и знаками различия стало не нужным. В России подобные изменения начали происходить еще в начале царствования Александра III. Армейские

гусарские и уланские полки были переименованы в драгунские (1882 г), а чуть раньше, по реформе 1881 года, вся кавалерия (кроме гвардии) и пехота, получила мундир единого образца. Также эта реформа значительно снизила различия во внешнем облике между рядовым и командным составом, поэтому форма офицеров во время русско-японской войны не очень сильно отличалась от формы нижних чинов. Большая часть элементов униформы сохранилась к началу русско-японской войны еще со времени царствования Александра III, начав меняться только с началом конфликта[1].

В 90-е гг. XIX века крупнейшие армии мира начали вводить униформу защитного цвета. Первой такой армией стала британская, одев свои колониальные войска в «хаки». Вскоре по названию этого английского красителя коричнево-желтого цвета стали называть любые ткани для обмундирования, окрашенные в защитный цвет. Армии ведущих держав выбирали свой основной оттенок, обычно получавший соответствующее название, например «Блюоризона» у Франции, «Фельд-грау» у Германии. В России подобный защитный цвет именовался «шанжан», а ткань получила название «материала зеленовато-серого цвета»[2]. Это нужно учитывать при употреблении универсального слова «хаки».

Каждый офицер имел две формы одежды: зимнюю и летнюю. Летняя состояла из шаровар, мундира или кителя, сапог и фуражки. Шаровары и мундир шились из наворсованного (с начесом) сукна темно-зеленого цвета. В документах специально указывалось, что одежда должна быть подогнана так, чтобы не сковывать движений[3]. Офицерский мундир и шаровары были того же образца и цвета, что и для рядовых, они отличались лишь тем, что на шаровары офицеров по бокам нашивались красные лампасы, у младших –

---

[1] Военная одежда русской армии. М., 1994. С.315.

[2]Голыженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет (1618-1918). Энциклопедия военного костюма. М., 2002. С.23.

[3] Приказ по Военному Ведомству 1892 г. № 305 // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1892 год. СПб., 1892. С.638.

узкие, у генералитета – широкие. На мундире положено было иметь жесткие погоны, которых не было у рядовых. Как правило, униформу заказывали точно по фигуре, в отличие от ростовых, т.е. размерных, солдатских шаровар, мундира и рубахи, которые выдавались при зачислении на службу. Некоторые офицеры носили не двубортные, а однобортные мундиры, это не запрещалось. На воротнике и обшлагах полагались золотые или серебряные петлицы, у генералов вместо петлиц были галуны, адъютантам были присвоены аксельбанты. Воротник, обшлага, борта и погоны обшивались шелковым «снуром» (шнуром).

Кроме мундира офицеры могли носить китель (его в войсках еще называли «мундир-рубаха»), но только в тех случаях, когда по распоряжению командования нижние чины надевали беленые полотняные гимнастические рубахи, например, во время жары. Во время войны, приспосабливаясь к жаркому маньчжурскому лету, все русские части перешли с мундиров на кители и рубахи. Позже за последними закрепилось широко известное название – гимнастерки. Китель шился из беленого полотна по форме классического гражданского сюртука, такой же длины, как и мундир, в документах этот китель часто именуют именно сюртуком[1], с косым воротом, небольшим стоячим воротником, застегивающимся на 2 пуговицы, и с 4 карманами: 2 на боках и 2 на груди, - туда клали необходимые предметы[2]: часы, записную книжку, компас, свисток и т.д. Такой китель был значительно дешевле мундира[3] и стоил не 10-15 рублей, а 3-4 рубля, и был гораздо удобнее в эксплуатации. Именно эти кители ошибочно принимаются за несуществовавший мундир белого цвета, который, по рассказам современников, рекомендовалось реже стирать, чтобы белый цвет не выделялся на фоне окружавшего ландшафта.

---

[1] Приказ по Военному ведомству 1883 г. № 66 // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1883 год. СПб., 1883 С.202.

[2] Незнамов А. Указ.соч. С.7.

[3] Разведчик. 1905. №781-782. С.784.

О белом кителе (равно как и о беленых рубахах нижних чинов) писали очень многие. Форменная одежда белого цвета оказалась совсем не пригодной в условиях маньчжурского театра боевых действий. Она была видна издалека и служила хорошей мишенью для вражеских стрелков, поэтому ее старались перекрашивать. Вот что пишет об этом граф А.А.Игнатьев: «Когда к отходящему на юг поезду я явился в белом кителе… некий уже побывавший на фронте полковник сразу расхолодил меня и остальных офицеров, которые тоже были в белом… Он объяснил, что белое обмундирование и, особенно, белые фуражки служат одной из немаловажных причин наших потерь в людском составе… все перекрасились… я увидел вместо русской пехоты толпу в каких-то желто-зеленых, голубоватых и зеленоватых тряпках. В результате кустарной, спешной и неумелой покраски обмундирования все наше воинство сразу приобрело жалкий вид»[1]. К сожалению, нам точно неизвестно, какими веществами пользовались для изменения цвета кителей и рубах, в ходу было несколько основных оттенков: бурый, т.е. почти коричневый, буро-зеленый и темно-желтый[2]. Встречался также светло-серый и зеленый. Считалось, что серый лучше подходит артиллеристам, т.к. он лучше маскировал людей на фоне материальной части артиллерийского парка[3]. Вероятно, покраска производилась несколькими видами местных красителей. Со временем, когда стало ясно, что белые форменные кители демаскируют на поле боя, офицеры стали самостоятельно покупать этот военный костюм защитного цвета «хаки»[4]. Тем не менее, использование гимнастических рубах вместо мундиров оказалось удобным, и Военное ведомство обязало войска, в том

[1] Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С.172.

[2] Огиевский М. Обмундирование и содержание солдата в Маньчжурии// Разведчик. 1905. №768. С.554.

[3]Менье Р. Указ.соч. С.67.

[4]Нодо Л. Указ.соч. С.12.

числе и казачьи части[1], иметь хорошо зарекомендововавшие себя в маньчжурском климате гимнастические рубахи, которые носили рядовые, с пришитыми погонами как один из обязательных элементов обмундирования. Офицеры носили ее с шарфом, чтобы внешний вид их отличался от нижних чинов.

Фуражка как офицеров, так и рядовых изготавливалась из так называемого гвардейского сукна и имела подкладку. Фуражки офицеров отличались от головных уборов нижних чинов лакированным кожаным козырьком и офицерской кокардой; кокарда располагалась на околыше. В летний период времени на нее могли надевать белый чехол, а иногда, когда позволяла обстановка, то только чехлы без фуражек[2]. Также было разрешено использовать тканевые назатыльники[3], чтобы уберечь от солнца шею.

Зимняя форма, помимо описанных выше предметов, состояла из шинели, папахи, ватника и башлыка. Шинель шили из серого сукна, т.е.из того же, что и для рядовых. При этом современники отмечали, что офицеры заметно выделялись на фоне нижних чинов, так как их шинели были гораздо светлее. Длина определялась следующим образом: в стоячем положении полы шинели не должны доходить до земли 8 вершков[4] в пеших частях, 6 вершков – в конных. Шинель застегивалась на 8 крючков, к ней пришивались офицерские погоны[5]. Чаще всего на ворот использовали мех бобра, енота или медведя. Иностранные корреспонденты при японской армии упоминали, что в

---

[1]Приказ по Военному ведомству 1904г №514 // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1904 год. СПб., 1904. С.1157

[2] Кравков В.П. Дневник участника русско-японской войны (1904-1905) дивизионного врача В.П.Кравкова // Время и судьбы: военно-мемуарный сборник. Вып.1. М., 1991. С.271.

[3] Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905гг. С.93.

[4] 1 вершок равнялся 4,5 см.

[5] Приказ по Военному Ведомству 1892 г. № 305. С.645

начале войны светлые шинели офицеров были видны издалека[1] и японцы старались «выцеливать» именно их.

Папаха состояла из двойного колпака с закругленной макушкой, внутренняя сторона была из черной крашенины, внешняя из подкладочного холста, К колпаку пришивалась меховая тулья из черного бараньего меха. Офицерская кокарда нашивалась посередине. На верхушку суконного колпака крестообразно нашивался галун произвольного цвета[2]. Папахи имели отличия для пехоты и кавалерии: пехотинцы носили более низкую в 4,5 вершка, кавалеристы (в основном – казаки) – более высокую в 5,75 вершка. Они оказались неудобны для ношения[3], слишком тяжелы, длинный мех закрывал глаза и мешал обзору, а большие размеры и черный цвет, выделявший ее на фоне природы, делал папаху удобной мишенью для стрелков противника. В ходе войны офицеры стали использовать серые чехлы, которые одевали на папахи. Этот вид головного убора был признан удачным для Маньчжурского климата, поэтому Главнокомандующим было приказано организовать их производство в Мукдене[4]. Многие носили теплые войлочные шапки с откидным назатыльником и наушниками[5].

Башлык, который в известной мере явился одним из прототипов известной буденовки, – это похожий на капюшон головной убор, состоящий из остроконечного колпака и двух длинных концов, которые, в холод обвертывались вокруг шеи. Он шился из двух кусков верблюжьего сукна и оторачивался тесьмой[6]. По краям он обшивался золотым или серебряным галуном, в зависимости от цвета, присвоенного полку.

---

[1]Литвиц Ф. Указ.соч. С.50.

[2] Приказ по Военному Ведомству 1892 г. № 305. С.626.

[3]Максимовский Н. На войне. СПб., 1908. С.15.

[4]РГВИА. Ф.14930.Оп.1.Д.100.

[5] Незнамов А. Указ.соч. С. 8.

[6] Приказ по Военному Ведомству 1892 г. № 305. С.645-646.

Теплушка в холодное время надевалась под мундир, а без него – под шинель. Кроме того, по усмотрению командира полка, разрешалось надевать теплушку, без мундира и шинели, на учениях. Этот элемент зимней одежды, похожий на ватник, шился по выкройкам мундира из ткани темного цвета, имел стеганную ватную прокладку[1]. Несмотря на то, что данный вид одежды был предписан рядовым, он получил распространение и в офицерской среде.

Офицеры носили кожаные перчатки. Зимой либо вместо, либо вместе с кожаными одевали шерстяные перчатки, поверх которых носились суконные рукавицы с отделенными большим и указательным пальцами для удобства прицеливания и стрельбы[2].

Офицеры носили сапоги армейского образца высотой 11 вершков (около 50 см). Зимой в них вкладывали стельку, а также, для утепления, носили носки из верблюжьей шерсти[3]. Однако, по воспоминаниям современников, сапоги оказались совершенно неудобными[4] и неприспособленными к маньчжурскому ландшафту: подошвы скользили по камням и глине и очень быстро рвались[5]. В «Вестнике Маньчжурской армии» печатались советы по решению этой проблемы. Предлагалось каблуки и края подметок подбить железными гвоздями с усеченной конической головкой. Также для более долговечного ношения предлагали сапоги «прожировать ворванью до пресыщения»[6], т.е. густо намазать тем составом, который носил собирательное название «рыбий жир».

К сожалению, вопрос об использовании валенок слабо освещен в источниках, удалось выяснить лишь, что ими удалось снабдить около

---

[1] Приказ по Военному Ведомству 1892 г. № 305. С.636-637.

[2] Незнамов А. Указ.соч. С. 11.

[3] Рэкули Р. Указ.соч. С.268.

[4] Соловьев Л.З. Указ.соч. С.30.

[5] Игнатьев А.А. С.172.

[6] Иванов М. Солдатский сапог // Вестник Маньчжурских Армий. 1904. №129. С.2.

половины всей армии[1]. Военное министерство поставляло большие партии теплой обуви, в т.ч. и валенки на Дальний Восток в годы войны, но какие части и в каком количестве их получили, выяснить не удалось. Также не удалось найти письменных сведений о разрешении офицерам со стороны командования отдельных частей носить валенки, хотя в источниках личного происхождения встречаются упоминания о том, что командные чины носили не только валенки, но и китайские улы - один из видов зимней традиционной обуви местного населения Маньчжурии[2].

Обратимся к вооружению офицеров. Им полагалось носить револьвер системы Нагана образца 1895 года, однако они имели право сами выбирать себе оружие. Многие так и делали, приобретая новейшие самозарядные пистолеты. Наиболее популярными моделями были Маузер С96 образца 1896 года, и ФН Браунинг №1 образца 1900 года[3]. Также на вооружении армии на начало войны находилась шашка образца 1881 года. Данный вид холодного оружия был единым для всех родов войск, за исключением нескольких гвардейских полков. Длина клинка варьировалась от 28 до 34 дюймов (от 70 до 85 см) и зависела в основном от роста офицера[4].

Револьвер или пистолет носили в поясной кобуре из черной лакированной кожи[5], а шашку на портупее, перекинутой через левое плечо. Необходимыми принадлежностями офицера являлись бинокль, алюминиевая фляга с водой и офицерская сумка (позже она была видоизменена и получила

---

[1] РГВИА. Ф.16337. Оп.1. Д.187. Л.24.

[2] Игнатьев А. А. Указ.соч. С.145, 172.

[3]Ivanov A., Karachtchouk A. Указ.соч. P.22.

[4]Коссинский В.Д. Систематический сборник приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 года по 1 января1887 года: для руководства в войсках и войсковых управлениях по поручению военного министра. СПб., 1887. С.1696.

[5] Приказ по Военному Ведомству 1901г., №133 // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1901 год. СПб., 1901. С.332.

название планшет; сумку обязаны были иметь все офицеры, кроме генералов и их адъютантов). Бинокль носился на плечевом и поясном ремнях с правой стороны, немного впереди револьвера. Ремни изготавливались из черной сыромятной кожи[1]. Сумка, где находились карты, блокноты и другие письменные принадлежности, носилась на особом плечевом ремне. Зачастую в эту сумку клали небольшие плоские фляжки с коньяком.

Офицеры очень мало зависели от поставок Военного министерства. Они одевались, вооружались, обеспечивали себя походным имуществом за собственный счет. Для этого каждому офицеру, отправлявшемуся на войну, полагался так называемый усиленный оклад, который был выше жалованья мирного времени на 20-40%[2], плюс несколько дополнительных выплат к нему. Несмотря на свободу выбора вещей, офицерские чины испытывали определенные трудности. Это происходило потому, что большинство из них слабо представляли себе, в каких условиях придется воевать. Например, корреспондент Л.Нодо описывает случай, когда только что прибывшие летом в Маньчжурию офицеры прямо на вокзале покупали летние рубашки цвета хаки, поскольку в их гардеробе преобладали теплые форменные вещи[3]. До отъезда они вероятно не знали о том, в какие климатические условия попадут. Это является ярким примером отношения военных властей к войне: за несколько лет до начала конфликта в дипломатических кругах велась активная переписка о регионе, который стал театром боевых действий, однако до сведения офицеров информация о природных и климатических условиях доходила слабо[4].

Офицеры могли пользоваться неуставными элементами одежды. Интересно такое высказывание одного из участников войны: «мы здесь [в Маньчжурии – Л.Ч.] ходили во всем – вплоть до китайских теплых халатов

---

[1] Приказ по Военному Ведомству 1892 г., № 305. С.658.

[2]Малинко В. Голосов В. Указ.соч. С.90.

[3]Нодо Л. Указ.соч. С.12.

[4] АВПРИ. Ф.143. О.491. Д.812. Л.139-145, Д.813. Л.46-50.

зимой, рубах самого разнообразного цвета летом. За время войны не приходилось лишь видеть одежды… форменной!»[1]. Действительно очень популярными в армии стали китайские халаты, у которых обрезали рукава и одевали под шинель в холодное время года, а также ватные одеяла[2]. Почти все строевые офицеры обзаводились фуфайками[3], они были значительно теплее, легче и удобнее китайских ватных халатов. Участники войны вспоминали, что в холода из-за использования в обиходе большого количества китайской одежды и из-за нехватки теплых форменных вещей в целом, а также задержек с их доставкой на позиции в частности, армия разделилась на две половины: синюю и серую[4]. Это связано с тем, что китайцы шили вещи в основном только этих двух цветов. При описании внешнего вида войск поздней осенью и зимой 1904 года современники цитировали Н.В.Гоголя, говоря, что по позициям бродят «не то мужики, не то бабы»[5]. Внешний вид армии был, по словам А.В.Вересаева, «смешон и странен»[6].

Широкую огласку получила история с непромокаемыми накидками, заказанными для войск. Несколько сот тысяч таких накидок было заказано для действующей армии еще к лету 1904г, интендантство смогло доставить их лишь зимой, когда они были не нужны[7]. Подобные истории происходили и с теплыми вещами, которые начали доставлять на театр военных действий

---

[1] Разведчик. №801. С.159.

[2]Половцов [б.и.]. Условия жизни на позициях // Вестник Маньчжурской армии. 1904. №151. С.3.

[3] Гусев С.Я. Указ.соч. С.109.

[4] Оболенский В.В. Указ.соч. С.58.

[5] Там же. С.58.

[6] Вересаев В.В. Указ.соч. С. 371.

[7]Грулев М.В. Указ.соч. С.149.

не к началу холодов, а уже после, когда проблему начали решать на месте подручными средствами[1].

Тем не менее, с наступлением весны и лета 1905г, когда накидки снова стали актуальными, офицеры их получили, хотя многие уже успели обзавестись ими за свои деньги. Судя по описаниям в интендантском журнале, они были с капюшоном и рукавами, и длина соответствовала стандарту пехотных шинелей[2]. Рассматривался вариант изготовления накидок из клеенчатого материала, но из-за его непрочности было принято решение шить их из обычного походно-палаточного полотна с глиноземной пропиткой.

Некоторые части дополнительно снабжали командный состав одеждой за казенный счет. Например, 15-й Стрелковый полк выделил каждому офицеру по солдатской шинели, ватной куртке и брюкам на байке[3]. Очевидно, предполагалось, что эти вещи будут использоваться вне служебного времени в холодное время года.

В ходе боевых действий униформа изнашивалась гораздо быстрее, чем в мирное время. По воспоминаниям современников, на позициях разница во внешнем виде между офицерами и рядовыми практически стиралась[4]. Кроме того, как уже было сказано выше, различные элементы обмундирования оказались неудобными или малопригодными для ношения в Маньчжурии. Поэтому спрос на военную форму, да и на другие нужные вещи, был высок.

Офицеры могли заказывать элементы униформы и снаряжения из Европейской части России, но, учитывая очень большое расстояние до театра боевых действий и крайне низкую пропускную способность Транссибирской магистрали, такой способ был ненадежен и использовался редко. Тем не менее, отдельные части командировали в Европейскую часть России

---

[1] РГВИА. Ф.831. Оп.1. Д.949. Л.8.

[2] Интендантский журнал. 1905. №5. С.41.

[3] Левшин Н.А. Станция клюквенная // Разведчик. 1905. № 751. С.224.

[4] Серебрянский Митрофан о. Указ.соч. С.65; Яковлев П.А. Указ.соч. С. 71.

офицеров для закупок нужных вещей[1]. Вместе с такими командированными делались также заказы для командного состава .

Управление главного полевого интенданта производило для нужд армии оптовые закупки теплых вещей у китайских торговцев, например, халаты и курмы[2] (теплая одежда до колен) и даже теплые наколенники[3]. Офицеры не имели права носить на виду местную одежду вместо форменной, однако многие из них носили их под шинелями.

На Дальнем Востоке к услугам офицеров были частные торговцы, маркитанты и представители офицерских экономических (потребительских) обществ, продававших многое из вещей, нужных войскам. За обозами следовали законтрактированные маркитанты[4]. Они подписывали с командованием армии контракт, по которому имели право находиться при подразделениях и продавать там различные необходимые товары. Кроме них войска сопровождали обозные торговцы, не имевшие официального разрешения находиться при армии. Они продавали различные товары не только офицерам, но и солдатам. Но солдат содержался на казенный счет, а офицер должен был обеспечивать себя самостоятельно, поэтому зависимость его от подобных коммерсантов была гораздо более существенной, чем у нижних чинов. Маркитанты пользовались своим положением, продавая товары со значительной наценкой. В годы войны в качестве некого противовеса подобной системе на Дальнем Востоке были устроены склады офицерских экономических обществ. На фронте их называли «экономками»[5]. Они снабжали офицеров вещами, оружием, амуницией и продовольствием по ценам, значительно меньшим, чем те, которые назначали маркитанты. В

---

[1] Дружинин К.И. Воспоминания о русско-японской войне 1904-1905 гг. участника-добровольца. СПб., 1909. С. 153.

[2] РГВИА ф.14930, Оп.1, д.100, Л.35.

[3] РГВИА. Ф. 14930. Оп.1. Д. 100. Л.20.

[4]Батющенко Ю.В. Указ.соч. С.104.

[5]Там же. С.105.

места, близкие к боевым действиям, выезжали так называемые «летучие отряды» экономических обществ, которые доходили практически до линии фронта, располагаясь в местах, указанных штабом армии[1].

Для сравнения необходимо сказать несколько слов о японской униформе. Обмундирование армии страны Восходящего Солнца представляло собой смесь германского, французского и австрийского военного костюма. Мундир был прусского образца, кепи и обувь – французского, некоторые мелкие детали были заимствованы у австрийцев. В конце 1903 года были приняты меры по снабжению армии тёплой одеждой на случай зимнего похода[2]. Основной цвет мундира был одинаковым для всей японской армии – темно-синим. Офицерский мундир, похожий на доломан с чёрными шнуровыми нашивками, цветовых отличий от солдатской одежды не имел. Пуговицы на мундире были чёрными, в виде розеток. Штаны, в пехоте - черно-синие, в кавалерии - красные, носили заправленными в белые гамаши, а в артиллерии – в чёрные кожаные краги. Вся кожаная амуниция была чёрного цвета. Головным убором служило кепи французского образца, со скосом вперед, а также фуражка с небольшим козырьком прусского образца. К кепи крепили значок хризантемы, а к фуражке - пятиконечную звезду. Офицеры отличались по внешнему виду от солдат погонами, а также наличием узора на воротнике и шнуровых нашивок на кепи и рукавах[3]. В качестве обуви носили ботинки с гамашами или краги[4]. Поясным оружием служила сабля или шпага. Ординарцы и офицеры

---

[1] Приказ по военному ведомству № 163 за 1904г. // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1904г. СПб., 1904. С.353.

[2] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны 1904-1905. Т.1. С.407.

[3] Ермилов Н. Указ.соч. С.29.

[4] Бирюза Г.П. 33 наших соседа. СПб., 1901. С.26.

Генерального штаба носили на правом плече аксельбанты[1]. Также все офицеры были вооружены револьверами Хино (тип 26), внешне похожим на револьвер Нагана, который использовали русские офицеры..

Однако вскоре после начала войны японцы, как и русские, поняли, что их униформа слишком выделяется на фоне местности, которая «была настолько открытой, и тёмные мундиры настолько выдавали их … построения, что они несли потери от огня…»[2]. В связи с этим, несмотря на то, что в целом военная одежда японцев удовлетворяла условиям маньчжурского климата, в целях маскировки японцы уже после сражения на реке Ялу весной 1904г заменили свои тёмные мундиры одеждой цвета хаки, а до изготовления нового обмундирования, они носили накидки защитного цвета, пристёгивавшиеся коричневыми пуговицами[3]. Японская кавалерия стала надевать поверх красных штанов коричневые чехлы. Покрой офицерской формы был такой же, как у рядовых[4].

Внешние отличия между офицерами и нижними чинами были в боевой обстановке практически стерты. Зимой офицеры носили толстые шинели, меховые безрукавки, шапки с наушниками, соломенную обувь, одевавшуюся поверх сапог, и шерстяные перчатки; кроме того, к шинелям были прикреплены на шнуре рукавицы[5]. Также в обиходе были длинные коричневые накидки с барашковым воротником[6]. Наружные металлические части оружия иногда обматывались сукном, для того, чтобы они не бликовали на поле боя.

---

[1] Японская армия. Ее формы, организация, распределение по родам оружия и численность. С.9-10.

[2] Сказания иностранцев о русской армии. С.44.

[3]Литвиц Ф. Указ.соч. С.50.

[4]Романовский Ю. Указ.соч. С.31.

[5]Литвиц Ф. Указ.соч. С.51.

[6]Русско-японская война. Сост.англ.ген.штабом. Донесения английских офицеров, состоявших при японской действующей армии. Т.1. С.7.

Современники, имевшие возможность сравнить японское обмундирование с русским, утверждали, что японские форменные вещи представлялись более удобными, легкими и теплыми[1]. Поэтому многие русские офицеры пользовались элементами японской униформы, в особенности во время затяжных боев летом 1904 г. Такое сравнение не в пользу русского военного костюма лишний раз свидетельствует о том, что японцы были лучше подготовлены к войне, имели представление о местности и климате, в отличие от русских. При этом обе воюющие стороны не были полностью готовы к большим потерям вследствие незнания поражающих возможностей современного оружия и особенностей современной тактики, что вынудило их к применению экстренных мер по маскировке своих войск.

[1]Грулев М.В. Указ.соч. С.203-204; Оболенский В.В. Указ.соч. С.59; Вересаев В.В. Указ.соч. С.371.

§ 2. Личные вещи офицеров на войне

Кроме положенных по уставу оружия, амуниции и снаряжения, офицер имел право брать с собой личные вещи, которые помогали ему переносить тяготы полевой жизни на войне. От качества быта и его организации во многом зависит моральный дух войск[1]. К тому же суровые условия театра военных действий диктовали свои требования по приспосабливанию офицеров к ним. Очень часто складывалась ситуация, когда войска не могли быть удовлетворены только теми элементами амуниции и снаряжения, которые им были положены по уставу. Еще одной особенностью, несомненно игравшей важную роль во все времена и во всех войнах, было стремление улучшить свой быт: жить в комфорте, питаться разнообразнее, носить удобные вещи и т.п. Именно поэтому большую роль играло стремление офицеров иметь в своем распоряжении кроме оружия, элементов уставной формы и амуниции еще и личные вещи, в т.ч. предметы бытового назначения.

Крайне сложную задачу представляет собой хотя бы примерное выяснение того общего перечня предметов, которые, кроме положенных по уставу, офицеры привозили на войну. Многое зависело от чина, занимаемой должности, рода войск, социального происхождения, степени обеспеченности, места службы. Чин и занимаемая должность определяли жалованье, социальное происхождение и степень обеспеченности – общий достаток офицера. Например, потомственный дворянин, владеющий имением, мог позволить себе гораздо больше, нежели выходец из среды разночинной интеллигенции. Место прохождения службы также играло большую роль: штабные чины и полевые офицеры на передовой находились в совершенно различных условиях и нуждались в разных вещах.

Тем не менее военное руководство пыталось создать некое подобие списка вещей, которые офицерам рекомендовалось брать в поход. Во многих

---

[1] Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С.75.

частях даже издавались приказы, в которых содержались ведомости офицерского имущества. Подобные документы раздавались всем офицерам. Они носили не обязательный, а рекомендательный характер, и были предназначены в основном для молодых и тех, кто еще не бывал в походах. В Приложении 2 представлена ведомость офицерского имущества, составленная в 60-й пехотной резервной бригаде и напечатанная впоследствии в популярном военном журнале «Разведчик»[1].

Подобные списки составлялись с учетом деления вещей на несколько частей, каждая из которых должна была храниться в определенном месте багажа офицера. На себе и при себе в переметных сумах на лошади офицер должен был носить униформу, амуницию, оружие, о которых было рассказано в предыдущей главе, и несколько «неуставных» предметов, среди которых, например, записная книжка, штопор, отвертка, фляжка, кошелек с расходными деньгами, очки или пенсне, портсигар. Кроме этого рекомендовали с собой возить что-нибудь из теплой одежды, например фуфайку, плащ или куртку, чтобы была возможность укрыться при ночевке в поле. Остальные вещи находились в обозе и делились на две части, по наименованию обоза: обоз I-го разряда (офицерские двуколки, находившиеся вместе с резервами, т.е. ближе к расположению части) и обоз II-го разряда (вместе с ротным имуществом в повозках в тылу, далеко от позиций)[2].

В обоз I-го разряда укладывали чайную и кухонную посуду, часть съестных припасов и постель офицера. Также туда попадали некоторые предметы, которые могли понадобиться, но не было необходимости всегда их держать при себе: фонарик со свечой, принадлежности для личной гигиены, щетки для платья, швейные принадлежности для починки одежды. В обозе II-го разряда хранили в основном ненужную в ближайшее время

---

[1] Разведчик. 1904. №704. С.387.

[2] Киндяков [б.и.]. Полевой офицерский багаж в артиллерии // Русский инвалид. 1904. №64. С.5.

одежду, съестные припасы, письменные принадлежности. Подобный порядок перевозки личных вещей практиковался в пехоте и кавалерии.

В артиллерийских частях в силу определенных причин, главной из которых было большое количество перевозочных средств, весь багаж находился при самих офицерах. Речь идет об артиллерийском парке, при котором постоянно находился весь состав части. Багаж располагался на заводных, т.е. запасных, лошадях и на зарядных ящиках[1]. Вследствие этого все личные вещи офицера-артиллериста практически всегда находились при нем. Чинам офицерского корпуса, занимавшим должности в тылу, было еще проще, поскольку их место жительства было постоянным, и им не нужно было перевозить свой багаж вместе с передвижениями всей части.

Вскоре после начала войны офицеры, воевавшие в Маньчжурии, начали давать уточнения упоминавшимся выше рекомендованным спискам вещей. Как правило, они посылали свои пожелания в крупные журналы, чтобы те, кому еще предстояло отправиться на театр военных действий, могли их прочитать. В целом, принципиальной критики в этих письмах не наблюдалось, что означало в общем положительное отношение к составленным перечням. Тем не менее, некоторые уточнения были.

Один из самых интересных и полезных советов опубликовал на страницах «Разведчика» М.В.Грулев[2]. Он обратил внимание на комаров и мошек, сильно мешавших войскам на переходах и во время отдыха. Выход он предлагал следующий: ночью устраивать пологи, а днем носить сетки, закрывающие лицо, затылок и шею. Сам Михаил Владимирович смастерил себе такую противомоскитную сетку из тюля, а отправляющимся на фронт рекомендовал брать с собой похожий материал для защиты от гнуса.

Вскоре после начала войны в армии получили распространение так называемые полевые «багажи». Они представляли собой наборы

[1] Киндяков [б.и.]. Полевой офицерский багаж в артиллерии// Русский инвалид. 1904. №64. С.5.

[2] Грулев М.В. Что брать с собой в поход в Маньчжурию // Разведчик. 1904. №711. С.578.

необходимых в походе вещей и были специальным образом упакованы, чтобы их удобно было транспортировать. Содержание их во многом перекликалось с теми списками, которые составлялись в отдельных частях. Из них в среде офицеров популярность имело лишь несколько специальных, прошедших испытание в техническом комитете при Главном интендантском управлении. После испытаний комитет делал заключение, основываясь на критериях прочности, функциональной надежности, общего веса и состава набора[1].

Одним из самых популярных в армии был универсальный патентованный полевой багаж системы штабс-капитана Беньяминова и поручика Любушкина (Приложение 3). Он представлял собой цилиндр из кожи с четырьмя большими отделениями, постель из войлока с виксатиновой, т.е. клеенчатой, подушкой, наволочку и чехол. В цилиндре, который в раскрытом виде превращался в столик, помещался медный чайник, сковородка, котелок, железная тренога, серебряные вещи: мыльница, подсвечник, чашка, перечница и чайница. Туда же укладывались 2 ложки, 2 ножа, вилка и алюминиевая фляга. Четыре отделения были предназначены для одной смены белья, папирос, туалетных принадлежностей, сухарей и консервов[2].

Были и такие системы, которые выпускались вместе с чемодан-кроватями. Например, имелась система Гинтера[3], состоявшая из чемодана-кровати, рассмотренного нами в разделе о жилищных условиях, и полевого багажа; причем часть вещей из последнего должно было в определенном порядке укладываться в чемодан-кровать, обеспечивая его совместимость и компактность. По ассортименту предметов багаж системы Гинтера был похож на другие аналогичные ему наборы. Самой объемной частью были спальные принадлежности, состоявшие из клеенчатой подстилки,

[1] Циркуляры Главного Штаба 1866-1917. Год 1904. СПб., 1904. С.277.

[2] Разведчик. 1904. №729. С.1037.

[3] Русский инвалид. 1904. №51. Вставка

защищающей от сырой земли, и войлочного матраса, обшитого тиком, т.е. плотной саржевой тканью, и простроченного. В систему Гинтера входили и столовые принадлежности: медная или алюминиевая кастрюля для варки супа с крышкой, сковородка и ухват; луженый котелок-чайник из меди; эмалированное блюдце и чашка для чая со складной ручкой; металлическая чайница для хранения сухого чая; спиртовая кухня: лампа и жестяной пузырек для спирта; кухонный и столовый ножи, металлическая вилка, суповая и чайная ложки. Для хранения посуды был предусмотрен специальный ящик и несколько холщевых чехлов для предотвращения загрязнения элементов набора. Багаж снабжался ременной системой для крепления его на лошадь.

Использование вышеописанных полевых багажей сильно упрощало офицерам задачу сбора в поход, а также значительно облегчал перевозку их личных вещей, поскольку готовые наборы значительно оптимизировали вес и занимаемый ими объем. При этом офицеры брали с собой много других предметов, облегчавших им быт на театре военных действий. Распространение получил в первую очередь ряд новшеств, предлагаемых на рынке. Прежде всего речь идет о вещах, которые помогали в непривычном для русских климате Маньчжурии противостоять сырости, холоду и жаре.

Большую популярность приобрели резиновые[1] изделия в силу своей влагостойкости. Прорезиненные спальные мешки со вкладышами из шерстяного одеяла предохраняли от сырости и холода. Интерес представляли также надувные резиновые подушки и матрасы. В сложенном состоянии они занимали мало места и были очень удобными в эксплуатации. Верхнюю одежду некоторые офицеры покупали тоже с прорезиненным покрытием, особенно плащи-накидки, но встречались и аналогичные форменные пальто[2].

---

[1] Под данным словом подразумевается химический продукт, получаемый с помощью специальной обработки натурального каучука, поскольку исследуемый период еще не существовало синтетической резины

[2] Разведчик. 1904. №694. С.141.

К сожалению, не удалось обнаружить изображения подобных нововведений в форменной одежде. Мы можем предположить, что для офицерской униформы применялось какое-то напыление, лишь на некоторое время сдерживающее влагу, а не целиком резиновый слой, как на спальных мешках или матрасах. Использование резины не ограничивалось только одеждой. Производители предлагали умывальные складные тазики, ведра, фляги[1], изготовленные из этого материала.

Во время летней жары офицеры использовали сетчатое и шелковое белье[2], которое лучше пропускало воздух, нежели положенное по уставу хлопковое. Популярны были и противомоскитные сетки, о которых в своей статье в «Разведчике» писал М.В.Грулев[3]. В борьбе с летней жарой офицеры использовали традиционные китайские веера, которые, по словам Е.С.Боткина, «заводят здесь [в Маньчжурии – Л.Ч.] почти все»[4].

Популярность себе завоевали и солнечные очки, которые в то время называли «очки-консервы»[5], получившие такое название за жестяные оправы, издали похожие на две соединенных между собой консервных банки. Стекла были либо темные, либо желтые. Вопреки расхожему мнению, эти очки были призваны в основном защищать глаза не летом, а зимой, когда в Маньчжурии стояла безоблачная погода, а снежный покров играл роль зеркала, отражавшего солнечные лучи.

Для облегчения быта офицеры использовали множество интересных приспособлений. Одним из таких новшеств был ручной душ[6]. Он состоял из резинового резервуара для воды и шланга, игравшего роль лейки. Туда можно было наливать как холодную, так и теплую воду. Также в обиходе

---

[1] Разведчик. 1904. №693. С.118.

[2] Разведчик. 1905. №762. С.428.

[3] Грулев М.В. Что брать с собой в поход в Маньчжурию // Разведчик. 1904. №711. С.578.

[4] Боткин Е.С. Указ.соч. С.39.

[5] Разведчик. 1904. №728. С.1021.

[6] Разведчик. 1904. №700. С.301.

появились одни из первых образцов электрических фонарей. По своим размерам они были достаточно большими, однако гораздо меньше, чем традиционные свечные фонари. К ним также продавались запасные батареи[1]. В ассортименте экономических обществ запасные батареи к фонарям отсутствовали, что может свидетельствовать о небольшой популярности этого вида товаров в среде офицеров. В обиходе офицеров встречались также карманные бензиновые зажигалки[2] и даже «клозетная бумага»[3].

Багаж далеко не всегда был укомплектован всеми необходимыми вещами. Гораздо чаще офицерам приходилось что-то заказывать или докупать уже на месте. Плохое знание Маньчжурии и неготовность к долгой войне, а также потери или поломки нужных вещей приводило к формированию на театре военных действий большого спроса на различные товары, начиная от форменной одежды цвета хаки, о которой мы упоминали выше, до мясных консервов и галет. Этот громадный спрос, вызванный нахождением большой армии вдалеке от основных центров снабжения, вызвал определенную реакцию со стороны как командования в лице интендантского управления Маньчжурских армий, так и частных торговцев.

При этом часть нагрузки легла на почту, поскольку офицеры зачастую просили знакомых и родственников прислать им те или иные необходимые предметы быта. Посылки из России шли очень медленно, а вес был ограничен одним пудом[4], т.е. 16 кг. К тому же они часто задерживались в пути, а доставка их непосредственно на позиции была затруднена. Во время рождественских праздников 1905 года в тылу армии скопилось значительное число неполученных посылок, только в отделении Гвардейского экономического общества их хранилось более сотни[5].

---

[1] Разведчик. 1904. №699. С.271.

[2] Разведчик. 1904. №701. С.325.

[3] Русский инвалид. 1905. №26. С.5.

[4] Русский инвалид. 1905. №3. С.2

[5] Вестник Маньчжурских армий. 1905. №169. С.4.

Еще одним способом приобрести нужные вещи являлись аукционы имущества убитых в бою офицеров. Как правило, часть из них, в основном, личные вещи, например, фотографии или часы, как и деньги, вырученные от аукциона, отсылалась домой семьям погибших, остальное же распродавалось офицерам части, в котором служил погибший[1].

Основные источники пополнения необходимых офицеру вещей были сосредоточены непосредственно на театре военных действий. Во все времена за армией следовали различные торговцы, снабжавшие ее необходимыми в быту вещами. Русско-японская война не стала исключением. С обозами следовали законтрактированные армией маркитанты[2], а иногда и просто торговцы, не имеющие официального разрешения находиться при армии, продававшие различные товары не только офицерам, но и солдатам. Солдаты содержались на казенный счет, а офицеры должны были обеспечивать себя по большей части самостоятельно, поэтому их зависимость от подобных коммерсантов была гораздо сильнее. Те пользовались своим положением, продавая товары со значительной наценкой. У железнодорожных станций, а также в городах, находились небольшие рынки, снабжавшие военных необходимыми им вещами. Как правило там продавали одежду и еду. Например, подобный рынок находился вблизи станции Ляоян и носил название Русский поселок[3]. Очевидно, что такое название он получил из-за контингента покупателей, коими в подавляющем большинстве были именно русские.

В годы войны в качестве некой альтернативы подобной системе на Дальнем Востоке были организованы военно-походные отделения офицерских экономических обществ[4], в Маньчжурии их называли

---

[1] Разведчик. 1905. №748. С.162.

[2] Батющенко Ю.В. Указ.соч. С.104.

[3] Яковлев П.А. Указ.соч. С.74.

[4] Приказ по военному ведомству №163 за 1904 год // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1904 год. СПб., 1904. С.353-356.

«экономками», снабжавшие офицеров вещами, оружием, амуницией и продовольствием по ценам, значительно ниже, чем те, которые устанавливали маркитанты. Эти общества создавались на территории России как кооперативные объединения офицеров для содействия в приобретении всех необходимых вещей для несения службы. Во время войны в Маньчжурии, кроме хабаровского, владивостокского, благовещенского и экономического общества военнослужащих Квантунской области работали филиалы отдаленных от театра военных действий петербургского, московского и одесского офицерских экономических обществ[1].

В места, близкие к фронту, выезжали так называемые «летучие отряды» экономических обществ, которые доходили практически до передовой[2]. В числе предлагаемых вещей всего было 48 наименований, среди которых, помимо предметов формы и вооружения, находились полевые багажи, спальные мешки, чемоданы-кровати, кавалерийские вьюки, складные несессеры, кожаные подушки и наволочки, бурочные сапоги (сапоги из тонкого войлока или фетра на кожаной подметке), походные аптечки и даже самовары[3]. Часто торговали прямо из вагонов, которые эти кооперативы направляли на ЮМЖД (Приложение 4).

Многие офицеры с большой теплотой отзывались о деятельности таких экономических обществ. Б.В.Адамович с восторгом описывает один из складов: «При нас приходили другие офицеры, их водили по отделениям склада, примеряли белье, фуфайки и наделяли самыми разнообразными вещами. При нас приезжали офицеры от частей и принимали целые тюки и ящики всевозможных вещей, какие только могут пригодиться в походе офицеру или солдату, для отсылки в полки. Нам показывали большие комнаты со стеллажами, полными самых разнородных, но образцово рассортированных вещей, показывали блистающую чистотой аптеку, сараи и

[1] Батющенко Ю.В. Указ.соч. С.106.

[2] Там же. С.110.

[3] Там же. С.105.

склады запасов…. Это целый городок, в котором собрано все для облегчения нашей походной жизни, полный гуманной, возвышенной мысли, приветливости и серьезной работы»[1].

Однако не все отзывы были положительными. Так, А.И.Писанецкий свидетельствовал о своем визите в офицерское общество в ином ракурсе: «Захожу в Московское офицерское экономическое Общество. Масса покупателей. Толкотня. Надо взять номер для очереди. Мне дали тысяча двадцатый. А выкликали пятисотый с чем-то. По приблизительному подсчету я мог получить свою покупку приблизительно часа через четыре. Отдал обратно номер и ушел»[2]. Основная претензия к таким магазинам заключалась в слишком больших очередях, а не в отсутствии необходимых товаров. Однако в целом система офицерских экономических обществ оказалась действенной, обеспечивая войска необходимыми предметами быта.

[1] Адамович. Из походного журнала // Офицерская жизнь. 1904. №12. С.165.

[2] Писанецкий А.И. Указ.соч. С.338.

§ 3. Питание

«Война войной, а обед по распорядку» − гласит военная пословица. Рассмотрим вопросы, связанные с питанием офицеров. Согласно положению об управлении армиями и главнокомандующем, заготовка продовольствия и других запасов производилась каждой армией отдельно, а Главнокомандующий давал только общие указания. Особые условия театра военных действий, единственная коммуникационная линия – Китайско-Восточная железная дорога, по которой можно было доставлять продукты, ограниченность района приобретения запасов, из-за чего, при существовании трех отдельных армий, их интендантства могли конкурировать друг с другом, - все это вынудило командование передать заготовку продовольствия в одни руки. Заготовка продуктов была сосредоточена в управлении полевого интендантства под началом главного интенданта при главнокомандующем генерала К.П.Губера[1].

Оптовых подрядчиков интендантство не заводило, поскольку заготовка производилась хозяйственным способом, т.е. большей частью из первых рук, непосредственно от производителей[2], или через купцов-оптовиков на рынках. Самым большим и известным рынком для закупки продовольствия армии был г.Харбин. Наиболее крупным поставщиком состоял известный сподвижник героя русско-турецкой войны 1877-1878 гг. М.Д.Скобелева – коммерческий заготовитель А.Громов[3]. За помощь в организации доставки продовольствия для армии он был награжден чином действительного статского советника[4].

---

[1] Табурно И. Указ.соч. С.113.

[2] Деревянко И.В. «Белые пятна» русско-японской войны. С. 127; Положение о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск: Приказ по воен. вед. 1871 г. за № 256, дополненный всеми изменениями, объявленными за последние двадцать три года в приказах по воен.вед.и циркулярах Главного штаба. СПб., 1894.С.3-4.

[3] Табурно И. указ.соч. С.112.

[4] РГВИА. Ф.14930. Оп.1. Д.206.Л.1.

Снабжение войск продовольствием возлагалось не только на интендантство, но и на хозяйственные органы самих войсковых частей. При этом было принято, что провиант поставляло интендантство, а приварок войска заготавливали своими силами[1]. Что касается фуража, о котором нельзя не упомянуть, то была допущена альтернатива: или войска сами приобретают его на отпущенные им деньги или возлагают эту обязанность на интендантские органы[2].

На интендантство с 29 октября 1904 года легло довольствие офицерских чинов. Установлено было выдавать каждому из них в сутки паек, состоявший из 1 фунта мяса, 2 фунта хлеба (или 1,5 фунта сухарей) и 0,5 фунта крупы, а кроме того, бесплатно же по 10 фунтов сахара и по 0,5 фунта чая в месяц[3], что составляло чуть больше суточной нормы для рядового[4]. Но сверх того полевое интендантство, по приказанию Главнокомандующего, постоянно принимало меры к заготовке для офицеров еще ряда продуктов: сливочного масла, даже «замороженных щей и пельменей»[5], кофейных и молочных консервов, а также других продуктов питания[6]. Увеличенная выдача провианта и жалованья начиналась еще на пути в Маньчжурию, после Самары[7]. Данная мера была призвана облегчить проблему питания офицерам на передовой, однако выдача пайка распространилась на весь офицерский корпус, превратившись по сути в

---

[1] Под провиантом в дореволюционной армии понималась в основном еда, которую сейчас называют «гарниром»: в основном это крупы, т.е. продукты, содержащие большое количество углеводов. Приварок – это то, что в сейчас называют белковой едой – мясо, рыба, а также овощи.

[2]Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905гг. С.23.

[3] Гусев С.Я. Указ.соч. С. 108.

[4] Сборник раскладок на продовольствие войск в военное время. Харьков. 1900. С.3.

[5] Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905гг. С.63

[6] РГВИА. Ф.14394. Оп.1.Д.17. Л.25

[7] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. С.644.

скрытое добавочное содержание. В результате большинство, вместо отпуска продуктов, получало паек деньгами, или же продукты получали заведующие офицерскими столовыми, а стоимость списывалась с суммы, которые офицеры платили за «стол»[1], что фактически означало снижение платы за питание в столовых.

Чинам тыловых учреждений тоже полагался этот паек. Приведем иронический отрывок из воспоминаний служащего интендантского управления Н.И. Нефортунатова, пародировавшего текст Священного Писания: «…примите и едите. Сие есть хлеб, чай, сахар, крупа, сухари и мясо, ниспосланные щедротами главнокомандующего и интендантских благодетелей»[2]. Имея усиленное жалованье и дополнительные выплаты на варку пищи, а также хлебопечение[3], интендантские чины также бесплатно получали продукты, хотя могли, в отличие от офицеров на линии фронта, покупать их на местах.

Необходимо остановиться на таком важном вопросе, как ассортимент продуктов, которыми питались войска, а также источники их пополнения. Часть из них заготавливалась и приобреталась на месте, часть приходилось привозить из России, как с Дальнего Востока, так и из Европейской части страны.

Многие крупы были покупали на театре военных действий. В самой Маньчжурии были доступны бобы, чумиза, гаолян [4]. Гречневая крупа местным населением почти не выращивалась, ее привозили из России. Рис из-за климатических особенностей Северо-Восточного Китая был также не очень распространен, а после отступления армии от Мукдена на север закупки этой

---

[1] Гусев С.Я. Указ.соч. С.108.

[2] Нефортунатов Н.И. Указ.соч. С.73.

[3] Там же. С.59.

[4] Иммануэль Ф. Указ.соч. С.118.

культуры производились только у торговцев в тылу по высоким ценам[1] и вследствие своей питательности в основном направлялись в госпитали для больных и раненых. Овощи, такие как перец и китайская капуста, были доступны в самой Маньчжурии[2], как и морковь и лук[3], а свеклу, картофель, более привычную для русских кочанную капусту[4] привозили из России.

В Китае также закупали пшеницу[5], т.к. ощущалась ее нехватка из-за задержек и большой загруженности Транссиба, по которому шли поставки хлебного зерна из Европейской России. Зерно потом перемалывали в муку либо на армейских мукомольнях, либо на китайских мельницах. В районе расположения армии, а также в тылу располагались снабжавшие хлебом армию полевые хлебопекарни, каждая из которых состояла по штату из двух специальных печей[6] с набором необходимых инструментов и снаряжения. Часть хлеба сушилась в сухари на передвижных сухарных заведениях, имевших производительность до 600 пудов, т.е. около 1 тонны, в день[7]. Хлеб пекли из пшеницы. Ячмень использовался в основном как фураж[8]. Интендантским управлением было подсчитано, что средняя стоимость одного пуда хлеба составляла около 41 коп., а пуда сухарей – 1 р. 19 коп.[9] Такие цены можно считать низкими, учитывая дороговизну других продуктов питания на театре военных действий.

---

[1]Отчет деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904г по 1 сентября 1905г. М., 1906. С. 34.

[2] Разведчик. 1904. №737. С.1267.

[3]РГВИА. Ф.14930. Оп.1. Д.30. Л.37.

[4]Незнамов А. Указ.соч. С.18.

[5] Отчет деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904г по 1 сентября 1905г. С. 34.

[6] РГВИА. Ф 16337. Оп.1. Д.57. Л.27.

[7]Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. С. 643.

[8] Ухач-Огорович Н.А. Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904-1905гг. С. 26.

[9]РГВИА. Ф.14930. Оп.1. Д.18. Л.19.

Чай в армии пили местный китайский и привозной Чаквинский[1], выращиваемый на Кавказе. Различались байховый и плиточный чаи[2]. Байховый – это рассыпной, состоящий из отдельных высушенных листов чайного куста, а плиточный – прессованный. Такую плитку разламывали или отрезали ножом для заваривания в котелках. Чайное довольствие армии регулировалось, по требованию медицинских учреждений[3]. Кроме него из неалкогольных напитков было распространено какао, которое готовили в офицерских столовых и штабных поездах. В тылу пили квас и морс. Однако на позициях чаще всего офицеры, да и рядовые, пили именно чай[4].

Существовали проблемы с заготовкой соли и сахара. Соль необходимо было привозить, т.к. местной было мало и она была плохого качества. Тот объем, который удавалось закупать в глубоком тылу, продавался по очень высоким ценам. Сахар использовался как китайский, так и привозной. По отзывам интендантов, сахар русского производства был более сладким[5].

Командование армии пользовалось услугами китайских купцов-оптовиков, доставлявших из Монголии[6] в большом количестве крупный рогатый скот, а свинину и баранину привозили из России. Мясо в войска доставлялось либо «живьем»[7], либо консервировалось, засаливалось или морозилось. Замороженное мясо и солонина поступали в войска в основном зимой. Заготавливали его в Сибири и перевозили в Маньчжурию[8]. Офицеры

---

[1] Русский инвалид. 1904. №16. С.5.

[2] Отчет деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904г по 1 сентября 1905г. С. 37.

[3] Разведчик. 1904. №731. С.1093.

[4] Шикуц Ф.И. Дневник солдата в русско-японскую войну. СПб., 1909. С.15.

[5] Отчет деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904г по 1 сентября 1905г. С. 37.

[6] РГВИА. Ф.14930. Оп.1. Д.45. Л.1.

[7] РГВИА. Ф.14930. Оп.1. Д.34. Л.1.

[8] РГВИА. Ф.13061. Оп.1. Д.12. Л.44.

называли его «походно-карманным»[1] из-за удобства приготовления и употребления в пищу в походных условиях. С Дальнего Востока привозили рыбу, в основном тихоокеанского лосося – семгу и кету. Большая партия, около 200 тысяч пудов, была доставлена к зиме 1905 года[2]. В целом же можно сказать, что интендантству удалось решить проблему снабжения пищей армии[3]. К тому же необходимо отметить, что поставляемые продукты отличались довольно высокой калорийностью, что позволяло говорить о достаточном питании для восполнения энергетических затрат офицеров, находящихся в условиях войны.

Русская армия одной из первых в мире ввела так называемую полевую кухню еще во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Она была призвана кормить горячей едой (щами и кашей) и поить чаем[4]. В ходе боевых действий это нововведение было оценено современниками как очень удобное[5]. Японцы в ходе войны, оценив все преимущества полевой кухни, быстро внедрили это изобретение в своей армии[6]. На момент начала конфликта в войсках находились кухни нескольких систем. Более ранней являлось изделие варшавской фирмы «Брун и сын», созданной еще в конце XIX века. Она была дорогой, громоздкой[7], имела только один котел, т.е. одновременно варить щи и кашу было нельзя[8]. Позже конструкция кухни была предложена

---

[1] Разведчик, 1904. №731. С.1094.

[2] Разведчик, 1904. №737. С.1267.

[3] РГВИА. Ф.13061. Оп.1. Д.40. Л.8.

[4] Теттау фон Э. Куропаткин и его помощники. Поучение и выводы из русско-японской войны, составленные бароном фон Теттау, состоявшим во время войны при русской армии. С.70-71.

[5]Трейншверт фон А.К. Действия пехоты в освещении русско-японской войны капитана австрийского генерального штаба Аладора Кнебеля фон Трейшверта // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.6. СПб., 1907. С.60.

[6] Шеллендорф фон Б. Указ.соч. С.9.

[7] Разведчик. 1904. №699. С.261.

[8] Разведчик. 1904. №706. С.443.

подполковником Турчановичем. Она состояла из двух цилиндров, в которые вставлялись два медных котла установленного интендантством образца, один емкостью 13 ведер[1] для супа, другой 6,5 ведер для каши. Между цилиндрами помещалась дымовая вытяжная труба и небольшой котелок для хранения теплой еды на 10-12 человек, что было удобно, поскольку офицеры и солдаты не всегда успевали поесть со своим подразделением, будучи занятыми другими делами. Под обоими котлами располагалась топка с регулируемым поддувалом. Вся кухня обтягивалась кожухом и имела вид эллипсоида[2].

В 1905 году в армии стали появляться походные офицерские кухни, которые были рассчитаны на обслуживание ограниченного числа людей при большем разнообразии в приготовляемых блюдах. Она состояла из котла для варки пищи, двух духовых печей, плиты на 3 конфорки, двух ящиков для посуды и топлива[3]. Топка была также оборудована заслонкой для регулировки огня и вытяжной трубой.

Кроме походных кухонь, которые, помимо своей неповоротливости, еще и часто ломались[4], в армии также готовили еду в котелках. Это признавалось «неизбежным злом»[5], т.к. приготовление пищи в них требовало гораздо больше усилий и времени. В походных условиях устраивались очаги продолговатой формы, над ними на перекладине подвешивали несколько котелков и готовили еду. Многие офицеры, экономя деньги, питались из солдатского котла, не желая тратиться на офицерский «стол»[6].

---

[1] 1 ведро=12 литров

[2] Турчанович [б.и.]. Походная кухня системы подполковника Турчановича // Разведчик. 1903. №656. С.461.

[3] Разведчик. 1904. №733. С.1142.

[4] Оболенский В.В. Указ.соч. С.38.

[5] Незнамов А. Указ.соч. С. 17.

[6] Мартынов Е.И. Указ.соч. С.143.

Приведем несколько рецептов блюд, которые готовили на позициях во время войны. Раскладка продуктов дается на 6 человек и 4 котелка (еще в двух кипятится вода для чая и мытья посуды):

«Борщ. 4 котелка налить водою на 3/4 каждый, дать закипеть. Перемыть и положить по 3 фунта мяса поровну в каждый котелок, когда закипит, то снять ложкой накипь, посолить и положить перца по вкусу. Нарубить мелко зелень (щавель, крапиву или другую зелень) и положить по 3/4 фунта на котелок или, вместо зелени, кислую капусту. Если борщ из зелени или свежей капусты, то положить лимонной кислоты на кончике ножа, 5 штук картофеля и 3 луковицы на котелок. Если дается сало вместо мяса, то класть его, растерев с ложкою муки и дать закипеть два раза.

Крутая каша. 2 котелка налить до половины водою и вскипятить. Крупы положить по 1 фунту в каждый котелок, посолить и дать кипеть, пока крупа разварится, постоянно размешивая ложкою.

Кашица с салом. 4 котелка налить водою до 3/4 , вскипятить, посолить, снять пену, всыпать крупу в количестве 1 1/5 фунта во все 4 котелка, положить по 5 картофелин в каждый котелок или крошенку [из картошки – Л.Ч.], кипятить пока не разварится крупа и заправить салом.

Галушки. 4 котелка налить водою до 3/4, вскипятить с солью и мелконарезанным салом, размешать в остальных двух котелках муки по 3/4 фунта на человека с холодною водой до густоты теста, посолить, смачивать ложку кипятком, брать ею тесто и бросать в котелок»[1].

Полевые кухни подходили к линии фронта только к линии резервов или перевязочных пунктов[2], оставаясь вдалеке от позиций, поскольку их очень берегли. В силу этой, а также других причин военного и логистического характера, в частности, путаница в приказах частям и их обозам или плохое состояние дорог, делавшим невозможным подъезд кухонь к позициям,

[1] Малыхин В. Варка пищи в 4-й саперной бригаде // Разведчик. 1904. №731. С.1167.

[2] Незнамов А. Указ. соч. С.17.

офицеры часто были лишены горячей пищи: «…днем пробавляемся чаем с сухарем, а вечером уже удается и супу похлебать…»[1]. Многие запасались консервированными продуктами на случай недостатка продовольствия[2]. На театре войны были распространены различные консервы как казенных, так и частных русских заводов[3]. В основном, они были мясными, в виде рагу или тушеной говядины. Еще одной разновидностью был консервированный борщ. Усилий по приготовлению такой вид продуктов почти не требовал: жестяную банку вскрывали ножом, подогревали, приправляли по возможности, например, луком или перцем, и употребляли в пищу[4].

В обиходе офицеров армии находились различные походные наборы посуды и столовых приборов, которые не занимали много места и были удобными. Пример такого набора можно встретить на страницах журнала «Разведчик»[5] в разделе рекламы. В кожаный или замшевый чехол размером 10х7 см помещались ложка, вилка, нож и «откупориватель»-открывалка. Еще одним интересным предметом была «ложка-чайник»[6], которую позднее переименовали в чайное ситечко. Она позволяла беречь чайные листья для нескольких заварок, что было важно для находящихся на позициях офицеров в условиях недостатка любого провианта.

При каждой части находилась офицерская столовая, из которой «отпускался стол для офицерских чинов»[7], т.е. командные чины могли продовольствоваться там, внеся плату. По мнению некоторых современников, однако, качество еды в них было довольно низким, и некоторые офицеры

---

[1] Данилов Г.А. Указ.соч. С.62.

[2] РГВИА. Ф.16337. Оп.1. Д.11. Л.6; Толузаков С.А. На полях Маньчжурии и в России после войны. СПб., 1906. С.37.

[3] Соловьев Л.З. Указ.соч. С.33.

[4] Грейгнер А.В. Указ.соч. С.93.

[5] Разведчик. 1904. №701. С.325.

[6] Разведчик. 1904. №699. С.267.

[7] Гусев С.Я. Указ.соч. С. 108.

питались самостоятельно[1]. Командиры крупных соединений, как правило - люди весьма состоятельные, имели своих личных поваров. В тех случаях, когда столовая была далеко, то командиры питались вместе с нижними чинами солдатской едой. В некоторых случаях пищу могли приготовить в столовой при штабе, а потом в походной кухне привезти на позицию для офицеров[2].

В тылу в городах, на железнодорожных узлах и станциях работали буфеты и столовые, в которых могли питаться офицеры. В Мукдене действовала столовая, в которой офицеры по кассовым талонам, своеобразным абонементам, могли питаться 2 раза в день: днем с 14 до 15 часов и вечером с 18 до 21 часа. Употребление алкогольных напитков было воспрещено. При столовой находился читальный зал с книгами и газетами[3]. На самой КВЖД проблема питания офицеров, прибывающих в Маньчжурию, решалась не только буфетами, но и кухнями, организованными эшелонными начальниками в своих поездах. В частности М.В. Грулев описывал, что в одних поездах офицеры питались из своей кухни, получая пищу 2 раза в день, а в других подобной организации не было[4], и воинские чины были вынуждены дожидаться буфетов и столовых. В связи с постоянно менявшимся расписанием поездов эшелоны почти всегда с опозданием прибывали на этапные пункты, что негативно сказывалось на режиме питания[5].

В тылу также находилось множество ресторанов[6] и трактиров[1], предлагавших большое количество различных блюд и алкогольных напитков.

---

[1] Игнатьев А.А. Указ.соч. С.220.

[2] Половцов [б.и.]. Условия жизни на позициях// Вестник Маньчжурских армий. 1905. №151. С.3.

[3] Вестник Маньчжурских армий. 1904. №124. С.4.

[4] Грулев М.В. Указ.соч. С.129.

[5] Табурно И. Указ.соч. С.2.

[6] Кан Р. Из вражеского стана. Из дневника военного корреспондента при японской армии. СПб., 1905. С.59.

Некоторые были без названия, некоторые имели звучные наименования, например в Ляояне один ресторан назывался «Chateau des fleurs», т.е. дворец цветов. Участники войны в своих воспоминаниях оставляли описания тыловых ресторанов. В.В.Оболенский приводит на станицах своих мемуаров рассказ о китайском заведении Харбина: «…В ресторане, довольно чистом, мы заняли отдельный кабинет, с мягкими канами (напоминают наши лежанки) с пуховыми матрасиками и круглыми подушками… На круглом столе, уже заранее сервированном, стояли маленькие чашечки для подогретого «ханша» [ханшин - китайская водка - Л.Ч.], маленькие тарелочки для предстоящего обеда и коллекция палочек из чёрного дерева вместо ножей и вилок. Пришлось сначала брать уроки пользования палочками для еды и во время обеда мы владели ими не хуже китайцев… Вот что нам подали к обеду: Ханшин тёплый с розовым маслом (неочищенная водка), тухлые яйца (яйца, пролежавшие в извёстке до пяти лет), китайская ветчина, лёгкое козы под соусом, плавники акулы, морская капуста с зародышами креветок, трепанги (морские черви) с тёртыми грибами и курицей, желудок барана, сухожилие телёнка (внутреннее сухожилие), рубленая курица с пряностями, ласточкины гнёзда, цыплёнок жареный кусками и рис к нему, суп из баранины, суп из свинины, суп из курицы, суп из овощей, десерт: из яблок, тыквенных семечек, грецких орехов в сахаре…»[2].

В качестве сравнения скажем несколько слов о питании японцев. В отличие от русских, в значительной степени использовавших продовольствие, доставлявшееся из Северного Китая и сопредельных территорий, войска противника в основном снабжались продуктами, привозимыми из Японии[3]. Так происходило из-за значительной истощенности театра боевых действий, поскольку при отступлении русские войска старались увезти или уничтожить съестные припасы. Японцы, продвигаясь вслед за противником на север,

---

[1] Рэкули Р. Указ.соч. С.49.

[2] Оболенский В.В. Указ.соч. С.128-129.

[3] Баев А. Указ.соч. С.219.

занимали уже опустошенные территории. Бесперебойное снабжение стало возможным еще благодаря близости полей сражений к метрополии, а также значительному торговому флоту при слабой активности русских боевых кораблей в Желтом и других морях.

Основной пищей японцев был рис: вареный рис с приправами, рисовые сухари, консервированный рис[1]. Иногда вместо него употребляли кукурузу или ячмень. К нему обычно полагались овощи, наиболее распространена была японская редька «дайкон», сушеная или соленая рыба[2]. Мяса практически не употребляли, исключением являлись лишь мясные консервы. Чтобы приправить достаточно пресную пищу, японцы использовали острые специи и соусы[3].

Японцы готовили пищу в переносных походных очагах, которые состояли из котлов на 53 литра и приспособлений для их установки[4]. Однако, как уже отмечалось ранее, японцы вскоре переняли опыт русских войск и стали вводить более удобные и мобильные походные кухни.

---

[1] Баев А. Указ.соч. С.223.

[2] Ермилов Н. Указ.соч. С.30.

[3] Русский инвалид. 1905. №80. С.5.

[4]Блюзе Р. Указ.соч. С.38.

§ 4. Жилищные условия в Маньчжурии

Рассмотрим, где и как жили офицеры Маньчжурских армий в годы войны. Обычной формой расположения войск на отдых являлся бивак, т.е. ночевка в условиях похода. Густая населенность района боевых действий позволяла останавливаться на ночлег в китайских деревнях. Обычно селение разбивали на сектора, в которых останавливались определенные порядком похода воинской части[1]. Китайцам оставляли несколько фанз, остальные занимали войска. Офицеры, как правило, ночевали вместе[2] в наиболее чистой и теплой фанзе, которую удавалось найти в деревне. У этой же фанзы обычно на следующий день строилась вся часть для дальнейшего движения[3].

Сразу же выставлялась охрана у колодцев. Это делалось из-за боязни диверсии со стороны японских шпионов и недовольных вторжением в деревню китайцев. Для нужд местного населения оставляли 1 или 2 источника воды, остальные поступали в ведение частей, пришедших на ночлег[4].

Традиционный китайский тип жилища – фанза - строился из кирпича, камня, глины или гаоляна, обмазанного глиной. Наиболее часто встречались постройки из камня или глины. Стены опирались на каркас, построенный из бревен. Крыша была черепичной или соломенной. В фанзе обычно расположены 2 выхода: один посередине переднего, другой посередине заднего фасада. Эти двери вели в узкий проход, который в источниках называют более привычным для русских словом сени[5]. Этим проходом все

---

[1] Шикуц Ф.А. Указ.соч. С.38.

[2] См.: Левис [б.и.]. Очерки войны // Разведчик. 1904. №708. С.503; Шеляпин М.П. Пролог к Тюренченскому бою. Из жизни одной батареи в русско-японскую войну // Исторический вестник. 1904. Т.97. №7. С.142.

[3] Скосаревский Г.И. Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну. СПб., 1911. С. 14.

[4] Незнамов. Указ.соч. С.72.

[5] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. С.763.

здание делилось на две равные части: мужскую и женскую. Обе половины фанзы были устроены одинаково.

Вдоль окон обычно располагались так называемые каны - низкие лежанки. Они шли вдоль всей стены, их ширина составляла около 3 аршин[1]. Офицеры обычно ставили на них свои походные кровати или спали прямо на самом кане, устелив его соломой, а потом покрыв циновками и бурками[2]. В большинстве случаев кан нагревался очагами, в которых китайцы готовили пищу, а иногда отдельными топками. От топок под поверхностью канов шли дымоходы, которые и нагревали их. Несмотря на то, что каны хорошо держали тепло, зимой в фанзах было все же холодно. По этому поводу М.В.Грулев писал: «Температура в комнате крайне неравномерная: на кане нестерпимая жара, а посреди комнаты вода замерзает»[3]. Современниками отмечалось, что двери и окна были плохо пригнаны к косякам, что вызывало сквозняки. Только богатые вставляли стекла в оконные рамы. В большинстве случаев китайцы вместо стекла использовали очень плотную промасленную бумагу, которая пропускала свет гораздо хуже, чем стекло. В холодное время года рамы оклеивали не с одной, а с двух сторон, создавая двойной слой бумаги, призванный сдерживать холод[4]. Зимой китайцы и на улице и в фанзах ходили в одном и том же ватном костюме, который редко снимали даже ночью, поэтому для них холод фанзы был мало ощутим. Вдоль боковых стен обычно стояли поставленных один на другой сундуки разной величины и шкафчики, где китайцы хранили свои вещи. Из мебели кроме этого было как правило еще по несколько стульев и табуретов[5]. Когда

---

[1] 1 аршин=0,71 метра

[2] Гусев С.Я. Указ.соч. С. 60.

[3] Грулев М.В. Указ.соч. С.346.

[4] Иванов И.Е. Военно-походные впечатления от Владивостока до Вафангоу и от Вафангоу до Ляояна командира роты 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка // Исторический вестник. 1904. Т.98. №11. С.562.

[5] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. С.763.

войска останавливались в деревнях на более продолжительный срок, то и солдаты, и офицеры старались обжиться на новом месте, по возможности обновляя окна и двери. Иногда удавалось внутри помещения выложить печь, прогревавшую все помещение. Вот как описывает обстановку офицерской фанзы С.Я.Гусев: «мы постарались устроить свою фанзу… с возможным комфортом: стены над канами были покрыты циновками, посередине фанзы стоял стол, а на столе такие предметы роскоши, как лампа и складной самовар»[1].

Кроме фанз офицеры могли останавливаться в кумирнях, т.е.китайских молельнях, как одиноко стоящих, так и расположенных в деревнях. Опишем одну из таких кумирен на основе воспоминаний Б.Адамовича: «Постройка окружена высокой, около 1,5 сажени, великолепно сложенной каменной стеной… через ворота, проложенные в толстой каменной кладке, ведет главный вход; через двор проложены каменные плиты, по сторонам их стоят монументы и обелиски, направо и налево, по бокам двора, крытые галереи и прямо против входа открытый храм.. в виде фундаментально построенного навеса с открытой стороной ко двору… весь пол вымощен каменными плитами и застлан гаоляном, на котором спят солдаты»[2]. Кумирни были предпочтительнее, чем фанзы по нескольким причинам. Во-первых, обнесенная стеной территория служила хорошей защитой от ветра и холода, а также являлась загоном для лошадей; во-вторых, стены также могли послужить укреплением в случае внезапного нападения японцев или хунхузов. В-третьих, кумирни были чище, чем большинство китайских домов, «отвратительно» пахнущих[3].

Часто офицеры брезговали останавливаться в домах китайцев, предпочитая ночевать в палатках. Священник о. Митрофан Серебрянский писал: «фанзы довольно приличные, но ужасный запах и явные признаки

[1] Гусев С.Я. Указ.соч. С. 96.

[2] Адамович Б. Из походного журнала // Военный сборник. 1905. №1. С.163.

[3] Шикуц Ф.И. Указ.соч. С.36.

клопов и вшей заставили нас поместиться в палатках»[1]. Или другое подобное упоминание еще одного участника войны В.П.Кравкова: «За отсутствием хороших чистых фанз разместились в походных палатках, расставленных в одном большом грушевом и сливовом саду»[2]. Нам представляется, что подобное желание избегать грязных помещений было вызвано не только чувством брезгливости, но и опасением получить какое-либо инфекционное заболевание.

Палатки ставились отдельно для солдат и офицеров. Такое разделение было присуще всем родами войск в составе Маньчжурских армий: пехоте, артиллерии и кавалерии, в том числе и казакам[3]. Палатки были рассчитаны на 6 человек. Они были сшиты из полотна защитного цвета, пропитанного непромокаемым химическим раствором, и перевозились в обозе[4]. Если была возможность, то ее обкладывали стеблями гаоляна[5] или сплетенными из бурьяна циновками[6], которые давали дополнительную защиту от ветра. В ходе войны в войсках был выработан особый тип палатки-шатра, который был рассчитан на большее количество человек. Первыми такой шатер стали использовать артиллеристы[7]. Он шился из нескольких полотнищ обычных палаток и позволял вместиться 20-25 человекам. Для стоек приходилось готовить длинные палки, т.к. колья к старым палаткам не подходили по размеру, были слишком малы.

---

[1] Серебрянский Митрофан о. Указ.соч. С. 70.

[2] Кравков В.П. Указ.соч. С. 260.

[3] Квитка А. Указ.соч. С. 87.

[4] К сожалению, данных о химическом составе раствора обнаружить не удалось, поэтому нельзя с уверенностью говорить о том, насколько хорошо походные палатки защищали от дождя. Мы можем предположить, что полотнища палаток были прорезинены.

[5] Грулев М.В. С. 328.

[6] Разведчик. 1906. №801. С.152.

[7] Грейгнер А.В. Указ.соч. С. 91.

В холодное время года подобные шатры-палатки несколько видоизменялись, приспосабливаясь к маньчжурской зиме. Приведем описание устройства такой палатки, устанавливавшейся на длительное время (Приложение 5). Она состояла из 29 палаточных полотнищ, 25 из которых создавали само пространство шатра, а остальные формировали дымоход. Все они прошивались палаточными веревками для лучшего крепления друг к другу. Дымоход составлялся из 4 полотнищ, надетых на удлиненные стойки трубы и веревками прикрепленным к основным стойкам. Внутри устраивались либо очаги в виде небольшого ровика, либо небольшая выемка для костра[1].

В холодное время года, когда перемещений войск почти не было[2], войска были расквартированы в основном в землянках (Приложение 6). Как правило, офицеры селились отдельно от рядовых[3], но так получалось не всегда. Например, при обороне Путиловской сопки во время сражения у р.Шахэ в начале октября 1904 г. все военные чины, участвовавшие в тех боях, помещались вместе[4].

В зависимости от места расположения войск этот тип жилища строился с расчетом на различное количество человек. Например, осенью-зимой 1904 г., у деревни Эрдагоу недалеко от Мукдена преобладали небольшие землянки, рассчитанные на 4-6 человек[5]. В каждой была устроена печь и небольшое окошко со стеклом. В то же время у д.Цихенчен близ Гаоталинского перевала строились более вместительные - одна на 45 человек. По описанию они были 25 шагов в длину и 7 в ширину, посередине были прорыты канавы, служившие проходом. Выше канав на земле были устроены нары. На всю землянку приходилась одна печь, которую

[1] Кракелль [б.и.]. Шатер с трубой для ночевок в поле // Разведчик. 1904. №717. С.740.

[2] Иммануэль Ф. Указ.соч. С. 24.

[3] Рэкули Р. Указ.соч. С. 335.

[4] Гусев С.Я. Указ.соч. С.97.

[5] Поспелов П.И. Указ.соч. С. 297.

беспрерывно топили, и 4 окна[1]. Отмечалось, что температура в землянках держится в пределах 15 градусов[2] , иногда ниже, в зависимости от того, насколько хорошо она защищена от холода[3].

Офицеры старались обжить предоставленные им землянки, свозя и устанавливая здесь свои походные багажи, развешивая китайские циновки, постоянно топя печи, закрывая щели в дверях и окнах[4]. На зимних стоянках, занимавших продолжительное время, устраивали даже бани[5].

Несмотря на то, что командование армии выделяло офицерам средства на закупку материалов для постройки землянок и улучшения фанз, так называемые «фанзовые деньги» в размере 30 рублей в месяц[6], большую часть строительных материалов войска брали в ближайших деревнях, оставленных жителями или выселенных по приказу военных властей[7]. Зачастую солдаты и денщики офицеров «ломали целые деревни»[8], добывая материалы для устройства жилья, при этом не платя китайцам денег.

Естественными проблемами, которые возникали при жизни в землянках, являлись сырость и плохая вентиляция. С сыростью боролись, выкладывая печи, которые, нагреваясь, высушивали помещение, а также гаоляновыми и соломенными подстилками, которые, впитав влагу, могли быть заменены. В то же время плохая вентиляция была главной проблемой всех землянок. Офицерам приходилось делать выбор: оставлять окна для проветривания, тем самым выпуская тепло из землянки, или же плотно их

---

[1] Мирный В.А. Боевой дневник унтер-офицера из русско-японской войны. М., 1912. С. 59.

[2] Из источника неясно, по какой шкале дана эта цифра: Цельсия или Реомюра. Соотношение величин по шкалам Цельсия и Реомюра таково: $1^0C=1{,}25^0P$

[3] Вестник Маньчжурских армий. 1904. №151. С. 3.

[4] Разведчик. 1905. №753. С.258.

[5] Данилов Г.А. Указ.соч. С. 170.

[6] Разведчик. 1905. №753. С.259.

[7] Русский инвалид. 1905. №14. С.7.

[8] Шикуц Ф.И. Указ.соч. С. 38.

закупоривать, сохраняя тепло, а вместе с ним и всё сопутствующее жизни в закрытом пространстве: «запах людей, остатки кушаний, вонь от сапог»[1].

Внутри палаток и землянок старались выложить на полу слой соломы или гаоляновых стеблей[2], чтобы получить некоторую изоляцию от земли. Кроме печей и костров, офицеры могли обогревать свои палатки с помощью спиртовых горелок, топливом для которых служил денатурированный спирт[3].

Однако офицеры не всегда имели возможность остановиться в деревне, импани или кумирне, особенно в негустонаселенной восточной части Маньчжурии, также не всегда удавалось поставить палатку, т.к. обоз мог быть далеко или ночь заставала офицера далеко от расположения своей части. В таких случаях приходилось устраивать стоянку под открытым небом.

Еще об одной ситуации, когда офицерам были недоступны ни землянки, ни дома, ни палатки, свидетельствует в своих воспоминаниях С.Я. Гусев: «И солдаты, и офицеры боевой линии помещались в земляных окопах. Днем тепло, но ночью бывали морозы и спать в этих окопах, не имея ничего другого, кроме серой солдатской шинели, - ой, ой, как было скверно. Рыть землянки или устраивать какие-либо приспособления – нельзя было, потому что это были передовые окопы и обнаруживать их присутствие недопустимо»[4]. В таких случаях офицеры были вынуждены пользоваться любыми возможностями, чтобы обустроить свой ночлег или временное жилье. Если была возможность, то строили шалаши из стеблей гаоляна[5], этими же стеблями устилали пол[6].

---

[1] Рэкули Р. Указ.соч. С.334.

[2] Там же. С.278.

[3] Вестник Маньчжурских армий. 1904. №81. С.2.

[4] Гусев С.Я. Указ.соч. С. 65.

[5] Шикуц Ф.И. Указ.соч. С.15.

[6] Яковлев П.А. Указ.соч. С.82.

Интересен рассказ Н.В.Вороновича об одной такой ночевке в поле: «Офицеры, кроме командира, оставшегося на станции… расположились пить чай также вокруг костра. Напившись чаю и завернувшись в бурки, мы, несмотря на сильный холод, быстро заснули. Ночью костер погас, но мы этого не заметили. Проснувшись на рассвете, я понял, почему мне под буркой стало теплее; за ночь выпал снег и покрыл нас толстым пушистым слоем. Взглянув на моих соседей по ночлегу, я увидел огромные кучи снега, из которых поднимался пар»[1]. Офицеры на таких импровизированных биваках укрывались лошадиными попонами, бурками, шинелями. Были и специальные походные вещи, например спальные шерстяные мешки с резиновым покрытием, которые не пропускали воду, а также резиновые надувные подушки и матрасы[2].

В ходе русско-японской войны большое распространение получили так называемые чемоданы-кровати. Подобные приспособления применялись и раньше, но именно в ходе рассматриваемого военного конфликта они показали свою эффективность и универсальность. Опишем самый известный в среде офицеров чемодан-кровать системы И.И.Гинтера. В сложенном виде он представлял собой покрытый брезентовым чехлом чемодан размерами 14,5 вершков х 8 вершков х 10 вершков и состоял из двух отделений. Первое из них представляло собой ящик для вещей, изготовленный из досок и фанеры. Он оклеивался парусиной, по краям обивался цинком, а откидная крышка запиралась на замок. Сама кровать конструировалась из деревянных брусков, соединявшимися между собой железными шарнирами, обеспечивавшими компактное складывание. Изголовьем служил небольшой щиток, который после складывания полевой кровати являлся верхней крышкой самого чемодана[3]. Раскладывание и складывание всей конструкции занимало около двух минут. Вес ее составлял 39 фунтов, т.е. около 15 кг.

---

[1] Воронович Н.В. Указ.соч. С. 25.

[2] Разведчик. 1904. № 694, С. 141.

[3] Русский инвалид. 1904. №51. Рекламное приложение к газете.

Кроме чемодана-кровати системы Гинтера на фронте встречались и другие подобные устройства: Антосевича, Любушкина, Хайнацкого, Мюллера и другие[1]. Все они имели одинаковый принцип конструкции, но отличались по весу, использованным материалам и компоновке составных частей.

В тылу существовали так называемые «офицерские этапы» для отправлявшихся на театр военных действий офицеров. Это были бараки или землянки, предназначенные для кратковременного пребывания с дальнейшим перенаправлением либо в действующую армию на передовые позиции, либо для службы в тылу. Бараки представляли из себя одноэтажные дощатые здания наполовину углубленные в землю. Такой барак делился на две части длинным коридором, по обе стороны от которого располагались комнаты на двух человек[2]. Землянки были рассчитаны на большое количество приезжающих при кратковременном пребывании в них[3], поэтому, по мнению современников, они были лишены «самых простых удобств»[4].

Кроме этого офицеры могли останавливаться в гостиницах. Практически все они располагались в Харбине, где было сосредоточено большинство тыловых учреждений, центральных складов и продовольственных магазинов, а также основных резервов русской армии. Они практически всегда были заполнены, поскольку предоставляли значительно лучшие условия проживания нежели «офицерские этапы»[5]. Правда, они тоже не отличались большим комфортом, за что их номера среди

[1] Разведчик. 1904. № 727. С.982.

[2] Максимовский Н. На войне. СПб., 1908. С. 4.

[3] Вестник Маньчжурских армий. 1904. № 114. С.2.

[4] Вересаев В.В. Указ.соч. С. 316.

[5] Вересаев В.В. Указ.соч. С. 316.

современников зачастую получали такие эпитеты как «грязные конуры»[1] или «жалкие чуланы»[2].

Для нужд тыла армии были открыты два общежития для офицеров резерва, а также занимающих нестроевые должности в тылу. Одно из них располагалось в бывшей гостинице недалеко от харбинского железнодорожного вокзала, другое – в казарме 17-го Восточно-сибирского полка в так называемом Новом городе. А.И.Писанецкий так описывает общежитие, переделанное из бывшей казармы: «Обширная, в несколько десятков сажен длины и несколько саженей ширины, казарма, разделенная арками на пролеты, была буквально переполнена топчанами, складными походными кроватями, сундуками, чемоданами… Вешалками для платья служили солдатские ружейные пирамиды, а столами всевозможные табуретки и ящики»[3].

Более состоятельные тыловые и штабные офицеры снимали жилье у местных жителей. Особо приближенные к штабам Наместника или Главнокомандующего жили в отдельных вагонах близи своего непосредственного начальника[4]. У генералитета наблюдалось стремление к роскоши, к комфортабельной жизни в тылу. Причем примеры подавало самое высокое начальство. Так, адмирал Алексеев был владельцем домов в Порт-Артуре, Дальнем и Мукдене. Также в его владении был поезд из 6 пульмановских вагонов[5], с «громадными салонами и столовыми для него самого и всего его штаба»[6]. Перед его поездом пускался пробный поезд, который должен был проверить исправность и безопасность пути. Адмирал Алексеев останавливался на ночь на станциях, и во время стоянки, на

---

[1] Адамович Б. Из походного журнала// Военный сборник. 1904. №11. С. 163.

[2] Вересаев В.В. Указ.соч. С. 316.

[3] Писанецкий А.И. Указ.соч. С. 214.

[4] Павлов Е.В. Указ.соч. С. 3.

[5] Грулев М.В. Указ.соч. С.157.

[6] Менье Р. Указ.соч. С.173.

станции не допускался дальше семафоров ни один поезд, всякое движение по станционным путям прекращалось.

Затем подобный поезд был придан штабу А.Н.Куропаткина. Он был обставлен «роскошной мебелью, коврами, люстрами»[1] и раздражал простых офицеров, вынужденных жить в гораздо более скромных условиях. На страницах «Русского инвалида»[2] сохранилось описание рабочего кабинета А.Н.Куропаткина: «Половина вагона поезда главнокомандующего… занята его кабинетом… С невысокого потолка свешиваются электрические бра. В задней стенке вделано огромное зеркало, на полу лежит мягкий с черными узорами ковер. Мебель обита плюшем. Мебель – это диван длинный с прямой спинкой, стоящий под зеркалом, еще такой же диван влево от входа и несколько тяжелых стульев. Немного – потому что и комната-вагон невелика, шагов 12 длины и 5-6 ширины. В ней 3 стола. Один большой, письменный стоит против зеркала, отступая на шаг от дивана. В нем и справа, и слева – масса бумаг. Синие папки, груды телеграмм, положенных одна на другую большой толщей – и среди этого чернильница, стаканы с перьями и карандаши. В противоположном конце у оконного фонаря 2 небольших стола. На одном груда планов, свертки бумаг, на другом тоже самое».

К лету 1905 г эта мода на личные поезда распространилась на всю армию, в результате чего почти все большие и комфортабельные пассажирские вагоны Южно-Маньчжурской железной дороги оказались занятыми под помещения начальников, а большую часть офицеров и пассажиров приходилось перевозить в товарных вагонах (их еще называли «скотскими»)[3].

В этом плане интересна история, которую рассказывали офицеры о генерале Гриппенберге: ему была прислана из России дойная корова. Вагон с ней был прицеплен в определенное место поезда, для чего был проведен

---

[1] Дружинин К.И. Указ.соч. С. 48.

[2] Русский инвалид. 1905. №20. С.4.

[3] Табурно И. Указ.соч. С. 173-174.

сложный маневр по перецепке. Потом выяснялось, что вагон установлен неверно, для чего пришлось его еще несколько раз переставлять с места на место. В это время прибывающие к станции составы были вынуждены находиться за семафорами, поскольку пути были заняты поездом генерала и его коровой[1].

Подобные контрасты роскоши главных квартир и высших чинов армии по сравнению с офицерским бытом на позициях сразу настраивали только прибывающих и воюющих на фронте офицеров против штабных чинов.

[1] Там же. С. 175.

§ 5. Развлечения офицеров

Досуг в повседневной жизни людей играет очень важную роль. Развлечения позволяют человеку отвлечься от повседневной рутины, проблем и сложностей. Особую актуальность этот аспект повседневности приобретает применительно к нашему исследованию, поскольку жизнь в условиях войны, когда на психику человека идет колоссальное давление из-за близости смерти, является тяжелой и в физическом плане, и в моральном. В связи с этим досуговые мероприятия и особенно праздники позволяли офицерам отвлечься, разгрузить психику, сбросить накопившиеся эмоции.

Каждая отдельная воинская часть имела свой ежегодно отмечавшийся праздник. Обычно это был день почитания православного святого, считавшегося покровителем полка[1]. Как правило, этот день являлся престольным праздником полковой церкви. Святой, в честь которого была освящена та или иная полковая церковь, выбирался по церковным законам деятелями церкви. Свои праздники имели также роты, эскадроны и батареи (дни почитания ротных образов). Сценарий торжества включал в себя молебен, парад, праздничный обед для офицеров и гостей, а также улучшенное довольствие для нижних чинов.

Различия в условиях жизни на позициях и в тылу диктовали различные варианты проведения подобных праздников. Вблизи линии фронта они проходили более скромно, т.к. противник был рядом. Вот как вспоминает один из таких праздников командир полка М.В.Грулев: «8-го сентября день нашего полкового праздника. Добыли мы кое-что к этому дню из Мукдена. Под руководством офицера нижние чины разукрасили гирляндами «мой домик», где предстояло принять немногочисленных приглашенных гостей. Задаваться многими приглашениями нельзя было: кто к нам поехал бы на передовую позицию, когда каждую минуту можно было воспринять невольно угощение шрапнелями и шимозами японцев; да и праздновать полковой

[1] Гефнер О.В. Указ.соч.. С.78.

праздник не думали вовсе, а хотелось просто скрасить сколько-нибудь этот день, выделив его из других…»[1]. Стоит отметить, что даже вблизи расположения противника, командование частей старалось создать атмосферу праздника, чтобы хотя бы ненадолго отвлечь мысли солдат и офицеров от опасностей боевых действий.

Совсем иная картина наблюдалась дальше вглубь позиций, где вероятность нападения японцев была ниже, а источники тылового снабжения находились ближе. Вот как описывает подобный праздник вдали от передовой вахмистр И.И.Жучин: «Для угощения господ офицеров… были расставлены столы, на которых были вина и приборы. Место… представляло вид маленького парка, да еще декорировано зеленью и цветами, все это производило на присутствующих восторг… первое, что в нем бросалось в глаза, это арка, украшенная живыми цветами. Над аркой красовался эскадронный флаг, по бокам арки были прикреплены щиты, связанные из гаоляна. Вход был устроен в виде зеленого коридора, вверху в виде сводов были устроены гирляндовые вензеля, украшенные китайскими розами, а между деревьями всюду были развешены китайские фонари… Господа офицеры скоро позвали песенников и хор трубачей. Все, кто здесь присутствовали, чувствовали себя, что они находятся не в далекой Маньчжурии, а как бы у себя дома на празднике со своими близкими и родными»[2].

Командование крупными соединениями, а зачастую и сам Главнокомандующий[3], присылал по случаю праздника подарки для личного состава. В основном это были продукты и алкоголь: для солдат водка, для офицеров более дорогие напитки, такие как коньяк, ликеры или вино[4]. Порядок празднования на войне мало чем отличался от того, который был

[1]Грулев М.В. Указ.соч. С.337.

[2]Жучин И.И. Из записной книжки вахмистра. Орел, 1909. С.87.

[3]Грулев М.В. Указ.соч. С.338.

[4]Там же. С.340.

принят в мирное время. Основными компонентами оставались молебен и обед[1]. Различие было, в основном, в значительном упрощении церемонии традиционного парада, зато большее внимание придавалось праздничному обеду.

В целом необходимо отметить, что в ходе войны командование армии, командиры крупных частей и соединений старались поддерживать моральный дух армии. Постоянные поражения негативно сказывались на настроении офицеров, поэтому военные традиции, почитаемые и строго соблюдаемые в мирное время, приобрели особое значение не только как способ отвлечься от тягостей войны, но и как возможность поднять боевой дух. Подобные мероприятия имели основной целью не столько соблюдение воинской традиции отдельной части, сколько отвлечение офицеров и солдат от рутины службы, военно-полевого быта и страха перед смертью. Это было важно, поскольку постоянные нагрузки на психику человека сильно меняли его отношение к жизни, к происходящему вокруг него. Возможность получить эмоциональную разгрузку в виде празднования значимого события, каким несомненно являлся полковой праздник, воспринималась современниками как нечто чрезвычайно важное и нужное.

Кроме этого широко отмечались крупные церковные даты, например Пасха (Приложение 7) и Рождество. На Пасху у китайцев в массовом порядке скупали яйца, являвшиеся и без того дорогим деликатесом[2]. Рождество праздновали также очень пышно, в штабах корпусов устраивали балы, на которые приглашали сестер милосердия из ближайших госпиталей[3]. Этих дней ждали и готовились к ним заранее.

Еще одним способом развлечения являлись театры (Приложение 8). Их устраивали в военных частях, актерами, сценаристами и режиссерами были сами офицеры. Ставили короткие пьесы, написанные непосредственно

[1] Оболенский В.В. Указ.соч. С. 81.

[2]Шикуц Ф.И. Указ.соч. С. 107.

[3]Нодо Л. Указ.соч. С. 125.

участниками боевых действий. Известны были и названия некоторых пьес: «Гимназист», «Доктор»[1]. В тылу, в Харбине во время войны действовало 6 профессиональных театров[2], ставивших, в основном, увеселительные и развлекательные произведения. Такой выбор репертуара объяснялся запросами аудитории, желавшей отвлечься от тягот службы. В Харбине осенью 1904 г. устраивал представления цирк Боровского[3], приехавший из Читы.

Достаточно редким развлечением и увлечением была фотография. У нас есть лишь косвенные данные об этом увлечении. В отчетах офицерских экономических обществ встречаются данные об отправке фотографических аппаратов и принадлежностей к ним на фронт, в частности, экономическое общество офицеров гвардейского корпуса направило в годы войны на фронт 44 фотоаппарата и соответствующего оборудования почти на 11 тысяч рублей[4]. Еще одним косвенным признаком стало также наличие в журналах того времени большого числа анонимных снимков, поскольку фотографии корреспондентов в номерах обычно были подписаны.

В тылу устраивались скачки на кавалерийских лошадях на призы Главнокомандующего. Размеры призов зависели от престижности того или иного заезда, и составляли от 5 до 300 рублей. Самой престижной скачкой была «трехверстная барьерная для лошадей всех стран и пород с ездоками-владельцами»[5].

Большое внимание офицеров привлекали новости, причем не сколько с фронтов[6], столько из России: «Ах, как дороги эти весточки», - вспоминал

---

[1] Русский инвалид. 1905. №35. С.5.

[2] Преснякова Л.В. Указ.соч. С.45.

[3] Адамович. Из походного журнала 1904. №11. С.163.

[4] Разведчик. 1906, №798. С.99.

[5] Вестник Маньчжурских армий. 1905. №357. С.2.

[6] Рэкули Р. Указ.соч. С.51-52.

корреспондент Н.Э.Гейнце[1]. Поэтому их ждали всегда с большим нетерпением, желая узнать, что происходит с их родными и близкими дома, а также что вообще происходит в мире за пределами театра военных действий. Способов связаться с домом было два: полевая почта и телеграф. При этом офицеры были ограничены в использовании этих средств из-за необходимости секретить большое количество информации об армии и флоте. На фронте и в тылу действовали военно-цензурные комиссии, которые давали разрешение на отправку телеграмм и писем. Комиссии находились в Мукдене и Харбине, а также при штабах 1-й, 2-й и 3-й Маньчжурских армий[2].

Все телеграммы должны были иметь «разрешительную печать»[3], т.е. печать части или учреждения, где проходил службу офицер. Кроме этого, если в сообщении даже косвенно упоминалась информация военного характера, то оно должно было проходить через военно-цензурную комиссию.

Письма из зоны боевых действий в Россию отправлялись без ограничений, а для отправления в другие страны необходимо было поставить на конверт печать части или военно-цензурного ведомства. Любые статьи, посылаемые в периодические издания, проходили обязательную проверку у цензоров. Получение корреспонденции через полевую почту или телеграф было свободным. В среднем доставка письма из Европейской части России в Маньчжурию занимала 23-30 дней[4], а телеграммы – 7-8[5]. Срок доставки зависел от множества факторов, среди которых основными были загруженность почтовых и телеграфных линий, отдаленность конкретной части от крупных узлов связи, а также обстановка на фронте.

---

[1]Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.277.

[2] РГВИА. Ф.400. Оп.4. Д.508. Л.32.

[3] Разведчик. 1905. №752. С.236.

[4] Вестник Маньчжурских армий. 1904. №151. С.3.

[5]Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.278.

Доставка писем и телеграмм в штабы полков или крупных отрядов производилась летучей почтой, состоящей из казаков. В городах разноски писем не существовало. Адресаты должны были сами узнавать о прибытии письма, которое хранилось в общей стопке на почте, разложенной по фамилиям в алфавитном порядке.

Корреспонденция часто терялась. Иногда офицеры получали одновременно по 2-3 письма, отправленных в разные сроки[1]. Цензурные комиссии работали очень медленно[2], надолго задерживая сообщение между офицерами и их родными, корреспондентами и издательствами. Многим приходилось пользоваться связями, чтобы отправить свое сообщение или идти на обман: статьи отправляли обычными письмами, а не специальными бандеролями, подлежащими проверке[3].

Периодические издания также приходили с большим опозданием[4], причем не только из России, но и местные[5] – газеты «Вестник Маньчжурских армии» и «Харбинский вестник». Потребность в свежих новостях была весьма значительна. Многие современники писали об этом, вот цитата из воспоминаний Н.В.Вороновича: «На каждой большой станции мы бросались к книжному киоску и покупали свежие газеты, впиваясь глазами в телеграммы Главнокомандующего»[6]. Или другой отрывок военного корреспондента Н.Э.Гейнце: «На станциях в Ляояне и Мукдене, в помещении, где продаются отдельные номера «Харбинского Вестника» и «Вестника Маньчжурских армий», эти номера берутся прямо с бою»[7].

---

[1]Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.278.

[2]Рэкули Р. Указ.соч. С.114.

[3] Адамович . Из походного журнала// Военный сборник. 1904. №12. С.163-164.

[4]Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.276.

[5] Вестник Маньчжурских армий. 1905. №151. С.3

[6] Воронович Н.В. Указ.соч. С.18.

[7]Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.277.

Однако, несмотря на то, что местные газеты издавались быстрее и попадали в руки раньше, чем столичные, офицеры предпочитали дождаться центральных газет, поскольку там, по их мнению, информация была более достоверной. Это происходило из-за того, что все важные известия концентрировались в штабах и оттуда уже шли в редакции в Россию, кроме того, цензура местной печати была жестче, а сами издания находились в ведении штаба главнокомандующего и не давали точного представления о положении дел на фронте[1]. Многое скрывалось. Об этом свидетельствуют источники: «…трудно было выяснить действительное положение на фронте. В них [газетах – Л.Ч.] говорилось об отдельных маловажных эпизодах: о геройском подвиге какой-либо охотничьей команды, о лихом отражении японской атаки на какую-то сопку, или о пленении одного японского офицера»[2]. Ждали газет из России «как более полных»[3].

На фронт попадали такие газеты и журналы как «Новое время», «Русский инвалид», «Московские ведомости», «Русское слово», «Петербургская газета», «Русский инвалид», «Русский врач», «Южная Россия», «Южный телеграф», «Русские ведомости», «Саратовский листок», «Нива»[4]. Периодические издания, как правило, отправляли сами издательства бесплатно. Они попадали сначала в редакцию «Вестника Маньчжурских армий», а затем распространялись по штабам крупных частей, находившихся на фронте, и по госпиталям.

Большое число общественных организаций посылало на фронт книги. Люди жертвовали свои книги и журналы, которые потом сортировались, упаковывались в ящики или тюки, высылались на фронт и распределялись по

---

[1]Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.277.

[2] Воронович Н.В. Указ.соч. С.18.

[3] Гейнце Н.Э. Указ.соч. С.277.

[4] Вестник Маньчжурских армий. 1904. №94. С.4; Вестник Маньчжурских армий. 1904. №114. С.2.

частям и лазаретам[1]. Например, комитет Пушкинского лицейского общества по сбору книг для раненых составил около 50 специальных офицерских библиотечек, в каждую из которых вошли: Евангелие, молитвослов, карта Маньчжурии, годовой комплект одного из исторических журналов, годовой комплект «Нивы» и 12 томов художественной литературы, которые удалось собрать[2]. Подобные библиотеки существовали при штабах, поэтому офицеры, находившиеся далеко от расположения штаба, были лишены возможности пользоваться ими.

В армии была распространена карточная игра. Самыми известными были «штос»[3] и «макао»[4]. Такой популярностью они пользовалась из-за сравнительной простоты – необходимы были лишь несколько колод карт. Правила не были сложными: в той и другой игре практически все зависело от везения и готовности рисковать, а не от опыта. Количество игроков не регламентировалось, что делало возможным составление партии для игры из любого количества желающих. К тому же игры были азартными, т.е. ставки принимались только деньгами.

Необходимо затронуть вопрос об употреблении алкоголя офицерами. Алкоголь оказывал разностороннее воздействие на организм и психику человека в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки[5]. Кому-то он помогал забыться, кому-то – расслабиться. Кто-то пил, потому что кроме этого, больше не было развлечений.

В русской и европейской печати было распространено мнение, что русские офицеры слишком много употребляли алкогольные напитки. Против этого возражает барон Теттау, который утверждает, что офицеры очень редко позволяли себе пить на позициях, главным образом потому, что водка, вино и

---

[1] Русский инвалид. 1904. №85. С.6.

[2] Разведчик. 1904. №716. С.734.

[3]Грулев М.В. Указ.соч. С.333-334.

[4]Нефортунатов Н.И. Указ.соч. С.62.

[5]Сенявская Е.С. Указ.соч. С.82.

шампанское на линии фронта были очень дорогими. Однако он замечает, что в тылу армии, чаще всего современники упоминают именно Харбин, когда речь заходит о неумеренном пьянстве, все было по-другому: «Там царила разнузданная жизнь, но это были уродливые явления, которые неминуемы в такую продолжительную войну»[1]. При этом он делал вывод, что в общем в русской армии пили не больше, чем в других армиях Европы.

Подобные мысли высказывали и некоторые русские современники. А.М.Волконский утверждал, что, проехав по железной дороге по тылам армии, он не видел «ни одного пьяного»[2]. На передовой, по словам Е.И.Мартынова, офицеры не могли себе позволить пить много алкоголя по причине его дефицита и «страшной дороговизны»[3], заставлявшей офицеров воздерживаться от частого употребления спиртных напитков.

Однако в большинстве источников вопросы, связанные с употреблением алкоголя, рассматривались совсем иначе. Приведем несколько случаев, описанных Л.Нодо. В одном из разговоров с французским лейтенантом Бюртэном он приводил такую его фразу: «Русские офицеры – славные ребята. Жаль лишь, что их единственное наслаждение – глотать спирт. С ними нельзя иначе сойтись, если не со стаканом в руке»[4]. Вот еще один случай с Л.Нодо: «16 января. Провел 2 часа в Мукдене в лавочке устроившегося там купца. Беспрерывное шествие офицеров: «У вас есть шампанское?», «У вас есть коньяк?». Шампанское и коньяк! Они ничего не покупают, кроме этого»[5].

Особенно часто подобные факты встречались при описании тыла армии: «…приходилось наталкиваться на пьяных офицеров, валявшихся днем на

---

[1]Теттау фон Э. Куропаткин и его помощники. Поучение и выводы из русско-японской войны. С.123.

[2] Волконский А.М. Война, печать и общество. СПб., 1905. С.17.

[3] Мартынов Е.И. Указ.соч. С.143.

[4]Нодо Л. Указ.соч. С.124.

[5] Там же. С.129.

улице, ехавших на извозчиках поперек дрожек...»[1]. Часто центрами алкоголизации становились буфеты на вокзальных станциях[2], а также многочисленные заведения крупных городов, такие как Ляоян, Мукден и Харбин[3], где располагались штабы, крупные рынки, склады и прочие важные для армии учреждения.

Наибольшей популярностью пользовалась русская водка, а также «ханшин» или «ханша» - китайская рисовая водка. Первая в массовом количестве завозилась из России, вторую покупали у местных китайских крестьян. Кроме этого на театр боевых действий доставлялись вино, ром и коньяк. Распространение получило шанхайское шампанское «шиппи-шиппи»[4], как называли его сами китайцы. Встречалось множество подделок, которые заключались в фабрикации низкокачественного алкоголя, выпускавшегося под марками известных мировых брендов: «Martell», «Boutelleau», «Foucauld», «BlackHead»[5]. На этикетках в названии меняли одну букву и продавали по цене настоящего фирменного алкоголя. Водку подделывали, наливая в бутыли и жестянки обычную воду. Подделки производились в основном в Шанхае[6] и в самом Мукдене, а затем привозились в расположении армии местными китайскими торговцами.

Потребление спиртных, а нередко даже спиртосодержащих (например, в госпиталях, где находилось большое число различных лекарств, микстур, имеющих спиртовую основу) напитков в военное время было гораздо выше, чем в мирное, что объясняется постоянными стрессами от нахождения в условиях войны. Пьянство в данном случае выступало как своеобразный рефлекс, защитная реакция психики человека.

---

[1] РГВИА. Ф.400. Оп.10. Д.456. Л.23.

[2]Купчинский Ф. Указ.соч. С.30.

[3]Там же. С.13

[4] Немирович-Данченко В.И. Указ.соч. С. 117.

[5] Вестник Маньчжурских армий. 1905. №171. С.2.

[6]Грулев М.В.. Указ.соч. С. 339.

Командование армии пыталось бороться с проблемой чрезмерного потребления спиртных напитков. В тылу были выпущены приказы, по которым вводились серьезные ограничения на продажу водки. Этот запрет обходили или не обращали на него внимания. В Харбине, например, в заведениях подавали водку в лимонадных бутылках[1]. Самим офицерам за пьянство грозил арест на 30 суток. Однако многие соглашались отсидеть положенный срок, чем находиться в это время на позициях в окопах или палатках[2]. Также были введены ограничения по ввозу спиртных напитков на территорию Маньчжурии. Торговцам, желавшим привезти на театр военных действий алкоголь, было необходимо получить специальное удостоверение[3], в котором прописывалось место хранения алкогольной продукции и срок действия выданного документа.

Необходимо коснуться вопроса, о котором в то время не было принято говорить громко, т.е. о женщинах на войне. Современники много писали об этом. В.В.Вересаев вспоминал на страницах своих мемуаров: «Сестры [милосердия – Л.Ч.] были единственным женским элементом в огромном скопище здоровых, крепких, лишенных женщин мужчин. Как всегда в армиях на войне, голод по женщине был громадный. Простая возможность побыть полчаса в женском обществе ценилась офицерами чрезвычайно высоко»[4]. Этот же военный врач оставил своеобразную типизацию медицинских сестер. Большинство из них ехало на войну для того, чтобы работать в госпиталях и лазаретах, помогая раненым и выполняя свои прямые обязанности. Другой категорией были жены крупных военачальников, которые «всю свою деятельность здесь… превращали в один сплошной, веселый и оригинальный пикник со штабными генералами и

[1]Купчинский Ф. Указ.соч. С. 25

[2] РГВИА. Ф.400. Оп.10. Д.456. Л.23-24.

[3] РГВИА. Ф.14390. Оп.3. Д.76. Л.20.

[4] Вересаев В.В. Указ.соч. С.517.

офицерами»[1]. Некоторые из последних привозили на театр военных действий не только законных жен, но и тех, кто к семье не принадлежал. Проезд в Маньчжурию частных лиц, в отличие от военных и их родственников, был значительно ограничен по распоряжениям военного времени, поэтому офицеры выдавали подобных женщин за своих родственниц[2].

Среди сестер милосердия, находившихся при госпиталях, была еще одна категория женщин, которых называли «маргариновыми сестрами». Это были жёны разных чинов армии, записавшиеся в сёстры милосердия, чтобы быть ближе к своим мужьям. В.В.Вересаев писал о них, что «во время боя, когда сестры наиболее нужны, они были ни на что не годны. Естественно, все их помыслы в это время были только о муже, — где он, жив ли? Приходила весть, что муж убит или ранен, — и сестре совсем уж было не до окружающих»[3]. Корреспондент И.Табурно отзывался о них очень похожими словами: «Эти сёстры-жёны, не приносящие никакой пользы делу подачи помощи раненым, приносят своим присутствием в армии большой вред. Во время затишья молодые офицеры ухаживают за жёнами своих начальников, мужья ревнуют, нервничают, а офицеры пренебрегают своим делом. Во время сражений жёны тревожатся за своих мужей, мужья за жён, по несколько раз в день посылаются нарочные с записками о здоровье»[4].

Однако В.В.Вересаев, рассказав о трех своеобразных категориях женщин, не упомянул о четвертой. Нам кажется целесообразным привести цитату И.Табурно об этой категории: «Что мне сказать о сёстрах милосердия? Вопрос этот очень щекотливый …Присутствие женщин на передовых позициях имеет свои большие отрицательные стороны; я не стану здесь распространяться о них, а скажу лишь одно, что сестёр милосердия должно держать исключительно в санитарно-медицинских учреждениях,

[1] Вересаев В. В. Указ.соч. С.518.

[2]РГВИА. Ф.14390. Оп.3. Д.76. Л.44-45.

[3] Вересаев В.В. Указ.соч. С.518.

[4]Табурно И. Указ.соч. С.123.

находящихся в тылу… Как только будет установлен этот порядок, некоторое число «сестриц» оставит своё новое призвание и возвратится на родину к прежним занятиям, и от этого институт сестёр милосердия только выиграет и оздоровеет»[1]. Иначе говоря, речь шла о женщинах легкого поведения, приезжавших на театр военных действий под видом сестер милосердия. Большинство из них оставалось в тылу, предпочитая находить своих клиентов в питейных заведениях крупных городов: Харбина, Мукдена, Ляояна.

Публичные дома китайцы устраивали в этих же крупных городах. Они, как правило, располагались на окраинах в обыкновенных фанзах, разделенных на отдельные комнаты, в которых посетителей ждали «китайска мадама, которые шибко шанго [очень хорошие – Л.Ч.]»[2]. Современники описывали подобные заведения как «убогие балаганы»[3], маленькие грязные заведения с неприятными запахами внутри[4]. При этом, упоминания о китайских домах терпимости встречается в источниках довольно часто, что, несмотря на отрицательные отзывы офицеров о них, говорит об их популярности в годы войны.

Интересной особенностью армии являлись практически установленные цены на женщин определенной профессии. Например, в Харбине были устоявшиеся цены в публичных домах были таковы: полчаса стоили 5 рублей, час – 10 рублей, ночь - от 40 до 50[5]. Ближе к фронту цены были существенно выше. Например, в Мукдене ближе к зиме 1905 года часовой визит в публичный дом стоил 25 рублей[6], т.е. в 2,5 раза дороже, чем в глубоком тылу.

---

[1] См: Табурно И. Указ.соч. С.121.

[2] Вересаев В.В. Указ.соч. С.407.

[3]Кравков В.П. Указ.соч. С. 259.

[4] Оболенский В.В. Указ.соч. С. 81.

[5]Купчинский Ф. Указ.соч. С.12.

[6] Оболенский В.В. Указ.соч. С.81.

* * *

Военное министерство очень мало заботилось об обеспечении офицеров. В большинстве случаев они одевались, вооружались, обеспечивали себя походным имуществом за собственный счет. По этой причине, оказавшись в Маньчжурии на длительный срок и не будучи готовы к таким климатическим условиям, многие из них испытывали значительные трудности в приобретении дополнительного обмундирования, а также утраченных или износившихся элементов экипировки. По мере втягивания в войну значительных сил, масштаб этих проблем увеличился, что заставило командование крупными частями, а также и непосредственно Главнокомандующего ослабить требования к внешнему виду офицеров и разрешить им использовать то обмундирование, которые они были в состоянии достать на местах.

К этому добавилась проблема с обмундированием, появившаяся в исследуемый период не только русской армии, но и вооруженных сил других стран. Оказалось, что существующая униформа при современном развитии материальной части стрелкового и артиллерийского вооружения и, соответственно, тактике на поле боя, слишком заметна, что приводило к значительным потерям. В ходе войны не только офицеры, но и рядовые постепенно меняли элементы униформы или перекрашивали ее в защитный цвет «хаки». В отличие от одежды, снабжение оружием и боеприпасами было налажено лучше: их старались доставить в войска в первую очередь.

Офицеры имели право привозить с собой на театр военных действий личные вещи, не предусмотренные уставом. Как правило, они старались упаковывать их компактно, из-за чего на фронте получили распространение так называемые полевые багажи, которые сочетали в себе оборудованное спальное место и набор предметов, необходимых в быту. В связи с тем, что информационное обеспечение офицерского корпуса было слабым, многие из отправлявшихся на войну попадали в Маньчжурию без необходимых там вещей, в частности, не привозили защищающую от влаги прорезиненную

одежду. В итоге многое приходилось покупать уже в Маньчжурии. На Дальнем Востоке к услугам офицеров были частные торговцы, маркитанты и представители офицерских экономических обществ, продававших товары в текущих условиях войны.

Питаться офицеры должны были за свой счет, но вскоре после начала боевых действий интендантством им стал выделяться паек, схожий с тем, который полагался нижним чинам. Большим достижением стало принятие в русской армии полевой офицерской кухни, обеспечивавшей приготовление горячей еды рядом с линией фронта. В тылу функционировали столовые, буфеты и рестораны. Качество питания вдали от линии фронта было гораздо выше, меню также было разнообразнее. В значительной степени качество питания из-за высоких цен на продукты зависело не только от места службы, но и финансовой обеспеченности офицеров.

Проблема расквартирования войск в той или иной степени была успешно решена командованием. Жилье для армии обеспечивалось главным образом за счет населения Маньчжурии. Войска, где это было возможно, размещались в деревнях и городах. Если китайских домов не было, то использовались палатки военного образца. В плане жилья положение нижних и командных чинов на фронте отличалось не очень значительно: палатки офицеров были больше, а занимаемые ими фанзы принадлежали как правило самым богатым жителям деревень. Зимой русские войска устраивали хорошо утепленные стоянки, высоко оцененные современниками. В тылу условия проживания были иными. Существовали офицерские бараки, гостиницы и общежития. Также был распространен наем жилья у местных жителей. Штабные офицеры жили лучше, чем полевые. Особенно это касалось высших чинов армии, располагавшихся с гораздо большим комфортом, чем это было доступно большей части армии.

Развлечения офицеров были различными, причем мы можем вывести определенную закономерность: чем дальше от линии фронта располагалась часть, тем более вариативным был досуг офицеров. На передовых позициях

основным видом досуга были, как правило, употребление алкоголя и игра в карты, тогда как в тылу организовывались концерты, театральные представления и даже балы. Проведение досуга сильно зависело от обстановки на фронте, финансового состояния офицера, но главным было географическое расположение места службы: на передовых позициях или в тылу, особенно в городах, где располагались штабы и тыловые учреждения.

Необходимо отметить, что японцы были гораздо лучше готовы к войне, поэтому часть проблем, с которыми столкнулись русские войска, им была незнакома. В частности, в сфере обмундирования японцы, лучше зная театр военных действий, превзошли своих оппонентов. При этом обеим армиям пришлось заменить часть своей униформы, что было связано с необходимостью камуфлироваться, но японцы в этом аспекте пострадали меньше. Обратная ситуация наблюдалась в вопросах питания. В более выгодном положении находились русские, т.к. в тех условиях, когда японцы в ходе боевых действий выдавливали противника с юга на север, она оказывались на практически разоренных землях, где продовольствия было немного, поэтому основным источником снабжения пищей стала сама Япония. В примерно равном положении стороны находились в вопросах обеспечения офицеров жильем, поскольку, если продовольствие истощалось быстро, то сохранившиеся населенные пункты служили жилищем обеим армиям, а при их отсутствии использовались палатки.

Глава 3. НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОФИЦЕРОВ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ

§ 1. Социальный облик офицеров Маньчжурской армии

Социальная структура Российской империи оставила свой след на облике армии, которая была зеркальным отражением всего российского общества. 90% нижних чинов были выходцами из крестьян, рабочих и ремесленников. При этом по данным на 1900 год на каждые 1000 солдат приходилось 521 неграмотный. В Германии, к примеру, где существовало всеобщее начальное образование, это соотношение было – 100 к 0,06, т.е на 100 человек 0,6 неграмотных. Наиболее высокий процент грамотных был в артиллерии и инженерных частях, самый низкий – в пехоте. Это крайне негативно сказывалось на военной подготовке и обучении русских войск[1]. В комплектовании русской армии офицерским составом действовал сословный принцип: более 50% обер- и штаб-офицеров, а также около 90% генералов были потомственными дворянами. По сути русское офицерство в исследуемый период по-прежнему представляло собой замкнутую касту[2].

Такой социальный антагонизм, когда большая часть командного состава была дворянами, а большая часть нижних чинов – представителями непривилегированных сословий накладывали отпечаток на взаимоотношения рядовых и офицеров: нижние чины относились к своим командирам как к «барам»[3], а офицеры, в свою очередь, редко принимали в свою среду произведенных в прапорщики и зауряд-прапорщики унтер-офицеров. Все же во время русско-японской войны в Маньчжурской армии процент дворян был ниже, чем в других частях империи. Это было вызвано острой нехваткой командных кадров и невозможностью в силу внешнеполитических причин,

[1]Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Указ.соч. С.123

[2]Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой Мировой войной // Вопросы истории, 1981, №4. С.22.

[3] Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.443.

угрозы Германии и Австро-Венгрии с запада, командировать большое число офицеров из Европейской части России, ослабляя расквартированные там части. В армию были направлены вызванные из запаса чиновники, служившие по гражданской части, адвокаты, учителя, студенты гражданских учебных заведений, прошедшие специальные военно-училищные курсы[1].

В России вместо национальности обычно указывали вероисповедание, поэтому национальную принадлежность офицеров можно определить лишь приблизительно. Первые данные о национальной принадлежности появились уже после войны[2]. Поэтому мы можем только предположить, что подавляющее число офицеров, около 85%, были русскими[3]. В то время «русскими» считались не только этническое русское население, но и украинцы и белорусы. На Дальнем Востоке в годы войны не было регулярных частей, сформированных полностью из нерусского населения. Это в целом, вписывалось в общую тенденцию формирования национального состава армии, когда различные этнические группы, например, киргизы, таджики и узбеки[4], были освобождены от воинской повинности и, соответственно, не подлежала мобилизации. Отдельную группу составляли казаки, которых нельзя причислить ни к одной национальности.

Обратимся к вопросам подготовки офицеров русской армии. К концу XIX века система военно-учебных заведений имела четырехступенчатую структуру.

Первой ступенью являлись военные школы. Там получали начальное образование для дальнейшей военной карьеры дети беднейших дворян и заслуженных нижних чинов. Они готовили детей к продолжению учебы в юнкерских училищах. Они имели низкий уровень подготовки, в связи с чем в

---

[1]Апушкин В.А. Указ.соч. С. 73.

[2] Зайончковский П.А. Указ.соч. С.22.

[3]Военно-статистический ежегодник за 1910. СПб., 1911. С.173.

[4]Хаген фон М. Указ.соч. С.41.

начале XX века число образовательных учреждений такого типа сокращалось.

Вторая ступень – группа военно-учебных заведений, дававшие среднее образование. В них входили до 80-х годов XIX века военные гимназии, а затем, после проведенных Александром III реформ, - кадетские корпуса. В этих заведениях, по сравнению с предыдущей ступенью, увеличивалось количество времени на строевую подготовку и специальные предметы, призванные подготовить выпускников к поступлению в военные и юнкерские училища. Также, помимо преподавателей там был введен институт офицеров-воспитателей, готовивших кадет в психологическом плане к будущей учебе и службе. Подобный тип военно-учебных заведений преследовал две основных цели: дать среднее образование кадетам и приучить к военной дисциплине. Специальных военных навыков, помимо основ строевой подготовки и знакомства с военным делом, эти учреждения не давали.

Окончив военные гимназии или кадетские корпуса, кадеты поступали в военные училища. Это была третья ступень военного образования России. Именно там готовили кадровых офицеров низшего звена. Всего было два типа таких учебных заведений: военные училища и юнкерские училища. Военные училища, имели более однородный состав по образованию, так как комплектовались они юношами, окончившими кадетские корпуса и поэтому бывшими по преимуществу дворянами. Юнкерские училища предназначались для молодых людей всех сословий. Значительная часть поступавших в них не имела законченного среднего образования, что придало этим училищам характер второсортности. Военные училища готовили офицеров во все роды оружия, а лучшие выпускники направлялись в артиллерийские и инженерные войска[1].

[1] Морозов С.Д. Военное образование в России на рубеже XIX-XX вв. // Военно-исторический журнал. 2008. №4. С.85

Срок обучения в военных и юнкерских училищах составлял 2 года, за время которых обучающиеся получали навыки, необходимые будущему офицеру. За время учебы будущий офицер проходил два лагерных сбора. Иными словами, за весь срок обучения проводилось всего два полевых выхода, которые являлись фактически той практикой, которая должна была закрепить полученные знания. Хотя после 1901 года часть училищ была переведена на трехгодичный срок обучения, который значительно увеличивал образовательную нагрузку, первые выпускники, учившиеся по новой программе, не успели поучаствовать в войне с Японией.

Кроме общевойсковых военных и юнкерских училищ, в системе военного образования России находилось еще несколько средних специальных военно-учебных заведений. Речь, прежде всего об артиллерийских училищах, готовивших офицеров соответствующего рода войск, инженерном училище, выпускавших специалистов в области фортификации, подрывного дела и других, связанных с ними специальностей, а также топографическое училище, готовившее будущих военных топографов. Необходимо отметить, что во время войны среди командного состава особо остро ощущалась нехватка узкопрофильных специалистов. Об этом говорит хотя бы тот факт, что часто выпускники Николаевской академии генерального штаба, командированные на фронт, не командовали участвовавшими в боях подразделениями, а занимались составлением карт местностей и фортификационными работами.

Четвертая ступень – высшие военные учебные заведения. Офицеров с высшим образованием было всего 2% от общего числа, и готовили их в нескольких военных академиях, куда доступ был ограничен определенным образовательным и послужным цензом[1], а также сложным отбором через систему вступительных экзаменов.

[1] Панин И.Г. Указ.соч. С.5.

Основным из военных вузов являлась Николаевская академия Генерального штаба. Она состояла из двух отделений – общего и геодезического. На общее отделение прием велся ежегодно, а на геодезическое – раз в два года. Для поступления на общее отделение офицеру необходимо было прослужить в строю 4 года (исключая время службы на нестроевых должностях), а на геодезическое – 2 года. Кроме этого, желающие поступить в Академию должны были быть не моложе 18 лет и в чинах не старше капитана армии и штабс-капитана гвардии, артиллерии и саперных частей. По воспоминаниям А.И.Деникина, конкурс в Академию выражался приблизительно такими цифрами: при округах держало экзамен около 1500 офицеров; в Петербург на экзамены являлось 400–550; поступало 140–150; на дополнительный курс академии переходило 100; причислялось к Генеральному штабу 50[1]. Срок основного обучения длился два года: теоретический и практический классы. После 2-го курса офицеры выпускались в войска, а лучшие поступали на дополнительный курс, и лишь окончившие его могли быть причислены к Генеральному штабу. Кроме этого существовал отбор и среди офицеров, окончивших дополнительный курс. Таким образом, в различные службы Генерального, а затем и Главного штабов из Николаевской академии генерального штаба выходило меньше десятой части от желавших поступить в первый класс Академии.

Другими военными высшими учебными военными заведениями были Михайловская артиллерийская академия, Николаевская инженерная академия, Военно-юридическая академия и Военно-медицинская академия. Эти образовательные учреждения по схеме обучения были схожи с главным военным вузом страны, но имели свои особенности, связанные со спецификой преподаваемых предметов. Общей их чертой можно назвать излишнюю академичность процесса обучения, когда офицеры изучали свои

[1]Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С.141.

предметы только в теории, поэтому сталкивались со сложностями, когда необходимо было применять их на практике[1].

Офицеры с высшим образованием к непосредственному командованию войсками в Маньчжурской армии практически не допускались[2]: их как правило оставляли при штабах[3]. Например, выпускник Николаевской Академии генерального штаба граф А.А.Игнатьев занимался составлением карт местности, выполнял функции адъютанта А.Н.Куропаткина и в боях участия не принимал.

Подготовка офицеров запаса, т.е. офицеров, кто уже отслужил срочную службу армии (от четырех лет до полугода в зависимости от уровня образования) и уволился в запас, была очень слабой. Фактически она ограничивалась только несколькими летними лагерными сборами, когда запасные должны были явиться в часть, к которой они были определены мобилизационным планом, и отбыть там определенный срок на должностях младших офицеров[4]. При этом велик был процент неявки на сборы(около 33%[5]) по различным причинам. В ходе войны обнаружились серьезные недостатки в подготовке запасных: незнание современной тактики, техники, оружия, слабые морально-психологические качества, часто сопровождавшееся нежеланием служить на передовой и стремлением уйти в тыл. Все это привело к тому, что на запасных офицеров как на боевых

---

[1] Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.381.

[2] Игнатьев А.А. Указ.соч. С.165.

[3] Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.383.

[4] Зуев М.Н. К вопросу о подготовке офицеров запаса в России. Конец XIX-начало XX века // Военно-исторический журнал. 2008. №2. С. 47.

[5] Кунжаров Е.М. Подготовка офицеров запаса в Российской империи в конце XIX-начале XX вв. (на материалах Восточной Сибири) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. №2. С.77.

товарищей не очень рассчитывали, относились с презрением. Практически все современники отмечали отрицательные качества призванных из запаса[1].

Японская система военного образования была схожа с русской. Она тоже была трехступенчатой. Однако военная подготовка начиналась, как и в России, со школы, где помимо гимнастики существовали специальные предметы: строевая подготовка без оружия, а в некоторых учебных заведениях – с оружием.

Первой ступенью были кадетские школы, куда после получения начального образования поступали юноши 13 и 14 лет. Курс обучения здесь длился 3 года, по окончанию которых воспитанники, будущие офицеры, переходили в центральную школу в Токио еще на два года. За это время они были обязаны отслужить шестимесячный срок в полках и затем получали право на поступление по экзамену в военное училище.

Основную нагрузку по обучению будущих офицеров несли на себе военные офицерские училища, являвшиеся второй ступенью военного образования Японии. Туда поступали после окончания кадетских курсов.

Еще одним источником пополнения училищ были выпускники одногодичных курсов из вольноопределяющихся, служивших в войсках и числившихся кандидатами на звание офицера. Звание кандидата в офицеры мог получить молодой человек, имевший начальное образование, а также разрешение командира части, где он проходил службу[2]. Иными словами, подобный путь был предусмотрен для тех, кто, имея образование, не учился в кадетских школах.

Военные офицерские училища были двухгодичными[3]. Успешно окончившие этот курс командировались на испытание в войсковые части.

---

[1] См., например, Нодо Л. Указ.соч. С.127; Соловьев Л.З. Указ.соч. С.38-40

[2]Блюзе Р. Указ.соч. С.23.

[3] Японская армия. Ее формы, организация, распределение по родам войск, оружие и численность. С.8.

Впоследствии они могли быть произведены в офицеры, если офицерское общество офицеров и командир не возражали против этого[1].

Третьей ступенью японского военного образования были высшие учебные заведения, основным из которых являлась школа офицеров генерального штаба или Военная академия. Она служила для подготовки офицеров к службе в войсковых штабах, а также для создания кадров преподавателей военно-учебных заведений. Состав этого учебного заведения комплектовался только из тех офицеров, которые успешно закончили военные училища и после этого прослужили два года в армии[2]. Набор проводился на конкурсной основе. Курс академии был трехлетним, в течение которого обучающиеся были обязаны во время маневров пробыть определенное время в воинских частях для ознакомления с разными родами войск[3].

Помимо Военной академии в третью ступень обучения входило несколько специальных школ: артиллерийская и инженерная школа, школы стрельбы полевой и тяжелой артиллерии, а также кавалерийская школа. В них обучались по три года с обязательной сдачей промежуточных экзаменов. Набор в них, как и в Военную академию, проводился из офицеров, уже имевших опыт военной службы.

В эту трёхступенчатую систему входило еще несколько вспомогательных учебных учреждений, готовивших узкопрофильных специалистов: интендантов, военных медиков, военных ветеринаров, саперов, топографов[4].

В целом при похожем строении системы военно-учебных заведений, японцы уклон делали на практическую сторону обучения и на привыкание

---

[1]Блюзе Р. Указ.соч. С.23.

[2] Ермилов Н. Указ.соч. С.26.

[3]Блюзе Р. Указ.соч. С.26.

[4] Японская армия. Ее формы, организация, распределение по родам войск, оружие и численность. С.8.

будущих офицеров к условиям службы. Кроме этого, в отличие от русской армии, где, по словам Н.М.Левина, подготовка практически заканчивалась в военном училище[1], японцы старались и после учебы совершенствовать боевую подготовку[2]. В годы войны, когда бывали длительные перерывы между боями, различные военные части действующей армии участвовали в маневрах и учениях. Это приводило к тому, что наблюдатели[3], имевшие возможность сравнивать обе враждующие стороны, отмечали инициативу, предприимчивость и смекалку японцев, которые выгодно отличались от более закрытых и прямолинейных русских офицеров. Только после войны командование вооруженными силами сделало выводы из тех поражений, которые войска терпели на протяжении всей кампании, и увеличили количество практических занятий в войсках.

Слабые стороны образования и подготовки командного состава в мирное время приводили к большим нареканиям на действия офицерского корпуса во время войны в целом[4]. Вот какую характеристику дает русским офицерам швейцарский полковник Ф.Герч: «Главный контингент офицеров стоит не на очень высокой ступени развития; военное обучение идет по шаблону, поэтому офицеры лишены инициативы. Исключение найдется разве что среди некоторых генералов и гвардейских офицеров[5]. У высших начальников даже в бою часто выделяются личные интересы, что является

---

[1] Левин Н. Указ.соч. С.8.

[2] Дани А. Пехота I японской армии во время войны с Россией // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.9. СПб., 1907. С.3.

[3] См., например: Барцини А. Указ.соч. С.72-73.

[4]Изонов В.В. Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. №10. С.169.

[5]Скорее всего, Ф.Герч подразумевал генерала Линевича, которому практически все современники дают положительную характеристику. Вероятно имеются в виду офицеры-выпускники Николаевской Академии генерального штаба.

помехой для совместных действий…»[1]. Примерно также оценивал уровень офицерских кадров и сам А.Н.Куропаткин: «главным свойством нашего командного состава было отсутствие инициативы, неумение вести наступательный бой и недостаток устойчивости….даже лучшие начальники находили более выгодным, если наступать начнет сосед, а сами они будут только поддерживать…если кого-нибудь теснили, соседи вместо того, чтобы помочь…уходили»[2]. В похожем ключе высказываются и другие участники войны[3]. Многие из них упрекали в подобном поведении и А.Н.Куропаткина. Подобные свидетельства говорят о некой неуверенности командного состава, боязни взять ответственность на себя, безынициативности, стремлении при возможности выйти из боя. Это было следствием слабой подготовки, боязни выговора со стороны начальства. При этом современники отмечали, что уровень подготовки низшего и среднего командного звена был лучше, чем уровень квалификации высшего командного состава[4].

---

[1]Герч Ф. Сражение на Шахэ. Извлечено из второй части сочинения полковника швейцарской службы Герч, состоявшего при армии Куроки // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.29. СПб., 1911. С.29.

[2] Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.381.

[3] См., например: Бардонно Ж. Критический разбор главнейших боев первого периода войны: из кн. подполк. Бардонно «От Ялу до Ляояна» // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.21. СПб., 1909. С.19; Трейншверт фон А.К. Действия пехоты в освещении русско-японской войны капитана австрийского генерального штаба Аладора Кнебеля фон Трейшверта // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.6. СПб., 1907. С.4.

[4] Парский Д. Причины наших неудач в войне с Японией. СПб., 1906. С.16-17.

§ 2. Специфика комплектования офицерского состава и отношения между офицерами как отражение нематериальных аспектов повседневности

К началу войны Россия имела на Дальнем Востоке группировку около 100 тысяч человек[1], численность которой в ходе конфликта постоянно увеличивалась. Только в Мукденском сражении, проходившем в феврале 1905 года, и сопутствующих ему боях участвовало 300 тысяч русских солдат и офицеров[2], а к концу противостояния силы Маньчжурской армии насчитывали около миллиона человек[3]. При этом офицерский корпус на Дальнем Востоке на момент подписания мирного договора составлял около 23 000 человек, из которых около 75% непосредственно принимали участие в сражениях на передовой[4]. Точных данных о количестве офицеров на начало войны нет, но мы на основе имеющейся в нашем распоряжении информации можем предположить, что их было менее 2000 при общей численности около 42 000 во всей армии[5].

На протяжении всей войны чувствовался острый недокомплект офицерского состава[6]. Это объяснялось высокими потерями среди личного состава на полях сражений, формированием новых частей, недостаточным выпуском из военных и юнкерских училищ[7]. В ходе войны выявилось стремление большого числа строевых офицеров к переходу на нестроевые должности, чтобы не подвергаться опасности в боях. Об этом в своих воспоминаниях пишет В.В.Вересаев: «Армия испытывала большой

---

[1]Гришинский А.С., Никольский Н.С., Кладо Н.Л. Указ.соч. Т.14. С.41.

[2]Гоппенштедт Ю. Стратегический обзор русско-японской войны от Ляояна до Мукдена. СПб., 1913. С.30.

[3]Гришинский А.С., Никольский Н.С., Кладо Н.Л. Указ.соч. Т.14. С.181.

[4]Керсновский А.А. Указ.соч. С.103.

[5] РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.60995. Л.1.

[6] Незнамов А. Указ.соч. С.31.

[7]И.Деревянко. Указ.соч. С. 74.

недостаток в офицерском составе; раненых офицеров, чуть оправившихся, снова возвращали в строй; эвакуационные комиссии, по предписанию свыше, с каждым месяцем становились все строже, эвакуировали офицеров все с большими трудностями… А рядом с этим масса здоровых, цветущих офицеров занимала покойные и безопасные должности в тылу армии…. Офицеры наполняли интендантства, были смотрителями госпиталей и лазаретов, комендантами станций, этапов, санитарных поездов, заведовали всевозможными складами, транспортами, обозами, хлебопекарнями»[1].

Часть офицеров, пользуясь возможностью освидетельствования состояния своего здоровья в госпитальных и эвакуационных комиссиях, получала специальные свидетельства и отправлялась на излечение, покидая свои части. Некоторые, основываясь на заключении врачебной комиссии, старались получить место в тылу, а не на строевых должностях на фронте. Кроме этого, во время войны добавились еще одна проблема: так называемые «воскресшие покойники»[2]. Многие заболевшие офицеры, отправленные на излечение в Европейскую часть России, после выздоровления не возвращались на Дальний Восток. Тем не менее, они числились в действующей армии и получали соответствующее содержание. В свои части они, как правило, возвращались с большим опозданием, когда их место уже занимали другие люди. Отсюда и название – «воскресшие покойники». После окончания активной фазы боевых действий такие офицеры возвращались в свои части, требуя назначения на соответствующие должности.

Структура армии и условия войны благоприятствовали такому положению дел, когда офицеры уходили служить в тыловые учреждения. По воспоминаниям современников, «тыл гостеприимно принимал всех, кто имел хоть какую-то протекцию. Там, где не было штатных мест, составлялись временные штаты. По заполнении их прибегали к прикомандированиям.

---

[1] Вересаев В.В. Указ.соч. С.379-380.

[2] Глинский С. Воскресшие покойники // Разведчик. 1906. №828. С.649.

Вместе с офицерами переходили в тыл их вестовые, конюхи и т.д. Тыл, как губка, вытягивал сок из армии. Постороннему зрителю могло показаться, что именно он-то и составляет центр войны, а полевая армия лишь придаток»[1].

Как уже говорилось в первой главе, большое количество тыловых учреждений было создано вследствие особенностей географии театра военных действий, когда необходимо было организовать снабжение всем необходимым значительной армии, находившейся очень далеко от основных центров снабжения. Значительный отток офицеров в тыл был обусловлен еще и этим фактором, который многими современниками рассматривался однозначно[2], что командные кадры скрываются с передовой: «уже после первых боев бросалось в глаза значительное число симулянтов в лазаретах. Главный начальник тыла должен был назначить особые комиссии, чтобы разыскивать в лазаретах и отправлять на позиции симулянтов и легко больных, всякими способами задерживающихся в лазаретах. А сколько офицеров болталось в тылу по разным надобностям, большей частью изобретаемым для того, чтобы жить не на позициях..»[3]. Нельзя не признать, что такое явление, как стремление командных чинов - «воскресших покойников» - по медицинским показателям отправиться в тыл, сыграло свою крайне отрицательную роль в комплектовании боевых частей и подразделений командными кадрами.

Основным источником пополнения выбывающих офицеров были мобилизации. Одним из основных ее положений является доукомплектование личным составом уже имеющихся боевых частей и создание новых, в зависимости от конкретной ситуации и уровня угрозы, для этого осуществлялся призыв запасных на военную службу. В русской армии до революции различалось два вида мобилизаций: всеобщая и частная. Всеобщую предполагалось объявлять в случае крупного военного

[1] Мартынов Е.И. Указ.соч. С.138-139.

[2]Вересаев В.В. Указ.соч. С.380

[3]РГВИА. Ф.400. Оп.10. Д.456. Л.27.

столкновения с одной из ведущих мировых держав, а частную – при угрозе локального конфликта. Начавшуюся войну с Японией военное руководство страны расценило, по выражению В.К.Плеве, как «маленькую победоносную войну», не требовавшую большого напряжения сил и средств.

При частной мобилизации призыв запасных осуществлялся по отдельным местностям, т. е. из какого-либо уезда или волости полностью выбирались запасные (уже прошедшие срочную службу) всех призывных возрастов. В то же время в уездах, не охваченных частными мобилизациями, оставались мужчины, совсем недавно закончившие действительную службу. Такой порядок призыва действовал как среди рядового состава, так и среди офицеров.

В самом начале войны была объявлена первая такая мобилизация, затронувшая весь Сибирский округ, а также несколько губерний Казанского военного округа. Всего же за время конфликта их было произведено 9[1]. Также в первые дни войны были объявлены мобилизации в нескольких уездах Вятской и Пермской губерний[2]. Кроме этого, всем офицерам, которые по имевшимся тогда расписаниям были приписаны к частям Сибирского военного округа, но проживали не там, было приказано отправляться к своим соединениям.

Призыв офицеров запаса проводился согласно поимённому губернскому распределению, сделанному еще в мирное время. Однако из-за значительного числа разрешённых отсрочек, неявок на призывные пункты по уважительным и неуважительным причинам, а так же из-за прямого уклонения от службы военному ведомству пришлось прибегнуть к дополнительным нарядам. В основном дополнительный набор проводился укомплектованием офицерами из тех войсковых частей, которые не переводились в военный состав по частным мобилизациям[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 1. Оп.1. Д.68616. Л.79.

[2] Иллюстрированная летопись русско-японской войны. М., 2001. С.10.

[3]Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.7. С.35.

Необходимо отметить, что из всех пехотных офицеров запаса, фигурировавших в списках военного ведомства, удалось призвать только около 60 % от общего числа. В целом можно выявить четыре причины неявки остальных. К первой можно отнести освобождение и отсрочки до выпуска из учебного заведения. Второй причиной были ходатайства различных государственных учреждений и Красного Креста. Третья – освобождение по состоянию здоровья и четвертая - по очевидной негодности к службе в армии вследствие низкого нравственного ценза: неизлечимые алкоголики, впавшие в нищенство и т.д.

Офицерам полагалось пять дней после объявления мобилизации на устройство личных дел, пошив формы, а также на сборы и покупку снаряжения[1]. По прошествии этого времени они должны были явиться в воинское присутствие, расположенное по месту их пребывания.

С началом войны на Дальний Восток было направлено большое количество добровольцев. Таковым мог стать мужчина до 40 лет, имевший военную подготовку, полученную на действительной военной службе[2]. Как и мобилизованные офицеры, добровольцы собирались при управлениях уездных воинских начальников, а оттуда перенаправлялись в штабы военных округов, где получали назначение в действующую армию.

Однако добровольцы не могли восполнить дефицит офицерского состава. К тому же военное руководство боялось ослаблять военные соединения, находившиеся в Европейской части России из-за напряженной внешнеполитической ситуации на западных рубежах страны[3]. При этом в первый период войны наблюдался даже переизбыток добровольцев, желавших получить должности в действующей армии. Нередко они приезжали на фронт в поисках назначения, не уведомив соответствующие органы военного ведомства на местах. В некоторых случаях командование

---

[1] Вересаев В.В. Указ.соч. С.275.

[2] Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Вып.1. С.42.

[3] Иммануэль Ф. Указ.соч. С.1.

было вынуждено даже отправлять их обратно в Европейскую часть России, снабдив неположенными для них деньгами, т.к. те, в свою очередь, тратили все имевшиеся у них средства на проезд в Маньчжурию[1].

При этом, несмотря на патриотический порыв, стремление офицеров воспользоваться войной для своего продвижения по служебной лестнице зачастую не соответствовало их компетентности. Большинство добровольцев, отправлявшихся в действующую армию на командные должности, плохо знали противника, театр военных действий и специфику управления боем с использованием новейших тактических приемов и достижений технической мысли[2]. В этом плане интересны наблюдения иностранцев, которые описывали, как технические средства изменили принцип командования на поле боя. Капитан Менье отмечал: «…в Манджурии можно было наблюдать оригинальную сцену: главнокомандующий, командующие армиями, корпусные командиры и начальники дивизий отдавали приказания, находясь в тиши своих ставок, вдали от боя, окруженные штабами, имеющими возможность работать совершенно спокойно»[3]. Подобные новшества тяжело принимались старшим поколением штаб-офицеров, привыкших командовать старыми способами: находясь на поле сражения, поддерживая связь с частями войск через посыльных. При этом нередки были высказывания, что начальники просто боятся держаться вблизи линии огня[4].

Помимо объявленных мобилизаций командование пыталось восполнить недостаток командных кадров в действующей армии разными способами. Для увеличения численности офицерского корпуса Главный штаб принял ряд дополнительных мер, а именно: ускорил выпуск из военных и юнкерских

---

[1]Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Вып.2. С.46.

[2] Сергеев Е.Ю. Русская разведка в начале войны с Японией 1904-1905гг// Новая и Новейшая история. 2005. №1. С.65.

[3] Менье Р. Указ.соч. С.66.

[4] РГВИА. Ф.400. Оп.10. Д.456. Л.25.

училищ путём сокращения срока обучения; главнокомандующему на Дальнем Востоке предоставили право своей властью производить в очередной чин обер-офицеров вплоть до капитана включительно. Кроме того, пополнение проводилось путём зачисления на службу из отставки, а также назначения военных чиновников на воинские должности с присвоением им соответствующих званий.

Еще одним шагом было установление запрета на увольнение из запаса в отставку всех офицеров и чиновников военного ведомства, как состоящих в добровольном запасе, так и достигших «предельного срока»[1], т.е. выслуги лет. Исключения делались только для тех, кому полагалась отставка по болезни, и тех, кто по суду был лишен права поступать на государственную службу[2].

Непосредственно на фронте в офицеры производили из вольноопределяющихся или сверхсрочнослужащих унтер-офицеров, которые назначались на должность зауряд-прапорщиков[3], чинов, приравненных по правам к офицерам. Разрешено было укомплектовывать каждую роту двумя зауряд-прапорщиками[4]. При этом зачастую стиралась грань между унтер- и обер-офицерами. Следует отметить, что на зауряд-прапорщиков ложились дополнительные расходы, связанные с содержанием более дорогого офицерского обмундирования, снаряжения и вооружения.

Главнокомандующий армии А.Н.Куропаткин жаловался на качество присланных из России офицеров. По этому поводу он вспоминал: «Посылали к нам в армию совершенно непригодных по болезненности алкоголиков или офицеров запаса с порочным прошлым. Часть… [их - Л.Ч.] уже на пути в

---

[1] Разведчик. 1904. №708. С. 506.

[2] Деревянко И. Указ.соч. С.72.

[3] Русско-японская война. С 67.

[4] Отчет о деятельности управления дежурного генерала 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904-1905 гг. СПб., 1907. С.7.

армию проявляла себя не лучшим образом, пьянствуя и хулиганя. Доехав до Харбина, эти офицеры застревали там, и, наконец, выдворенные в свои части, ничего, кроме вреда, не приносили, и их приходилось удалять»[1].

Нехватка офицеров сказывалась и на комплектовании высшего командного состава. Подобная «чехарда» имело место во многих частях. М.В.Грулев так описывал один из таких случаев: «Вместе с мобилизацией начались и импровизации в отношении командного состава: в предназначенных для отправления на театр войны 10 и 17 корпусах меняется почти весь высший персонал командного состава. В 10-м корпусе до минуты посадки в вагоны неизвестно было, останется ли генерал-лейтенант Случевский командиром корпуса или за преклонностью лет будет заменен другим командиром. В 17-м корпусе оба начальника дивизий и один командир полка оказались непригодными для командования войсками на театре войны и [были – Л.Ч.] заменены другими накануне посадки в вагоны»[2].

Путаница в назначениях на различные должности усугублялась организационными ошибками командования армии, когда происходило смешивание различных частей, подчинявшихся разным командирам, но оказывающихся вместе в силу путаницы в распоряжениях, поступавших из штаба. Вследствие этого отсутствовало взаимное знакомство офицеров между собой, возникали серьезные недоразумения в выполнении приказов[3].

В целом же следует констатировать, что проблема недостатка кадров касалась не только их количества, но и в качества. Такое положение вещей было характерно не только для действующей армии, но и в целом для вооруженных сил страны того периода. Основной причиной подобного явления являлся спад интереса к военной службе, связанный с политической ситуацией и социально-экономическим положением России в конце XIX -

[1]Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.260.

[2]Грулев М.В. Указ.соч. С.111.

[3]Трейншверт фон А.К. Указ.соч. С.4.

начале XX вв. Профессия офицера на рубеже веков стала не очень популярной[1].

При рассмотренной выше системе комплектования воевавших частей и подразделений, когда на различные должности попадали не только кадровые офицеры или недавно прошедшие службу, но и те, которые долгое время находились вне армии, к последним неизбежно возникали вопросы по поводу их компетенции и соответствия занимаемым должностям. Кроме того очень много нареканий вызывало поведение призванных из запаса кадров. Приведем рассуждения Табурно о таких офицерах: «В мирное время офицерская корпорация, находя кого-нибудь из своих членов недостойным носить мундир, просит его оставить армию, и он обыкновенно выходит в запас. И, вот, когда государству нужны лучшие офицеры для руководства военными операциями, эти, признанные негодными в мирное время, офицеры снова попадают в армию. Люди, считавшиеся в мирное время вредным элементом, во время войны, становятся вновь руководителями солдат. Чего же можно ожидать от такого руководительства»[2]. Правда, далее он оговаривается, что встречал довольно много людей, призванных из запаса, которые отличились на поле боя и были награждены за храбрость. Некоторые из них стали потом успешными командирами частей.

Однако приведем случай совершенно иного характера с офицерами из запасных, который произошел в Харбине: «…шли прилично одетые мужчина и женщина. За ними следовали два офицера из запасных, и слова самого нецензурного свойства градом сыпались по адресу дамы. Пара прибавила шагу, офицеры тоже. Наконец, господин остановился и в корректной форме заявил офицерам: - Господа, это моя жена, а не публичная женщина, прошу вас освободить её от необходимости выслушивать ваши неуместные речи.

---

[1] Зайончковский П.А. Указ.соч. С.21.

[2]Табурно И. Указ.соч. С.164.

На это один из офицеров произнёс следующую тираду: - Ишь ты,- далее крепкое русское слово,- мы за вас должны кровь проливать, а жён не смей и трогать…

Только вмешательство подполковника освободило их наконец от приставаний офицеров, а может быть даже и от большей неприятности»[1]. Современниками отмечалось[2], что наибольшее число пьянствовавших и стремящихся в тыл офицеров дал контингент, призванный из запаса.

Наиболее надежным элементом, по мнению современников, были офицеры срочной службы, особенно поехавшие в армию по своему желанию. Вообще современники очень четко разграничивали запасных и «срочников», как нижних чинов, так и командный состав. Прежде всего они обращали внимание на то, что запасные зачастую были великовозрастными, обремененными семьями, забывшими навыки обращения с оружием, не желавшими воевать. Офицеры срочной службы были обучены, выносливы, как правило холосты, хорошо осознавали, что исполняют свой долг[3].

Усугублялось такое отношение тем, что в составе армии было несколько крупных соединений, в частности, 1-я, 2-я и 3-я Сибирские и 54-я, 55-я, 61-я, 71-я и 72я пехотные дивизии[4], практически полностью состоявших из резервистов, как офицеров, так и солдат. Соответственно, уровень подготовки, боевого духа и отношение к войне в кадровых и резервных частях был различным.

---

[1]Табурно И. Указ.соч. С.163.

[2] РГВИА. Ф.400. Оп.10. Д.456. Л.26.

[3] См., например: Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.390; Лигниц фон В. Японо-русская война. Сочинение генерала от инфантерии германской армии Ф. Лигниц. Извлечение из Ч.2 // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.19. СПб., 1909. С.10; Нодо Л. Указ.соч. С.34; Незнамов А. Указ.соч. С.27, 32.

[4]Ниссель А. Из опыта русско-японской войны: тактические выводы капитана франц.генштаба // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.3. СПб., 1909. С.35.

§ 3. Патриотический подъем, отношение к войне и моральное состояние офицеров

На моральном состоянии армии сильно сказывалось то отношение к войне, которое складывалось в России. Мы попытаемся опровергнуть тезис, который часто звучит в современных учебниках[1] о том, что русско-японская война в самом ее начале вызвала значительный подъем патриотизма. В самом начале войны было напечатано огромное число различных прокламаций, сообщений, статей в журналах, имевших своей целью возбудить патриотические настроения у населения России, призывая сплотиться для защиты от врага[2]. Не очень большая часть населения (преимущественно правые круги) встретила конфликт с воодушевлением, однако большая часть ее не поддержало. В народе этот конфликт прозвали войной за корейские дрова[3], отмечая одну из причин конфликта, споры России и Японии из-за Кореи, намекая на ее ненужность и бесполезность, а также понимая, что коренные интересы России напрямую не были затронуты. Это отмечали даже иностранцы[4].

Судя по письмам, полученным периодическим изданием «Крестьянская жизнь и деревенское хозяйство» от своих сельских корреспондентов, к началу 1905 г. только 10% селькоров (и тех, о ком они писали) придерживались патриотических настроений, 19% были равнодушны к войне, у 44% настроение было унылым и тягостным и, наконец, у 27%

---

[1] См.: Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XX век: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2002. С.32; Орлов А.С., Георгиев В.А. История России: учебник. М., 2005. С.314.

[2] Очевидно, в рамках тезиса министра внутренних дел В.К.Плеве о том, что России нужна маленькая победоносная война

[3] Старшов Ю.В. Указ.соч. С.52.

[4] Леффлер О. Стратегические и тактические уроки русско-японской войны // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.2. СПб., 1906. С.64.

наблюдалось отношение резко отрицательное[1]. Враждебно встретили войну рабочие, о чем свидетельствовал целый ряд забастовок, в том числе на военных заводах и железных дорогах. Неприятие войны в рабочей среде было вызвано, прежде всего, большим влиянием левых партий, категорически осуждавших действия правительства. Великая княгиня Елизавета Федоровна так определила в письме Куропаткину настроение Москвы: «Войны не хотят, цели войны не понимают, воодушевления не будет»[2]. Подобные мысли высказывали и иностранные наблюдатели, в частности, барон Э. фон Теттау: «Война не пользовалась симпатией, в самых высоких кругах к ней относились по меньшей мере равнодушно, если не с большей антипатией. А в народе её совершенно не постигали. Солдаты, в особенности принадлежащие к частям войск, расквартированным в Европейской России – зачастую не знали, за что они воюют»[3].

В среде интеллигенции также бытовало мнение о ненужности войны. Вересаев так описывает ее настроения: «Кругом… было враждебное раздражение отнюдь не против японцев. Вопрос об исходе войны не волновал, вражды к японцам не было и следа, наши неуспехи не угнетали; напротив, рядом с болью за безумно-ненужные жертвы было почти злорадство. Многие прямо заявляли, что для России полезнее всего было бы поражение»[4]. Интеллигенция выступала против самодержавия и всячески противилась его действиям. В данном случае представители этой социальной группы выступали скорее не непосредственно против вступления России в войну, а против фактически любых действий верховной власти.

Немалая часть офицеров, докторов и военных чиновников отправлялось на театр боевых действий, «не настроенными в пользу войны»[5]. Это

---

[1] Деревянко И.В. Указ.соч. С.36.

[2] Деревянко И.В. Указ.соч. С.37.

[3] Сказания иностранцев о русской армии. С.8.

[4] Вересаев В.В. Указ.соч. С.270.

[5]Табурно И. Указ.соч. С.6.

объяснялось их непониманием целей и задач, которые ставила перед собой Россия, вступив в этот вооруженный конфликт на Дальнем Востоке.

В.И.Немирович-Данченко сравнивал настроение в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской: «Я помню 1876 и 77 годы; настроение было совсем иное. Теперь никому война нелюба и нежелательна. Она вызвана не нами, мы идем туда поневоле»[1]. Таким образом, известный журналист проводит общую для многих современников мысль о ненужности конфликта и непонимании его причин, что в свою очередь вызывало негативное к нему отношение.

Свою роль сыграла и революционная пропаганда. Левые партии распространяли перед отъездом войск, а также во время их передвижения по Транссибирской магистрали, прокламации, призывавшие к неповиновению. Основной упор в них делался на то, что война не нужна, поскольку солдаты вынуждены сражаться не на своей земле, защищая чужие интересы. Левым радикалам удалось достигнуть определенных результатов, настроив часть солдат против войны[2].

Эти настроения без сомнения негативно влияли на общую атмосферу в Маньчжурии. В офицерской среде тоже не было большого воодушевления по поводу войны. Как сообщал барон Теттау, многие офицеры, еще находившиеся в пути, уже тогда высказывали сомнения насчёт благоприятного исхода войны[3].В разговорах о войне ярко выступало пессимистическое настроение, хотя господствовало убеждение, что японцев в конце концов победят, но тяжёлой ценой крови и денег. Пессимистические взгляды в течение войны только увеличивались[4]. Это было связано с постоянными поражениями русской армии, создававшими впечатление, что

---

[1] Немирович-Данченко В.И. Указ.соч. С.34.

[2] Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.392.

[3]Теттау фон. Куропаткин и его помощники. Поучение и выводы из русско-японской войны. С.12.

[4] Дружинин К.И. Указ.соч. С.50.

японцы непобедимы. Подрывал моральный дух не столько сам факт неудач на фронте, сколько постоянное отступление вглубь Маньчжурии. Современники после войны в своих работах утверждали, что к концу войны армия ждала приказа отходить еще до конца того или иного боестолкновения[1], что не может не говорить об определенном моральном состоянии, передававшемся от рядового состава на офицерский корпус и обратно. Наивысший подъем боевого и морального духа всей армии пришелся на события Ляоянского сражения[2], когда войска верили в победу, в свои силы и в командующего. После этого практически выигранного сражения, когда в кульминационный момент боя А.Н.Куропаткин дал указание об отходе по всему фронту, моральный дух всей армии неуклонно снижался.

Особенно тяжелое впечатление произвело падение Порт-Артура. Один из участников войны С.Толузаков вспоминал: «Я не в силах передать словами то щемящее чувство боли, ту безграничную тоску, которую испытывал почти каждый из нас на позициях. Мы понимали отлично, что [Порт – Л.Ч.] Артур долго не продержится…»[3]. Особенно сильным ударом оказалось известие о сдаче крепости генералом Стесселем в то время как она еще могла защищаться: «Искреннее негодование охватило почти всех»[4]. Главной причиной сдачи считали предательство.

Еще одним событием, сильно повлиявшим на моральный дух офицерского корпуса, стало известие о Цусимском поражении. В связи с этим нам представляется интересным небольшой отрывок из воспоминаний Н.В.Вороновича, в котором он описывает то, как командование армии постепенно доводило информацию об этом сражении до войск через «Вестник Маньчжурских армий»: «Сначала в ней появилась краткая

---

[1] Соловьев Л.З. Указ.соч. С. 40.

[2] Вересаев В.В. Указ.соч. С.362.

[3]Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. №803. С.204.

[4]Там же.

телеграмма о начавшемся у берегов Японии морском сражении, в котором японцы якобы понесли огромные потери. О наших потерях не было сказано ни слова. Через день была помещена другая телеграмма, сообщавшая о том, что несколько наших крейсеров соединились с Владивостокской эскадрой и что бой, в котором обе стороны понесли чрезвычайно тяжелые потери, еще продолжается. И только на 7-й день было опубликовано официальное сообщение о постигшем Россию ужасном положении»[1]. С одной стороны, путаница в информационном потоке, скапливавшемся в штабе, могла привести к подобной дезинформации; с другой стороны, постепенное доведение сведений о результате Цусимского боя выглядит вполне реалистично, поскольку это известие, опубликованное без предварительной подготовки, могло иметь еще больший отрицательный резонанс.

Летом 1905 года уже очень немногие офицеры армии хотели продолжения войны. Полтора года неудачных военных действий утомили армию, войска разочаровались в командующих, прежде всего в А.Н.Куропаткине, который «не выиграл ни одного сражения, надеясь только на превосходство числа»[2] и по этим причинам был снят с должности после Мукденского разгрома. Нового главнокомандующего, генерала Н.П.Линевича, сначала встретили восторженно. По поводу его назначения в печати появились различные стихи, восхвалявшие его воинские качества:

«Манджурский волк, герой Пекина,
Родных соратников отец,
Подвинь дух мощный исполина,
Вплети победный лавр в венец!
С тобой победа несомненна!
Смелее в подвиг боевой
На строй коварный и надменный

[1]Воронович Н.В. Указ.соч. С.43.

[2] Рябинин А.А. На войне в 1904-1905 гг. Из записок офицера действующей армии. Одесса, 1909. С.218.

Ударит русский рядовой»[1].

Но вскоре, после отказа Линевича от активных боевых действий до прибытия большого числа дополнительных войск, отношение к нему постепенно ухудшалось.

Современниками высказывалась также другая точка зрения на моральное состояние армии. А.М.Волконский, во время поездки фронт отмечал, что в большинстве своем офицерский корпус относится к войне спокойно, нежелание воевать высказывали в основном призванные из запаса кадры, врачи, чиновники[2].

Тем не менее, практически все участники войны дают войскам очень высокую оценку «они… действовали самоотверженно, гибли геройски, не боялись трудов, опасностей, смерти и все это покорно сносили»[3]. Подобные эпитеты встречаются не только у русских офицеров и корреспондентов, но и у зарубежных военных агентов[4].

Источники упоминают о многочисленных случаях геройского поведения офицеров на поле боя. Так, известны эпизоды сражений, когда офицеры, будучи серьезно ранеными, под огнем превосходящего противника отказывались покидать свою часть и продолжали сражаться[5]. Или же они возглавляли опасные ночные штыковые вылазки. Одна из них, например, удалась русским войскам в бою за Путиловскую сопку[6]. Об этом также свидетельствуют данные медицинской статистики: соотношение потерь нижних чинов и их командиров. Процент раненых и убитых офицеров значительно выше, чем у рядового состава. Такое соотношение

---

[1]Пальгунов С.А. Русско-японская война. Стихотворения. 1904г. 9-й месяц и 10-й месяц. Евпатория, 1907. С.5.

[2] Волконский А.М. Указ.соч. С.31.

[3]Апушкин В.А. Указ.соч. С. 71.

[4] См., например: Менье Р. Указ.соч. С.71.

[5] Разведчик. 1905. №748. С.164.

[6] Левин Н. Указ.соч. С.24-26.

высчитывалось следующим образом – все здоровые офицеры/раненые и убитые офицеры: Все здоровые рядовые/раненые и убитые рядовые. В пехоте это соотношение было 3:1, а в артиллерии и инженерных войсках – еще выше[1]. Из этих данных следует сделать вывод (который подтверждается эпизодами, описанными современниками), что во время боев командиры подразделений подвергались наибольшему риску, шли во главе атакующих, последними покидали позиции, хотя прекрасно понимали, что японцы будут вести огонь прежде всего по ним.

Рассматривая то состояние, в котором находилась армия во время войны (вместе с отношением к войне в России), мы находим некое противоречие в источниках. С одной стороны, большинство солдат и офицеров относились к разгоревшемуся конфликту равнодушно или неприязненно, с другой стороны встречаются упоминания, что русская армия храбро сражалась на полях Маньчжурии и не роптала. В большинстве своем, попадая на фронт, люди, отрицательно относившиеся к тому дальневосточному конфликту, меняли систему ценностей: «ненужность войны» отступала на второй план, офицеры, а также врачи, военные чиновники со временем начинали ощущать себя частью армии, сражающейся с противником, и им психологически тяжело было оставаться при прежних взглядах. В этом случае получалось бы, что они, рискуя жизнью, занимаются бесполезным и даже вредным делом. В источниках личного происхождения, оставленных участниками того конфликта, четко прослеживается примерно схожий набор идей: ненужность и бесполезность войны сочетаются или перекрываются мыслями о долге службы и верности присяге, необходимости продолжать воевать[2].

Вместе с тем, революционная пропаганда проникала не только в рядовой состав, но и в среду профессиональных военных. В распространенном в очень большим тиражом листовке «К офицерам русской армии» содержались

[1] Козловский Н. Указ.соч. С.15.

[2] См., например: Толузаков С.А. Указ.соч; Боткин Е.С. Указ.соч.

следующие слова: «Самый худший, опасный и единственный враг русского народа — его нынешнее правительство. Это оно ведет войну с Японией, под его знаменами сражаетесь вы и сражаетесь за неправое дело. Всякая ваша победа грозит России бедствием упрочения «порядка», всякое поражение приближает час избавления. Что же удивительного, если русские радуются успехам нашего противника»[1]. Некоторые офицеры воспринимали эти идеи, что, безусловно, пагубно сказывалось на общем состоянии армии. «Прискорбно то, - признавался генерал Куропаткин,- что некоторые начальствующие лица разных степеней, начиная с ротных командиров, проявляют недостаточную уверенность в нашей победе над японцами и обнаруживают слишком нервное отношение к противнику»[2]. Там не менее в революционных событиях офицерский корпус участия не принимал, сочувствие революции 1905-1907 гг., согласно исследованиям П.А.Зайончковского, проявляло лишь очень небольшое число офицеров[3]. В этом плане интересен отрывок из воспоминаний В.В.Вересаева, описывавшего реакцию офицеров на начавшуюся в России революцию: «Приходили вести о волнениях в России, о забастовках, о громадных демонстрациях. Офицеры острили:

— Вы слышали? В России забастовали все грудные младенцы. Требуют свободы слова и... свободы действий...

— Да, и в Россию теперь возвращаться плохо, и там дела неважные...

— Ничего! Приедем — усмирим!

…И глаза зловеще загорались»[4].

Еще одной причиной, по которой реакция на революционные события 1905 года была минимальной, стала работа штаба армии с офицерским составом. Был выпущен ряд приказов, где прямо или косвенно указывалось

---

[1] Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.393

[2]Апушкин В.А. Указ.соч. С.71.

[3]Зайончковский П.А. Указ.соч. С.28.

[4] Вересаев В.В. Указ.соч. С.508-509.

на запрет участия в каких-либо акциях политического толка. Так, интендант тыла маньчжурской армии издал специальное приказание по поводу роста политической активности: «…считаю своим долгом подтвердить требования ст.938 кн.VII С.В.П.1869 [Свод военных постановлений 1869 года – Л.Ч.], воспрещающие всем вообще военнослужащим произнесение речей и суждений политического содержания, а также ст.939 той же книги, воспрещающую без разрешения начальства участие в каких-либо чествованиях, имеющих политический характер»[1]. Таким образом, офицерам, врачам и военным чиновникам напоминали о законодательных основах военной службы, которая запрещала вовлечение армии в политическую жизнь. Подобные запреты и ограничения были в целом характерны для армии того периода и порой переходили в более жесткие формы. Например, после 17 октября во Владивостоке было объявлено, что «эта милость Царя [Манифест 17 октября 1905 года – Л.Ч.] армии не касается»[2].

Рассмотрим еще один аспект повседневной жизни, связанный с награждением отличившихся в Маньчжурии. К концу войны офицерам было выдано 14886 орденов[3] и значительное количество наградного оружия[4]. Большая часть наград выдавалась «с мечами», поскольку получены они были за участия в сражениях[5]. В числе этих наград имелись все, за исключением ордена Андрея Первозванного: ордена Св.Александра Невского (5 награждений), Белого Орла (11 награждений), Св.Владимира (1376 награждений), Св.Анны (6413 награждений), Св.Станислава (6598 награждений). Самой почетной боевой наградой – орденом Св.Георгия, было

[1]РГВИА. Ф.16337. Оп.1. Д.75. Л.4.

[2]Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. №803. С.205.

[3]Эта цифра обозначает награждения за всю войну, на суше и на море. Выделить количество награжденных только в Маньчжурской армии не удалось.

[4] Дуров В.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. в боевых наградах // Военно-исторический журнал. 1990. №9. С.81.

[5]Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII-начало XX в. СПб., 2001. С.399.

отмечено 256 человек (246 – 4-й степени, 10 – 3-й степени). Солдатам и унтер-офицерам выдавались знаки отличия этого ордена (так называемый «солдатский Георгий»), медали с надписью «За храбрость» и «За усердие». Всего было выдано 63065 таких наград[1].

Уже после войны, 21 января 1906 г. была официально учреждена медаль «В память русско-японской войны» для участников конфликта[2]. Серебряной медалью были награждены защитники Порт-Артура, светло-бронзовой – участники сражений в Маньчжурии, а темно-бронзовой – награждались лица, не принимавшие участия в войне, но проходивших службу в районе боевых действий и на железных дорогах. На лицевой стороне медали изображено лучезарное всевидящее око, заключенное в треугольник, и даты «1904-1905», а на оборотной – надпись «Да вознесет вас Господь в свое время». С этой надписью был связана интересная история. Долгое время ходил анекдот, что первоначально надписью должны были стать слова: «Да вознесет вас Господь». Когда эскизы показали Николаю II, он поставил резолюцию: «В свое время доложить». Часть фразы императора попала на рисунок медали. В итоге, якобы в результате ошибки, появилась эта надпись. Историк В.А.Дуров, ссылаясь на данные РГВИА, утверждает, что фраза «Да вознесет вас Господь в свое время» была предложена целиком Николаем II[3].

Однако случались злоупотребления в выдаче наград. Вот как описывает их А.Н.Куропаткин: «Выдача их [наград – Л.Ч.] производится массовым порядком. Через несколько месяцев войны значительное число офицеров сравниваются в числе боевых наград, причем сравниваются и командиры рот, все время бывшие со своими ротами в боевой линии, с заведующими хозяйством, командирами обозов и в особенности со служащими в штабах»[4]. Впрочем, подобное злоупотребление массовыми награждениями началось с

---

[1] Дуров В.А. Указ.соч. С.83.

[2]Старшов Ю.В. Указ.соч. С.53

[3] Дуров В.А. Указ.соч. 84-85.

[4] Куропаткин А.Н. Указ.соч. С.490.

императора, пожелавшего наградить всех участников боя у Чемульпо, когда отряд японских крейсеров напал на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». До русско-японской войны не было случая, когда к награде представляли всех участников того или иного сражения[1]. В связи с этим ценность военных орденов в ходе войны и после нее в глазах офицеров значительно упала[2]. По воспоминаниям современников, командир 10-го армейского корпуса К. В. Церпицкий даже был вынужден издать по своему корпусу следующий приказ: «В будущем строго воспрещаю представлять к наградам всех офицеров поголовно, а представлять только заслуживающих наград своей храбростью, мужеством, распорядительностью и истинным исполнением лежащих на них обязанностей»[3].

В связи с этим возникало множество конфликтных ситуаций. В основном они были связаны с тем, что одинаковые награды выдавались офицерам, участвовавшим и не участвовавшим в определенном сражении[4], а также оказывалось чрезмерно большое число награжденных штабных чинов, не бывавших на фронте. Ветеранам, отличившимся в сражениях, было обидно, что ордена и медали получают не только те, кто рисковал своей жизнью, но те, кто даже «не нюхал пороху»[5]. Подобные наградные споры дополнительно обостряли отношения между строевыми и штабными чинами.

---

[1] Дуров В.А. Указ.соч. С. 82.

[2] Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904-1905. СПб., 1910. С.115.

[3] Вересаев В.В. Указ.соч. С.501.

[4] Разведчик. 1905. №750. С.192.

[5]ТабурноИ. Указ.соч. С.194.

* * *

Социальный состав Маньчжурской армии соответствовал социальному строю Российской империи: большая часть солдат являлась по происхождению крестьянами, а большинство офицеров – дворянами и, в меньшей степени, выходцами из других сословий. Лишь малая часть офицеров имела высшее военное образование, но они, как правило, оставались при штабах и на фронт не попадали. Большинство же командных чинов проходило через систему военных и юнкерских училищ. Качество этой подготовки, по свидетельству современников, находилось не на высоком уровне, особенно это касалось практической составляющей обучения. В то же время недостаток знаний, опыта и профессиональной практики компенсировалось храбростью на поле боя, продемонстрированной многими офицерами.

В Маньчжурии наблюдался недокомплект офицерского состава в районе боевых действий из-за того, что значительная их часть получала назначения в тылу. Частично это было оправдано необходимостью содержать многочисленные тыловые службы. Однако большой резонанс среди современников вызывали факты отправки по протекции в штабы на нестроевые должности здоровых людей, а также симуляция или преувеличение тяжести болезней, вынуждавшие медицинские комиссии отправлять множество офицеров на излечение в Россию. Таких называли «воскресшими покойниками». Подобное положение дел настраивало фронтовиков против тех, кто, по их мнению, отсиживался в тылу. Остроту этому недовольству добавляло то обстоятельство, что награждения орденами за участие в боевых действиях происходили практически поголовно, что не было характерно для других конфликтов, в которых участвовала Российская империя раньше. Награды получали как те, кто принимал непосредственное участие в боестолкновениях с японцами, так и те, кто на линии фронта никогда не был.

Моральное состояние русской армии сильно зависело от отношения к войне в России. Поскольку оно было неоднозначным, и подъем патриотизма накладывался на непонимание целей войны, то армия чувствовала, что сражается в ненужном для их страны конфликте. Среди офицеров, особенно запасных, были сильны пессимистические настроения. В какой-то мере это нивелировалось приходившими в части добровольцами, настроенными позитивно, несмотря на неудачи в войне.

Очень сильно отличались офицеры, призванные из запаса, от тех, кто находился к началу войны на действительной службе. Запасные признавались в армии неприспособленными к действительной службе, плохо готовыми к современным военным действиям. Самые боеспособные части армии состояли как раз из тех, кто на момент начала войны находился на службе. Части усиливались офицерами-добровольцами из районов России, не охваченных мобилизацией. Однако их было немного, т.к. власти боялись ослаблять воинские формирования на западных рубежах страны и поэтому неохотно отпускали офицеров на Дальний Восток. Постепенно ситуация усугублялась поражениями армии и начавшейся в России революции. К концу войны моральный дух армии был довольно низким. Тем не менее, современники отмечали, что, несмотря на прохладное отношение к войне, большинство офицеров храбро сражалось и стойко переносило тяжести военной жизни

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русско-японская война 1904-1905 гг. привлекала раньше и до сих пор привлекает внимание исследователей. Причина такого интереса – уникальность этого конфликта по сравнению с другими, происходившими в ту эпоху в мире. Основа подобного внимания лежит в особенностях событий, происходивших на полях Маньчжурии и в водах Тихого океана: старое военное мировоззрение столкнулось с новыми оружейными технологиями, исход конфликта оказался совсем неожиданным для современников, когда одна из великих держав того времени – Российская империя – проиграла все значительные сражения Японии, которую в начале XX века крупнейшие мировые державы не воспринимали как серьезного противника. Для отечественных историков важным оказался еще и тот факт, что война оказала значительное влияние на политическую обстановку в России. Все это в совокупности предопределило то, что историки различных направлений и школ продолжают вновь и вновь обращаться к различным аспектам этого противостояния. В современной историографии проблематика русско-японской войны нашла отражение в целом ряде исследований, в которых затрагиваются новые вопросы, которые раньше практически не изучались. Среди них – предмет нашего исследования.

Тема, связанная с повседневной жизнью армии во время войны, имеет свою специфику. Сложность заключается в отделении бытовых условий офицеров, т.е. жизни на позициях, от собственно боевых действий, которые зачастую являются одним и тем же, поэтому их крайне трудно отделить друг от друга. Поля сражений становятся своеобразным домом для воюющих сторон. В таких условиях нарушаются положения, строго соблюдаемые в мирное время. Часто возникают ситуации, в которых их вообще невозможно выполнять. Ярким примером являлось использование офицерами русской армии обмундирования и амуниции, не предусмотренных по форме, но одобренные командованием армии; своих средств для восполнения

поврежденной формы и оружия не хватало, использовали то, что удавалось найти.

Еще одна трудность – большое количество различий в быту в подразделениях, расположенных в разных частях театра боевых действий, когда офицеры вынуждены привыкать к условиям войны, чтобы выжить. На разных этапах конфликта и в разных точках Маньчжурии реалии быта сильно отличались и, соответственно, приспособления к текущей обстановке были различными.

В силу этих причин, наша работа во многом носит обобщающий характер; элементы повседневной жизни, выявленные нами в процессе работы, были свойственны для всех родов войск в различных частях Маньчжурии на протяжении всей войны: вооружение, отношение к войне, питание, денежное довольствие и т.д. Главным препятствием служит недостаток источников. В случае с предметом нашего исследования чрезмерная конкретизация грозит размыванием рамок работы и отходом от решения поставленных задач.

Связующим элементом для различных аспектов повседневности стали внешние факторы, одинаково влиявшие на всех участников конфликта. Общие внешние условия, в которых находились офицеры, обусловили похожий механизм приспособления к жизни на фронте. Среди факторов мы можем выделить географические особенности региона, особенно его климат, как наиболее важные. Погодные условия, в которых приходилось жить офицерам, были непохожи на те, к которым они привыкли в России, что порождало трудности прежде всего в плане ношения уставной униформы и снаряжения. Наряду с этими факторами сильное влияние оказывали удаленность Маньчжурии от основных центров снабжения одновременно со слабой развитостью транспортной системы, что затрудняло своевременное получение необходимых офицерам предметов обихода. Это в некоторой степени компенсировалось относительной густонаселенностью района боевых действий: часть съестных припасов и фуража можно было заготовить

на месте, а также купить некоторые недостающие вещи у местных торговцев. Наличие значительного числа населенных пунктов также снижало проблему недостатка жилья. Еще одной особенностью повседневности, которая формировала быт офицеров, была крайняя дороговизна всех товаров на театре военных действий. Это частично компенсировалось увеличением денежных выплат, но проблема высоких цен оказывала значительное влияние на жизнь офицеров. Все эти факторы в целом формировали картину повседневности и в общих чертах определяли условия быта офицеров Маньчжурской армии.

Особое влияние внешние факторы оказывали на такие элементы повседневности офицеров, как униформа, снаряжение и личные вещи. Оказалось, что существующая униформа в текущих условиях войны была неподходящей: слишком заметной на поле боя и неудобной при повседневном использовании. И если для японцев существенной была лишь первая из перечисленных проблем, то для русских офицеров, приехавших в Маньчжурию, это представляло большую сложность. Слабое знание особенностей местности и климата заставило офицеров существенно менять не только униформу, но и привезенный с собой багаж. В результате внешний вид офицеров к концу войны значительно поменялся. При этом необходимо отметить, что серьезные изменения, коснувшиеся внешнего вида офицеров и солдат воюющих сторон, стали одной из главных причин в смене концепции военной формы во всем мире. С этого времени практически все армии стали конструировать униформу, придерживаясь новых принципов: она должна быть как можно менее заметной на поле боя и удобной для ношения.

Жилищный вопрос не был таким острым, как, например, проблема одежды и снаряжения, поскольку Маньчжурия была достаточно густо заселена. Это позволяло в полной мере использовать населенные пункты для расквартирования войск. Также необходимо отметить, что мало нареканий вызывала организация медицинской службы, поскольку система военно-медицинских учреждений, развернутая в прифронтовой полосе и в тылу,

действовала оперативно. В ходе конфликта не было замечено вспышек инфекционных заболеваний, приведших к эпидемиям, что говорит о хорошо налаженной системе профилактики болезней. Особо важным нам кажется наличие в зоне боевых действий медицинских учреждений, это касается и госпиталей, и санитарных поездов, созданных различными общественными организациями, что является одним из показателей формирования в России элементов гражданского общества в начале XX века.

В качестве особенности питания необходимо отметить то, что значительное влияние имела географическое расположение той или иной части, а также материальное положение конкретного офицера. На позициях вблизи противника питание было более скудным, чем в глубине позиций. Нельзя сказать, что питание офицеров было плохим, если сравнивать с их потенциальными возможностями в России. Еды на театре военных действий в целом хватало, особенно если говорить о калорийности и питательности, но, при сравнении с питанием в России, нужно принять во внимание 2 важных фактора: высокие цены и малую вариативность рациона даже в тылу. В этом плане, еда на фронте была дорогой и относительно однообразной.

Подобная закономерность, выявленная в ходе изучения проблем питания, была актуальна и в вопросе о развлечениях: на позициях офицеры главным образом организовывали совместный досуг за картами или алкоголем, тогда как в тылу к услугам командных кадров были даже концерты и театры. Такое положение дел командование пыталось изменить, помогая частям, особенно тем, кто находился ближе к врагу, в организации официальных праздников, призванных отвлечь войска от рутины службы, но недовольство контрастами между передовой и тылом у офицеров-фронтовиков сохранялось. Но, при сравнении досуга в России и на театре военных действий, нужно признать, что возможности развлечений в Маньчжурии были крайне ограничены.

Необходимо отметить, что в годы войны сложился устойчивый антагонизм между боевыми офицерами и тыловыми. Суть антагонизма

выражалась в том, что, первые находились ближе к врагу, имели больше возможностей погибнуть, не говоря уже о получении травмы или ранения, а дополнительные выплаты и награды фактически были такими же, как и в тылу. При этом вдали от передовой условия жизни были гораздо лучше. Все это вылилось в недовольство фронтовиков службами тыла, где находились офицеры, не попавшие в действующие части.

Несмотря на то, что русские и японские офицеры на фронте находились в примерно одинаковых внешних условиях, необходимо отметить, что бытовые условия сильно различались. Офицеры противника испытывали меньше проблем в плане обмундирования, поскольку Япония к войне тщательно готовилась и поэтому ее армия была снабжена подходящей для маньчжурского климата военной одеждой. Однако вопрос с переходом на униформу защитного цвета у воюющих сторон возникли одновременно, поэтому в плане необходимости укомплектовать свое обмундирование элементами защитного цвета русские и японские офицеры были в одинаковых условиях. Примерно одинаковыми были и условия проживания в прифронтовой полосе, что обеспечивалось высокой концентрацией населенных пунктов, позволявших использовать дома местных жителей для расквартирования в них офицеров. Однако при этом источники пополнения продовольствия были различны, поскольку, отступая на север, русские войска забирали запасы съестных припасов местного населения, их противники, в значительной степени лишенные возможности использовать ресурсы театра военных действий, были вынуждены доставлять съестные припасы морем из Японии.

Моральное состояние русского офицерского корпуса сильно зависело от отношения к войне в России. Большого патриотического подъема она не вызвала, поэтому большинство офицеров, призванных в действующую армию, относилось к войне прохладно. Многие не понимали, зачем нужно воевать с Японией. Но самое большое влияние на моральное состояние оказывали постоянные военные неудачи армии. К этому прибавилось

негативное восприятие начавшейся в России революции. Тем не менее, большинство офицеров храбро сражалось и переносило трудности военного быта. Многие были награждены за свои подвиги на полях сражений.

Тема повседневной жизни офицеров русской армии в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. крайне широка. Мы рассмотрели ее основные элементы, обрисовав общую картину быта и нематериальных аспектов жизни офицеров Маньчжурской армии. Необходимо продолжить ее изучение, расширить географические рамки, более глубоко описать отдельные составляющие предмета исследования, начать исследование новых аспектов этой проблемы, особенно, актуальным на наш взгляд, явилось бы комплексная сравнительная работа по повседневности в разных географических рамках русско-японской войны, в частности, Порт-Артура и флота.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неопубликованные источники

1.1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 143. Китайский стол.

Оп.491.Д.64, 812, 813

1.2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Оп.316. Д.17.

1.3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф.1. Канцелярия военного министерства

Оп.1. Д. 60995, 65343, 65428, 66082, 66389, 66458, 67339, 68616.

Ф.400. Главный штаб

Оп.1. Д.231.

Оп.4. Д.508.

Оп.10. Д.456.

Ф.499. Главное интендантское управление.

Оп.1. Д.1837.

Ф.831. Военный совет.

Оп.1. Д.949.

Ф.13061. Полевое управление 1-й Маньчжурской армии

Оп.1. Д. 12, 22, 40, 55, 71.

Ф.13072. Управление интенданта 3-й Маньчжурской армии

Оп.1. Д.42.

Ф. 14376. Полевое казначейство тыла войск Дальнего Востока.

Оп.1. Д.1.

Ф.14389. Управление начальника санитарной части тыла войск Дальнего Востока

Оп.1. Д.13.

Ф.14390. Штаб Военно-окружных управлений Маньчжурской армии

Оп.1. Д.12, 34.

Оп.3. Д.76.

Ф.14394. Управление интенданта тыла войск Дальнего Востока.

Оп.2. Д.17.

Ф. 14513. 19-й Харбинский сводный госпиталь. 1904-1905.

Оп.1. Д.1, 4

Ф.14926. Штаб войск Дальнего Востока

Оп.2. Д.118, 123.

Ф.14930. Управление интенданта при ГК всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии.

Оп.1. Д.18, 30, 32, 34, 45, 100, 126, 177, 206.

Ф.14959. Суд 1-й Маньчжурской армии.

Оп.1. Д.103

Ф. 16337. Управление начальника интендантских и вещевых складов в г.Харбине.

Оп.1. Д.6, 11, 24, 57, 75.

Ф.ВУА. Военно-ученый архив.

Оп.1. Д.29070.

2. Нормативные документы

2.1. Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1883 год. СПб., 1883.

2.2. Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1892 год. СПб., 1892.

2.3. Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1895 год. СПб., 1895.

2.4. Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1901 год. СПб., 1901.

2.5. Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1904 год. СПб., 1904.

2.6. Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и Циркуляров Главного штаба за 1905 год. СПб., 1905.

2.7. Коссинский В.Д. Систематический сборник приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 года по 1 января 1887 года: для руководства в войсках и войсковых управлениях по поручению военного министра. СПб., 1887.

2.8. Положение о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск: Приказ по военному ведомству 1871 г. за № 256, дополненный всеми изменениями, объявленными за последние двадцать три года в приказах по военному ведомству и циркулярах Главного штаба. СПб., 1894.

2.9. Правила о форме одежды: приказ по военному ведомству 1883 г. № 66, дополненный соответствующими изменениями. СПб., 1894.

2.10. Приказания войскам 3-й Маньчжурской армии. [б.м.], 1905.

2.11. Приказы войскам 1-й Маньчжурской армии. [б.м.], 1905.

2.12. Сборник раскладок на продовольствие войск в военное время. Харьков, 1900.

2.13. Свод военных постановлений 1869 года. Книга XIX. Довольствие войск. СПб., 1911.

2.14. Циркуляры Главного штаба 1866-1917. Год 1905. СПб., 1905.

2.15. Циркуляры Главного штаба 1866-1917. Год 1905. СПб., 1905.

3. Опубликованные документальные источники

3.1. Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904-1905 гг. Харбин, 1905.

3.2. Отчет о деятельности полевого контроля в русско-японскую войну. СПб., 1909.

3.3. Отчет о деятельности управления дежурного генерала 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904-1905 гг. СПб., 1907.

3.4. Отчет о деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904 г. по 1 сентября 1905 г. М., 1906.

3.5. Отчет о деятельности управления Начальника Военных Сообщений 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904-1905 годов. СПб., 1907.

3.6. Ухач-Огорович Н.А. Отчет по хозяйственной части управления транспортов Штаба Главнокомандующего. Т.2. СПб., 1906.

4. Справочная литература

4.1. Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров: в 2 ч. Ч.1. М., 1902.

5. Статистические источники

5.1. Автократов П. Призрение, лечение и эвакуация душевнобольных во время русско-японской войны. СПб., 1906

5.2. Военно-статистический ежегодник за 1910 год. СПб., 1911.

5.3. Козловский Н. Статистические данные о потерях русской армии от болезней и ранений в войну с Японией 1904-1905гг СПб., 1911.

6. Периодическая печать

6.1. Вестник Маньчжурских армий. 1904-1905.

6.2. Дальний Восток. Владивосток, 1904

6.3. Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904-1905.

6.4. Интендантский журнал. СПб., 1905.

6.5. Разведчик. СПб., 1904-1907.

6.6. Русский инвалид. СПб., 1904-1905.

6.7. Русско-японская война и ее герои. Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1904.

6.8. Харбинский Вестник. Харбин, 1904.

7. Источники личного происхождения

7.1. Greener W. A secret agent in Port-Arthur. London, 1905.

7.2. Адамович. Из походного журнала // Офицерская жизнь. 1904. №9-12; 1905. №1-12; 1906 №1-4, 6, 12; 1907. №3, 5, 8, 10, 12; 1908. №5, 6, 10; 1909. №5-7, 9, 10, 12; 1910. №5-8.

7.3. Бартлетт Э. Осада и сдача Порт-Артура. СПб., 1907.

7.4. Барцини А. Японцы под Мукденом // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.10. СПб., 1908.

7.5. Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904-1905 (из писем к жене). СПб., 1908.

7.6. Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. М., 1986.

7.7. Волконский А.М. Война, печать и общество. СПб., 1905.

7.8. Воронович Н.В. Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952.

7.9. Гейнце Н.Э. В действующей армии. Письма военного корреспондента. СПб., 1904.

7.10. Герч Ф. Сражение на Шахэ. Извлечено из второй части сочинения полковника швейцарской службы Герч, состоявшего при армии Куроки // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.29. СПб., 1911.

7.11. Гоппенштедт Ю. Стратегический обзор русско-японской войны от Ляояна до Мукдена. СПб., 1913.

7.12. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908.

7.13. Гусев С.Я. Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911.

7.14. Дани А. Пехота I японской армии во время войны с Россией // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.9. СПб., 1907.

7.15. Данилов Г.А. Сибирская казачья дивизия в походе против Японии в 1904 и 1905 годах. Ташкент, 1913.

7.16. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005.

7.17. Дружинин К.И. Воспоминания о русско-японской войне 1904-1905 гг. участника-добровольца. СПб., 1909.

7.18. Жучин И.И. Из записной книжки вахмистра. Орел. 1909.

7.19. Иванов И.Е. Военно-походные впечатления от Владивостока до Вафангоу и от Вафангоу до Ляояна командира роты 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка // Исторический вестник. 1904. Т.98. №11. С.554-559.

7.20. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

7.21. Изонов В.В. Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны / Военно-исторический журнал. 2004. №10. С.34-39.

7.22. Иммануэль Ф. Поучения, извлеченные из опыта русско-японской войны майором германской службы Иммануэлем // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.1. СПб., 1906.

7.23. Кан Р. Из вражеского стана. Из дневника военного корреспондента при японской армии. СПб., 1905.

7.24. Квитка А. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904-1905. СПб., 1908.

7.25. Кравков В.П. Дневник участника русско-японской войны (1904-1905) дивизионного врача В.П.Кравкова // Время и судьбы: военно-мемуарный сборник. Вып.1. М., 1991. С.259-271.

7.26. Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артура / Русско-японская война: взгляд побежденных. М., 2005.

7.27. Леффлер О. Стратегические и тактические уроки русско-японской войны // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.2. СПб., 1906.

7.28. Лигниц фон В. Японо-русская война. Сочинение генерала от инфантерии германской армии Ф. Лигниц. Извлечение из Ч.2 // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.19. СПб., 1909

7.29. Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. М., 2002.

7.30. Литвиц Ф. Атаки японцев во время войны в Восточной Азии // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.4. СПб., 1906.

7.31. Лондон Д. Из военной корреспонденции // Иностранная литература. 1999. №2.

7.32. Максимовский Н. На войне. СПб., 1908.

7.33. Менье Р. Извлечения из сочинения капитана Р.Менье о русско-японской войне // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.8. СПб., 1907.

7.34. Мирный В.А. Боевой дневник унтер-офицера из русско-японской войны. М., 1912.

7.35. Немирович-Данченко В.И. На войну. От Петербурга до Порт-Артура. М., 1904.

7.36. Нефортунатов Н.И. На войне и о войне. Мысли и впечатления (из дневника участника русско-японской войны 1904-1905). СПб., 1913.

7.37. Нодо Л. Они не знали. Письма военного корреспондента газеты “Le Journal” о русской армии в кампанию 1904 года. М., 1905.

7.38. Нодо Л. Письма о войне с Японией. СПб., 1906.

7.39. Оболенский В.В. Записки о войне офицера запаса. М., 1912.

7.40. Павлов Е.Н. На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. СПб., 1907.

7.41. Пальгунов С.А. Русско-японская война. Стихотворения. 1904 г. 9-й и 10-й месяц. Евпатория, 1907.

7.42. Парский Д. Причины наших неудач в войне с Японией. СПб., 1906.

7.43. Педуая Г. Кавалерия в русско-японскую войну в ее будущем. Варшава, 1907.

7.44. Писанецкий А.И. На войне. Очерки, письма и заметки военного корреспондента. Полтава, 1909.

7.45. Подвязкин И.Х. Как я ездил в Маньчжурию: записки санитара Воронежского отряда красного Креста. Воронеж, 1912.

7.46. Рэкули Р. Десять месяцев на русско-японской войне. СПб., 1908.

7.47. Рябинин А.А. На войне 1904-1905гг. Из записок офицера действующей армии. Одесса. 1909.

7.48. Серебрянский Митрофан О. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996.

7.49. Скосаревский Г.И. Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну. СПб., 1911.

7.50. Соловьев Л.З. Указания опыта текущей войны на действия пехоты. Впечатления ротного командира. СПб., 1907

7.51. Табурно И. Правда о войне. СПб., 1905.

7.52. Теттау фон Э. От Мукдена до Портсмута: поучения и выводы из русско-японской войны // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.32.СПБ., 1914.

7.53. Толузаков С.А. На полях Маньчжурии и в России после войны. СПб., 1906.

7.54. Трейншверт фон А.К. Действия пехоты в освещении русско-японской войны капитана австрийского генерального штаба Аладора Кнебеля фон Трейшверта// Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.6. СПб., 1907.

7.55. Шеллендорф фон Б. Из записок очевидца Мукденских боёв майора германской службы // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.5. СПб., 1906.

7.56. Шеляпин М.П. Пролог к Тюренченскому бою: из жизни одной батареи в русско-японскую войну // Исторический вестник. 1904. Т.97. №7. С.137-153

7.57. Шикуц Ф.И. дневник солдата в русско-японскую войну. СПб., 1909.

7.58. Энпе [б.и.]. От Гунжулина до позиций // Офицерская жизнь. 1906. №18. С.270-272.

7.59. Яковлев П.А.. Воспоминания нижнего чина 85 пехотного Выборгского полка Его Императорского королевского Величества императора Германского короля Прусского Вильгельма II полка о русско-японской войне. Ч.II. СПб., 1911.

8. Отечественная литература

8.1. Electronic fulltext database “The Russo-Japan War 1904-1905. Materials publisherd in Russia before the Revolution of 1917”: Catalogue. Saint-Petersburg, 2000.

8.2. Аварин В.Я. Империализм в Маньчжурии. М.1931.

8.3. Авдеев В.А. Секреты русско-японской войны (организация изучения русско-японской войны 1904-1905 гг. Генеральным штабом России) // Военно-исторический журнал. 1993. №9. 83-89.

8.4. Агеев А. Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1975. №8. С.99-104.

8.5. Апушкин В.А. Русско-японская война 1904-1905гг / Из истории русско-японской войны 1904-1905 гг. СПб., 2005.

8.6. Аранович А.В. Интендантство русской армии во второй половине XIX-начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006, №10. С.15-17.

8.7. Балакин В.И. Причины и последствия русско-японской войны 1904-1905 гг. // Новая и новейшая история. 2004. №6. С.57-65.

8.8. Баев А. Продовольствие войск на войне по опыту русско-японской войны // Сборник сочинений Николаевской академии Генерального штаба. Кн.8. СПб., 1907. С.211-258.

8.9. Батющенко Ю.В. Офицерские экономические общества в годы русско-японской и Первой Мировой войн // Военно-исторический журнал. 2004. №7. С.104-115.

8.10. Бирюза Г.П. 33 наших соседа. СПб., 1901.

8.11. Блюзе Р. Японская армия в 1908г. СПб., 1910.

8.12. Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России, конец XIX в.- 1917 г. М., 1960.

8.13. Быков П.Д., Левицкий Н.А. Русско-японская война. М., 2003.

8.14. Будко А.А. Селиванов Е.Ф. Военная медицина России в войне с Японией в 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. №6. С.57-62.

8.15. Быков П.Д. Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия на море. М., 1942.

8.16. Виноградский А.Н. История русско-японской войны 1904-1905. Вып.1-4. СПб., 1908-1912.

8.17. Виноградский А.Н. Японо-русская война. Причины войны, театр войны и средства сторон. СПб., 1904.

8.18. Виолин А.Я. Эвакуация больных и раненых с передовых позиций // Военно-медицинский журнал. СПб, 1906. №2. С.305-314

8.19. Военная одежда русской армии. М., 1994.

8.20. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

8.21. Воскобойников Г.Л. казачество в русско-японской войне (1904-1905 гг.). Ростов-на-Дону, 1995.

8.22. Гальперин А.Л. Англо-японский союз. М., 1947.

8.23. Гефнер О.В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009, №3. С.77-87.

8.24. Гигиенические отряды на театре военных действий. Харьков, 1904.

8.25. Головачев В., Ливрон де А. Хроника военно-морских действий на Дальнем Востоке. СПб., 1906.

8.26. Голыженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет (1618-1918). Энциклопедия военного костюма. М., 2002.

8.27. Грейгнер А.В. Обзор снаряжения, одежды и питания русской армии за время кампании 1904-1905 гг. // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906.№1. С.86-97.

8.28. Гришинский А.С., Никольский Н.С., Кладо Н.Л. История русской армии и флота в 15 томах. Т.14. СПб., 1911-1913.

8.29. Гущин А.В. Русская мемуаристка 1904-1905 гг. (военно-антропологический подход) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. №1. С.49-52.

8.30. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XX век: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2002.

8.31. Деборин Г. Международные отношения в период русско-японской войны и первой русской революции. 1904-1907. М., 1941.

8.32. Деревянко И.В. «Белые пятна» русско-японской войны 1904-1905 гг. М., 2006.

8.33. Деревянко И.В. Мозг армии (корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. №10. С.79-80.

8.34. Добровольский С.К. Русско-японская война 1904-1905 гг. Исследование операций на отдаленном своеобразном театре войны. М., 1930.

8.35. Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904-1905. СПб., 1910.

8.36. Дуров В.А. Русско-японская война 1904-1905 гг в боевых наградах // Военно-исторический журнал. 1990. №9. С.81-86.

8.37. Егорьев В.Е. Операции Владивостокского отряда крейсеров в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М., 1939.

8.38. Ермилов Н. Японская армия. Японский флот. СПб., 1904

8.39. Железнодорожные войска России. Кн.1. На службе Российской империи: 1851-1917. М., 2001.

8.40. Жукова Л.В. Повседневность японского военного плена // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010, №1. С.106-119.

8.41. Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой Мировой войной // Вопросы истории, 1981, №4. С.21-29.

8.42. Засосов Д.А. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX-XX веков. Записки очевидцев. М., 2003.

8.43. Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. Борьба на море. М., 1990.

8.44. Зуев М.Н. К вопросу о подготовке офицеров запаса в России. Конец XIX-начало XX века // Военно-исторический журнал. 2008. №2. С.47-48.

8.45. Изместьев П.И.. Хунхузы и опыт формирования из них конно-туземных сотен// Офицерская жизнь. 1906. №6. С.69.

8.46. Изонов В.В. Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. М., 2004. №10. С.34-39.

8.47. Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Вып.1-21. СПб., 1904-1905.

8.48. Йолтуховский В.М. Борьба с минной опасностью в русско-японскую войну и ее уроки // Военно-исторический журнал. 2001. №7. С.15-19.

8.49. Ипполитов Г.М. Условия выполнения военно-исторических исследований в России (1870-1914) // Вестник Самарского государственного университета. Исторический факультет. Самара, 2006. С.31-45.

8.50. История железнодорожного транспорта России. Т.1: 1836-1917. СПб., 1994.

8.51. История Тыла Вооруженных Сил (XVII – XXвв.). Кн.1. СПб. 2000.

8.52. Канник П. Военная униформа: все страны мира. СПб., 2002.

8.53. Каулин К.В. Граф В.Н.Ламздорф и крейсерская война против Японии // Российская история. 2013.№1. С.137-146.

8.54. Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. Т.3. М.,1994.

8.55. Кияницын И.И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в русско-японскую войну // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906. №1. С.75-85.

8.56. Колчин Б., Разин Е. Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М.1939.

8.57. Командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А.Н.Куропаткин. М., 1905.

8.58. Кравцов И.Н. Зарубежная историография и источниковедение о русско-японской войне 1904-1905гг. М., 2004.

8.59. Крейндель И.С. Преобладающие амбулаторные болезни в Маньчжурской армии во время русско-японской войны 1904-1905гг // Военно-медицинский журнал. 1906. №2. С.332-335.

8.60. Кунжаров Е.М. Подготовка офицеров запаса в Российской империи в конце XIX-начале XX вв. (на материалах Восточной Сибири) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. №2. С.75-80.

8.61. Купчинский Ф. «Герои» тыла. СПб., 1908.

8.62. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905. Итоги войны. Berlin, 1911.

8.63. Левин Н. Атака Путиловской сопки. Эпизод из сражения на реке Шахэ в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М., 1939.

8.64. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1938.

8.65. Лихарев Д.В. Споры о причинах Цусимской катастрофы // Отечественная история. 2005. №5. С.168-178.

8.66. Лобанов А.В. Еще раз о причинах Цусимской трагедии // Военно-исторический журнал. 2005. №4. С.55-60.

8.67. Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. №2. С.16-33.

8.68. Лучинин В. Русско-японская война 1904-1905. Библиографический указатель. М., 1939.

8.69. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1907.

8.70. Мелентьев В.Д. Тыловое обеспечение 2-й Тихоокеанской эскадры // Военно-исторический журнал. 2005, №4. С.60-61.

8.71. Морозов С.Д. Военное образование в России на рубеже XIX-XX вв. // Военно-исторический журнал. 2008. №4. С.83-91.

8.72. Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай. Физико-географическое описание. М., 1955.

8.73. Незнамов А. Из опыта русско-японской войны. СПб., 1906.

8.74. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т.1-2. Белград, 1939.

8.75. Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мейдзи. Т.1-4. СПб., 1909-1910.

8.76. Орлов А.С., Георгиев В.А. История России: учебник. М., 2005.

8.77. Павлов Д.Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904-1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // Отечественная история. 2005. №3. С.144-157.

8.78. Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904-1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004.

8.79. Панин И.Г. Уроки трехсотлетней российской военной школы // Военно-исторический журнал. 1998. №6. С.2-8.

8.80. Петербургские трактиры и рестораны. СПб., 2006.

8.81. Подвижной лазарет на 50 кроватей Иваново-Вознесенского местного комитета Красного Креста, отправленный на Дальний Восток 3.3.1904. Иваново-Вознесенск, 1904.

8.82. Поспелов П.И. Военно-походная жизнь в Маньчжурии и ее болезни // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906. №2. С.294-335.

8.83. Потираловский П.П. Эвакуация в современную войну // Военно-медицинский журнал. 1908. №4. С.698-708.

8.84. Преснякова Л.В. Театральная жизнь в Маньчжурии в 1904-1905 гг. // Россия и АТР. 2005, №2. С.41-45.

8.85. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004, №5. С.3-19.

8.86. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, Т. 1—9. СПб., 1910.

8.87. Радзишевский Е.Е. Краткие сведения о японской армии. Холм, 1904.

8.88. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М., 1955.

8.89. Романовский Ю. Японская армия. Справочник современного устройства японских вооруженных сил. СПб., 1910.

8.90. Рубанова И.В. «Благодарные» письма солдат из действующей армии на Дальнем Востоке (1905-1906 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. №4. С.153-156.

8.91. Русско-японская война 1904-1905 гг. / под ред. И.И.Ростунова.М., 1977.

8.92. Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вопросы истории. 2007. №4. С.3-15.

8.93. Свечин А. Русско-японская война 1904-1905 гг. по документам труда военно-исторической комиссии и другим источникам. СПб., 1910.

8.94. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

8.95. Сергеев Е.Ю. Русская разведка в начале войны с Японией 1904-1905 гг. // Новая и новейшая история. 2005. №1. С.60-79.

8.96. Силин В. Картинки Порт-Артурской жизни. Кронштадт, 1905.

8.97. Симоненко В. Об одной минной постановке в период обороны Порт-Артура // Военно-исторический журнал. 1984. №8

8.98. Сказания иностранцев о русской армии. СПб., 1912.

8.99. Сорокин А.И. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1956.

8.100. Старшов Ю.В. Русско-японская война. Словарь-справочник. М., 2004.

8.101. Стрелецкий [б.и.]. Как должен был быть подготовлен театр военных действий в Южной Маньчжурии по опыту войны // Сборник сочинений Николаевской академии Генерального штаба. Кн.7. Спб., 1906. С.91-108.

8.102. Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904-1908). М., 2005.

8.103. Сухачева Г.А. Борьба с хунхузничеством в Маньчжурии в конце XIX-первой трети XXв. // Россия и АТР. 2008. №4. С.104-112.

8.104. Тонкий Н.В. Особенности преступлений в тыловом обеспечении русской армии в войне с Японией // Известия Пензенского государственного педагогического университета им.Белинского. Гуманитарные науки. 2011. №23. С.589-590.

8.105. Тонкий Н.В. Тыловое обеспечение русской армии в начале XX века// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012, №5. С.189-192.

8.106. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М.,1960.

8.107. Уткин А.Н. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2004.

8.108. Ухач-Огорович Н.А. Вьючные носилки системы генерал-майора Ухач-Огоровича в русско-японскую войну. Киев, 1909.

8.109. Ухач-Огорович Н.А. Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904-1905. Киев, 1911.

8.110. Формы обмундирования японских сухопутных войск. СПб., 1904.

8.111. Фролов Б. Русско-японская война 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1974. №2. С.60-62.

8.112. Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Транспортное обеспечение маньчжурских армий // Военно-исторический журнал. 2005, №2. С.60-62.

8.113. Хейсин М.Л. Бытовые стороны военной медицины в русско-японскую войну // Мир Божий. 1906. №6. С.1-21.

8.114. Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904-1905. Факты. Документы. М., 2004.

8.115. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII-начало XX в. СПб., 2001.

8.116. Японская армия. Ее формы, организация, распределение по родам оружия и численность. М., 1904.

9. Иностранная литература

9.1. Ivanov A, Jowlett P. The Russo-Japanese war 1904-1905. London, 2003.

9.2. Ivanov A., Karachtchouk A. The Russo-Japanese war 1904-1905 (Men-at-Arms). Oxford, 2004.

9.3. Kowner Rotem. Historical dictionary of the Russo-Japanese war. Maryland, 2006.

9.4. Martin Christopher. The Russo-Japanese war. New-York, 1967.

9.5. Westwood J.N. The illustrated history of the Russo-Japanese war. London, 1973.

9.6. Бу-сёо-сэй. Тактические поучения, извлеченные японцами из последней войны. СПб., 1912.

9.7. Вада Х. Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией // Вопросы истории. 2012. №3. С.97-109.

9.8. Габерман Г.Э. 5-я японская дивизия под Мукденом. Из дневника австрийского военного агента ротмистра Эрвина Франца // Война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.22. Ч.2. СПб., 1909.

9.9. Давелюи Р. Уроки русско-японской войны. Борьба за обладание морем. Разбор и критика. СПб., 1908.

9.10. Бардонно Ж. Критический разбор главнейших боев первого периода войны: из кн. подполк. Бардонно «От Ялу до Ляояна» // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.21. СПб., 1909.

9.11. Ниссель А. Из опыта русско-японской войны: тактические выводы капитана франц.генштаба // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.3. СПб., 1909.

9.12. Русско-японская война. Сост.англ.ген.штабом. Донесения английских офицеров, состоявших при японской действующей армии. Т.1. СПб., 1913.

9.13. Сакурай Т. Живые ядра: очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром. СПб., 1909.

9.14. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

9.15. Тэттау фон Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны. Ч.1-2. СПб., 1913.

9.16. Хаген фон М. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 гг. // Отечественная история. 2004. №5. С.37-49.

10. Диссертации и авторефераты

10.1. Лысев А.В. Русский Порт-Артур в 1904 году, история военной повседневности: диссертация… канд.ист. наук: 07.00.02. СПб., 2002.

10.2. Новичков А.В. Фронтовой быт частей и подразделений русской армии во время русско-японской войны 1904-1905 гг: по материалам личного происхождения: диссертация… канд.ист.наук: 07.00.02. М., 2009.

10.3. Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к русско-японской войне 1904-1905 гг.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: диссертация… канд.ист.наук: 07.00.02. Кострома, 2006.

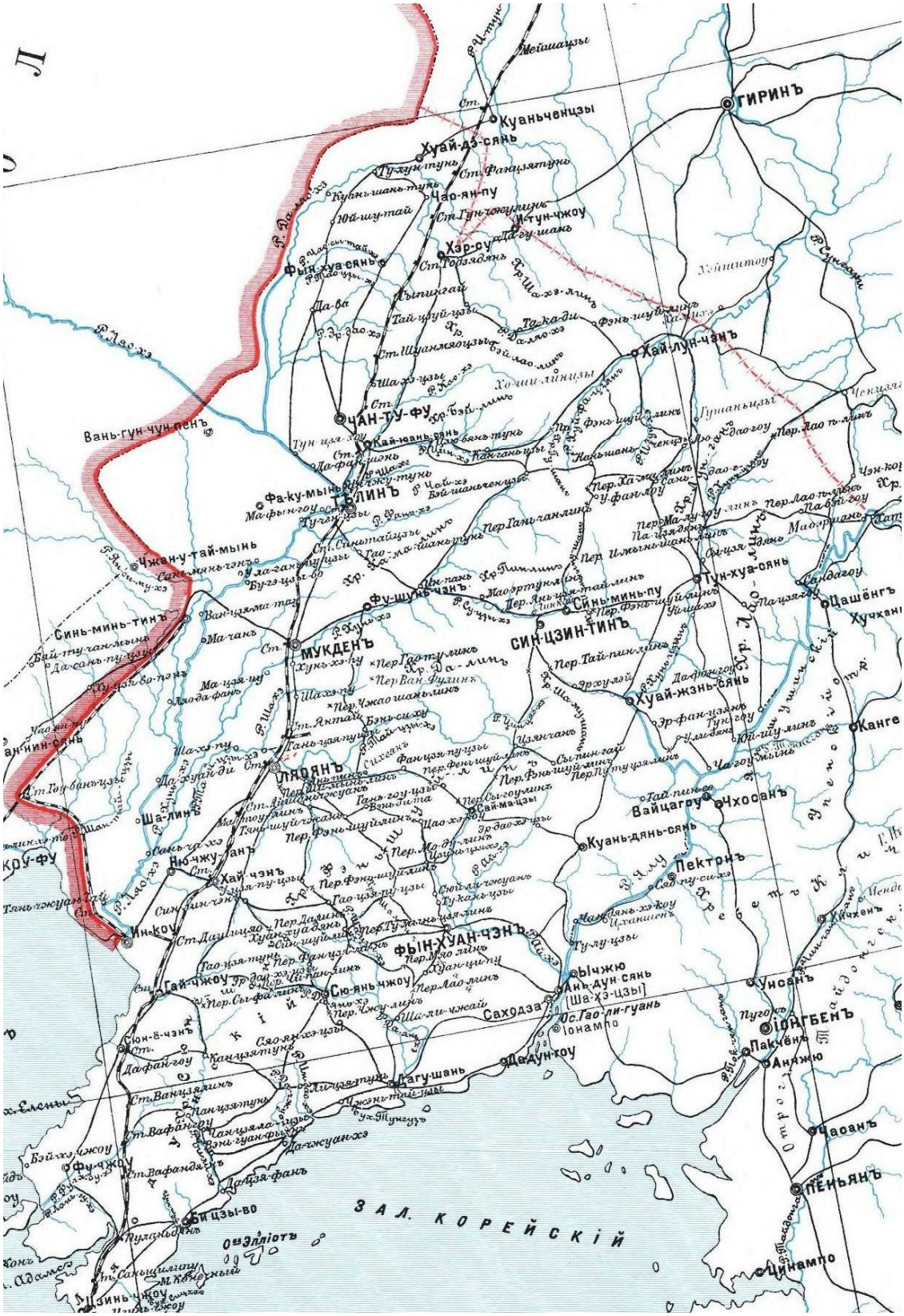
10.4. Сорокина М.А. Моральное состояние флота Тихого океана в период русско-японской войны 1904-1905 годов: диссертация… канд.ист.наук: 07.00.02. СПб., 2006.

10.5. Урбанович В.М. Отечественная историография русско-японской войны 1904-1905 гг. как форма культурной памяти автореферат диссертации… канд.ист.наук. М., 2012.

10.6. Шерстнев С.С. Деятельность государственных органов Российской империи по укреплению морального духа Маньчжурской армии в период русско-японской войны (март 1904-сентябрь 1905): автореферат диссертации… канд.ист.наук. Оренбург, 2010.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Карта Маньчжурии[1].



[1] Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.7. Картографическое приложение №1.

Приложение 2. Ведомость офицерского имущества, берущегося в поход[1].

Название вещей	**Вес: фунт**	**Примечания**
На себе		
Полная смена белья	1,30	1)Полезно, подобно как для бинокля, прибавить особый ремень через левое плечо, пристёгивая особыми захватками к боевому ремню в месте нахождения кобуры, что бы она не отвисала от тяжести револьвера 2) Такой длины, чтобы мог быть одет поверх пальто
Мундир с погонами, шаровары и фуражка	7,14	
Сапоги чёрные	3,48	
Револьвер с патронами, кобура(1), шнур и боевой ремень(2)	3	
Дальномер в кожаном мешочке(3)	0,18	3)Наглухо прикрепляемый к ремню бинокля. Приказ по в.в.1892г. № 213
Свисток(эхо) на шнурке	0,18	4)Сумка на коротких ремнях, пришитых к петле для продевания на боевой ремень или к шпингалету для пристёгивания к верхнему кольцу ножен
Офицерская сумка(4), в которой носить: карты, книжку донесений, записную книжку, несколько визитных карточек, карандаш, бумагу для съёмки, циркуль или плоскую масштабную линейку, перочинный нож в чехле и содержащий: большое лезвие(хлебное), малое, штопор, отвёртку, пробойник для ремешков и буравчик, а для верховых ещё крючок для чистки копыт	0,70	
Бинокль в футляре с компасом на нём	-	
Шарф	0,24	6)Что бы она не болталась, полезно иметь на ней ремешок для прикрепления к боевому ремню
Фляжка(6), со стаканчиком, на ремне	1,48	
Часы с заводом без ключа на кожаном шнурке, верховым в кожаном браслете	0,24	

[1] Данный список представлен дословно, с сохранением дореволюционной орфографии и пунктуации

Кошелёк для расходных денег в кармане; остальные в фланелевом мешочке под рубашкой	0,88	
Набрюшник	0,10	
Непромокаемый плащ на ремне через плечо	2,24	
Летнее пальто, скатанное через плечо с ремнём	8,24	
(Близоруким) очки или пенсне, непременно на шнурке	0,02	
Курящим – портсигар кожаный с папиросами или трубочка с кисетом	0,24	
Спички или огниво	0,01	
Ключи на цепочке	0,02	
Перевязочная косынка	0,06	
Китель(7) с прибором и погонами	2,00	7) Летом
Фуфайка(8)	1,48	8) В холодное время
Шведская куртка(9)	3,00	9) Зимой
<u>В обозе 1-го разряда в баталионной офицерской двуколке</u>		
Офицерский багаж(11)		11) Наиболее практичный офицерский багаж по опытам оказался капитана Гинтера
Мешок из непромокаемой парусины с замком; в нём: войлок вместо тюфяка, чайная посуда: медная цилиндрическая кастрюля с ручкой и дугообразной откидной ручкой, чайник металлический, кружка металлическая эмалированная с ручкой и чайная ложка. Кастрюля медная с крышкой и ухватом для сковороды(крышка), ножи – большой и столовый, вилка и ложка глубокая эмалированная железная.		12) Если было бы признано полезным по ходу военных действий взять с собой небольшой запас сухарей, чая и сахара, то хорошо иметь небольшую сумку через плечо вроде ягдташа, что увеличит, конечно, вес носимого имущества и до пуда

Съестные припасы:(12) чай, сахар, соль, сухари и консервы	5,00	
Письменные принадлежности и уставы		
Туфли в форме козловых полусапожек		
Фонарик со свечой		
Тальк в жестянке для облегчения надевания сырых сапог		
Свиное сало в жестянке для смазки потёртых ног		
Для близоруких вторые очки или пенсне на шнурке		
Полотенце, кусок мыла и щётки: платяная, головная и зубная		
Две иголки с белой и чёрной ниткой		
Английский пластырь, просечённый на кусочки		
<u>В обозе 2-го разряда в ротной повозке</u>		
Складная(13) кровать		13) Наиболее практичной оказалась чемодан-кровать системы Гинтера, допускающая по весу иметь с собой необходимые в походе складной стол и табурет.
Чемодан(13) и в нём:		
Мундир с шароварами и погонами (в синей бумаге)		14) Заменяют тёплое пальто. Бурки и полушубки допускать неудобно, для соблюдения однообразия в форме одежды, что , очевидно, необходимо не только для мирного времени.
Шведская куртка(14) на фланелевой подкладке		
Фуфайка шерстяная (14) или шёлковая (хорошо две)		
Два кителя с приборами и погонами (последние в синей бумаге)		
Шарф и темляк (в синей бумаге)		
Пара длинных сапог, каждый в чехле и с		

крючками для надевания		
Фуражка		
Набрюшник фланелевый, наушники и башлык		
Колодка с орденами		
Перчаток замшевых две пары, нитяных 3 пары и тёплых 2 пары.		
Рубашек бумажных или Егера 5 штук, подштанников таких же 5 штук, полотенец: 5 личных, 4 посудных; носовых платков 5, рукавчиков 4 пары, носков шерстяных 6 пар.		
Одеяло байковое, подушка и 3 наволочки.		
Письменные принадлежности: почтовая бумага, конверты с марками, чертёжная бумага, чернильница, перья и ручка, карандаши, резинка, записная книжка, календарь, визитные карточки, дневник и циркуль.		
Бумажник с деньгами и документами		
Туалетные принадлежности: щётка, гребёнка, зубная щётка, мыло, зубная паста или порошок, ножницы, зеркальце, машинка (15) для стрижки волос и клозетная бумага.		(15) Хотя бы по одной на роту.
Принадлежности для починки: иголки, нитки белые и чёрные, крючки с петлями, костяшки, пуговицы и т.п.		(16) Сверх того возится на каждого офицера в ротной парной повозке по 4 фунта сухарей на 2 дня, по 1 фунту крупы на 3 дня и по 6 золотников соли на день.
Съестные припасы: чай, сахар, консервы и прочее (16).		
Папиросы или табак в кисете, запасное огниво или спички.		
Щётка платяная, смазная и сапожная; мазь в жестянке.		
Подсвечник складной со свечами.		

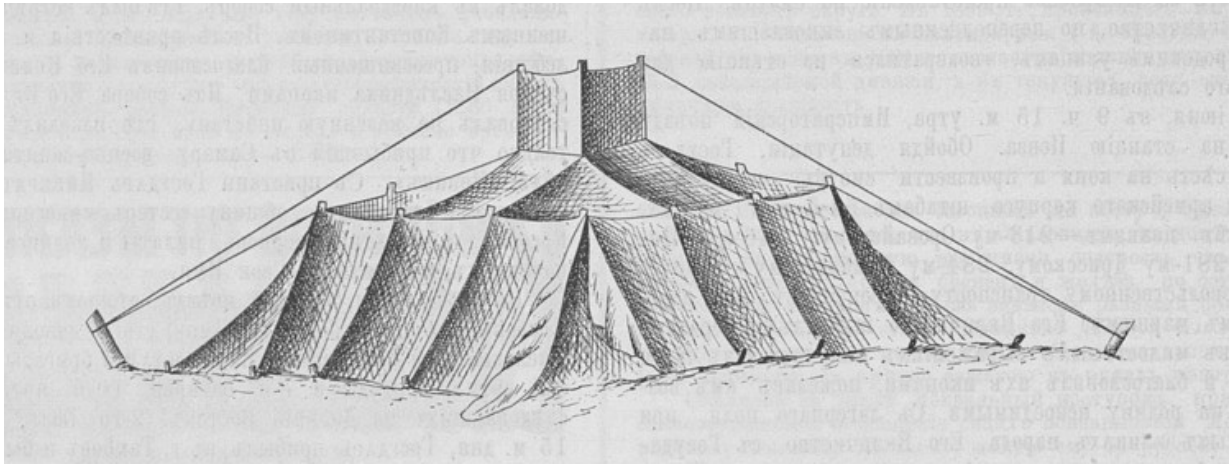
Третьи очки или пенсне (для близоруких)		
Мыло для стирки белья.		
Свиное сало в жестянке, порошок от насекомых, тальк в запас.		
Запасные патроны и в кожаном мешочке прибор для чистки револьвера с маслянкой.		
Примечание: при выступлении в поход советуется брать с собой по возможности всё новое, а одежда должна быть сшита настолько широко, что бы свободно можно было поддевать шведскую куртку и фуфайку. Бельё лучше шёлковое, затем Егера, но отнюдь не полотняное. Носки лучше носить всегда шерстяные. Волоса стричь под гребёнку или машинкой, бороду не брить. Хорошо оставить постоянному сапожнику и портному мерку. Все берущиеся в поход запасы следует расходовать по возможности экономнее.		

Приложение 3. Универсальный патентованный полевой багаж системы штабс-капитана Беньяминова и поручика Любушкина[1]

[1] Разведчик. 1904. №729. С.1037.

Приложение 4. Фото вагона гвардейского экономического общества[1]

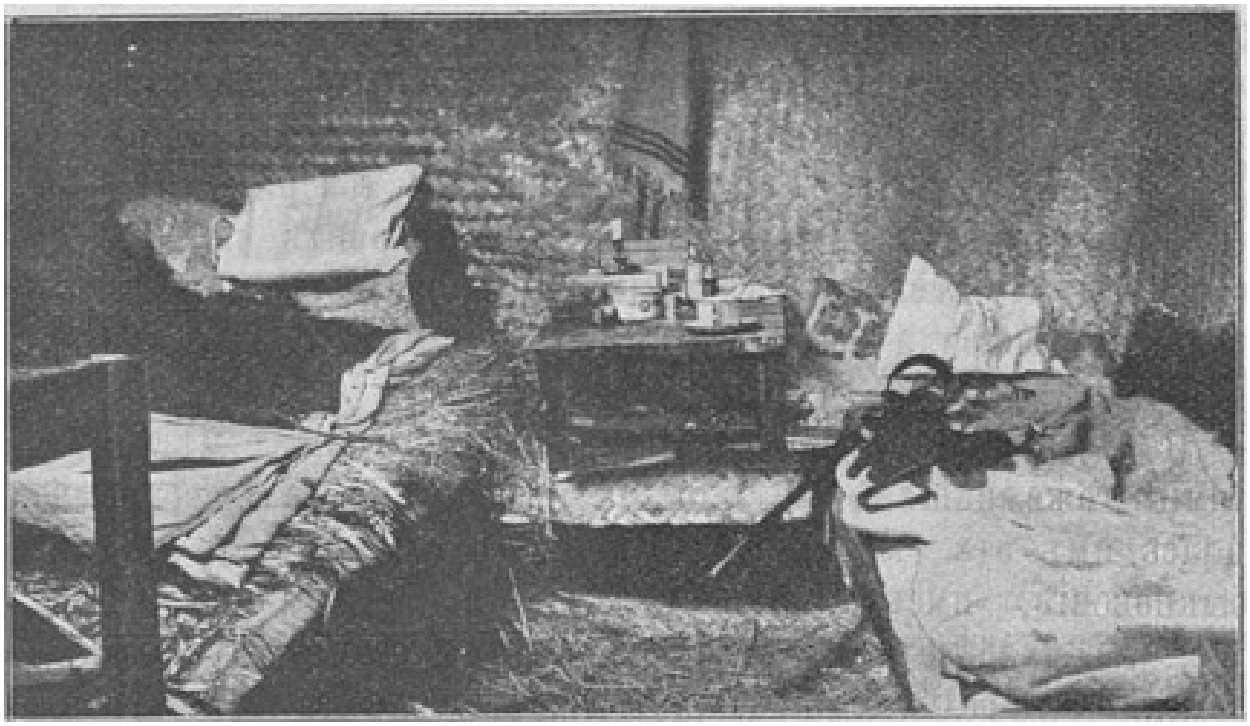
Приложение 5. Шатер-палатка[2].



[1] Разведчик. 1905. №745. С.88.

[2] Разведчик. №717. С.740.

Приложение 6. Внутренность землянки 11-го Восточно-Сибирского полка[1].



Приложение 7. Пасхальный стол в Маньчжурии. Командир полка и офицеры[2].

[1] Разведчик. №775. С.672.

[2] Разведчик. №806. С.282.

Приложение 8. Офицеры 11-го пехотного Псковского полка на фоне театра[1].

[1] Разведчик. №816. С.469.